

Владимир Жариков

АМУЛЕТ

Золотого Льва

ЛУКОМОРЬЕ

Владимир Жариков
Амулет Золотого Льва

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Жариков В. А.

Амулет Золотого Льва / В. А. Жариков — «ЛитРес: Самиздат», 2010

В основу сюжета положено существование некоего параллельного сказочного мира, в который герои, наши современники, попадают при помощи магического амулета. Однако выбраться назад из этого мира не так легко. Решая свои задачи, герои сталкиваются и с проблемами сказочного мира, которому угрожает серьезная опасность. Пройдя через многие трудности, испытания и захватывающие приключения, наши герои помогают спасти сказочный мир.

Содержание

Часть первая. Алмазная Долина	6
Часть вторая. Выполнение спецзадания	61
Конец ознакомительного фрагмента.	78

АМУЛЕТ ЗОЛОТОГО ЛЬВА

(фантастическая повесть)

От автора.

Эта история произошла (или могла произойти) в середине «нулевых» годов этого века. Если что и мешало мне пересказать её раньше, так это то, что я считал всё это неправдоподобным вымыслом моего приятеля Ивана Горячева, который несколько лет назад поведал мне о своих приключениях. Однако когда я почти слово в слово услышал данный рассказ от хозяина пансионата «Сказка» Германа Аксенова, серьезного человека, антрополога и доктора наук, то почти поверил в его правдивость. Окончательно меня убедил в этом капитан ФСБ в отставке Игорь Мельников, тоже участник нижеизложенных событий. Поэтому я решил вынести на ваш суд рассказ Ивана Горячева, подтвержденный и дополненный другими реальными героями данной повести.

Книга первая

Часть первая. Алмазная Долина

Глава 1. Пасть Дракона

Зачаленный возле берега плот слегка покачивался на волнах, которые добежали сюда со стремнины. Выше по течению за кормой поблескивал плес, там еще ничто не тревожило гладь воды. Зато на траверсе поверхность морщила рябь, на которой время от времени вспыхивали небольшие стоячие волны, похожие на языки пламени догорающего костра. Набрав силу, река стремительно уходила за поворот, и оттуда доносился зловещий рев порога.

Стоял погожий летний день. Однако через громоздившиеся на противоположном берегу горы, наваливаясь на снежные вершины сизо-лиловым брюхом, переползало весьма подозрительного вида облако. Очевидно, оно намеревалось затмить собою теплое солнышко. Но светило пока не догадывалось об этом, его лучи безмятежно играли бликами на воде и, отражаясь от нее, создавали причудливо дрожащие узоры на скале и прибрежных камнях.

Наша небольшая туристская группа насчитывала всего пять человек: три парня и две девушки. Мы сплавлялись по таежной реке на плоту. Путешествие подходило к концу, нами были покорены почти все сложные пороги. Оставалось пройти последние два – Пасть Дракона и Хвост Анкилозавра. Замечу, что туристы, впервые сплавившиеся по этой реке и составившие лоцию, очевидно были большими юмористами, давая порогам палеонтологические или эзотерические названия: Хребет Стегозавра, Зубы Мегалодона, Когти Дьявола, Ведьмин Язык и тому подобное.

Перед Пастью Дракона мы сделали остановку. Мои друзья ушли на разведку – посмотреть порог и выбрать тактику прохождения, а меня охватила лень, я сидел на плоту, смотрел на чахлую березку, притулившуюся в расщелине отвесной скалы, и размышлял о бренности бытия.

Наверху, за обрывом высокого берега, простиралась тайга, где живут дикие звери и птицы. Там много грибов и ягод, там пахнет рододендронами, багульником и кедровой хвоей. А прямо передо мной – река, в которой чистейшая прозрачная вода и полно рыбы. И всё это величие – и река, и тайга, и горы, и шум порога – создает впечатление вечности. Даже чахлая березка в расщелине скалы. А там где мы живем, среди копоты, смога и гари, среди машин эсэмэсок и интернетов – все тленно. А тут! Как же тут славно, черт побери! Слава Богу, есть еще на свете места, куда не добрались ни урбанизаторы, ни приватизаторы...

Сверху слышались шаги и голоса, а вниз посыпались мелкие камушки. Один, с криком, угодил мне в каску. Я возмутился:

– Эй, вы! Поаккуратней там!

На плот запрыгнул Серега – мы зовем его Командором, – могучий телом и гроза всех порогов. За ним очаровательные стройные девушки – светловолосая Катя и брюнетка Лена. Прокочив мимо меня, обе взялись за переднюю гребь. Высокий и худощавый Леха отвязал причальный конец и тоже шагнул на настил.

– Скучаешь? – спросил он меня и, не дождавшись ответа, порадовал: – Ничего, сейчас повеселимся!

– Мы просмотрели всю Пасть Дракона, – пояснил Командор. – Скучать там негде. Леха встанет к девчонкам на носовую гребь, а мы с тобой на корме. Про видеокамеру забудь!

– А как же?... – попытался я что-то вякнуть.

Я снимал видеофильм о нашем походе и старался по возможности не корячиться у гребя, а наблюдать прохождение через видеоискатель.

– Ничего, словами расскажем, – Леха с мужественным видом застегнул ремешок хоккейной каски и добавил: – Если живы будем.

Мы отвалили от берега, и наш плот, подхваченный потоком, помчался за поворот. Шум воды усилился и открылся вид на всю Пасть Дракона. Порог начинался с высунутого языка – длинная, почти ламинарная струя увлекала плот и, разгоняя его, не оставляла никаких шансов на попятную. Зачалиться уже негде, только вперед! А впереди!!!

Для начала гребенка острых камней, едва прикрытых водой – резцы пасти, их надо проскочить на максимальной скорости, иначе застрянем. Работаем, налегаем на гребки до хруста, разгоняемся. Бревна заскребли по камням, плот тормознуло, но медленно смыло вниз, и он, снова набирая скорость, помчался, подхваченный потоком. Вот слева и справа два острых клыка – огромные скальные обломки торчат из воды, и надо во что бы то ни стало попасть в створ между ними.

– Нос влево! Сильно влево, черт вас дерит! – сипло орет Командор на передних.

Сквозь шум воды его голос еле слышен.

– Иван, навались! – командует мне.

Зараза! Чуть-чуть не успеваем, правый борт нанесло на камень, что-то затрещало. Но вода помогла нам: случайно вспучившийся пульсирующий вал приподнял плот и освободил его. И вот по обе стороны замелькали моляры, премоляры, короче, коренные зубы пасти – валуны величиной с троллейбус, прикрытые водой, за каждым бурлит и пенится вода, от каждого надо успеть увернуться, чтобы не выйти из «языка» – основного потока. А дальше – глотка. Скалы с обеих сторон сжимают реку, и вся вода, все шестьсот кубометров в секунду (именно такой расход воды в этом месте, согласно справочнику) уходит в дырку шириной в пять-шесть метров. И водопад.

Плот устремляется вниз, Леха с девчонками полностью погружаются в белый котел бурлящей «газировки». Плот замер в вертикальном положении, и время словно остановилось, а в воздухе мелькнула измолотая в щепки носовая гребь. Мы с Командором из последних сил пытаемся удержать корму. Тщетно. Из «глотки» мы вышли накрытые перевернувшимся плотом. Пара минут, в течение которых я не видел неба, показались мне долгими часами. Я бился как муха в стекло, пытаюсь выбраться на поверхность, но все время упирался головой в настил плота. И вот, наконец, солнечный свет, долгожданный глоток воздуха и проносящийся мимо берег.

Ухватившись руками за перевернутый плот, я огляделся и обнаружил, что нахожусь возле нашего плавсредства в гордом одиночестве. Командор плыл поодаль метрах в пяти, что-то орал и махал рукой. Лёха в это время выбирался на берег, а Лена с Катей уже стояли на твердой земле, и это радовало.

А мне предстоит выполнить самую ответственную работу – зачалить плот. Для этого надо нырнуть под него, нащупать и отвязать причальный конец и, пока веревка разматывается, доплыть до берега. На берегу найти подходящий камушек, да побольше, обежать вокруг него три-четыре раза с веревкой и намотать ее как на кнехту. В теории это легко, но на практике все надо проделать быстро и без дублей – второй попытки у меня нет (и второй жизни тоже). Если веревка натянется, а я не успею выбраться на берег, плот потащит меня за собой и придется отпустить его восвояси вместе со всеми нашими столь нужными для походной жизни вещами, ибо удержать за веревку три тонны, увлекаемые взбешенной рекой, я не в состоянии. Впрочем, не стану утомлять вас долгим описанием своих действий, скажу только, что плот я все-таки упустил. Веревка натянулась, когда я почти доставал ногами донные камни. Течение сшибло с ног, а веревка вырвалась у меня из рук.

Я вышел на берег, тяжело восстанавливая дыхание. Струи воды потоками стекали к ногам. Заметив подбегающего Командора, я развел руками, не смея поднять на него глаза. Комплекс вины почему-то уже обуял меня, я мысленно искал слова оправдания, хотя еще никто

не высказал мне упрека. Да и что в такой ситуации я мог сделать один? В том, что мы остались без плота и без вещей виноват не только я...

– Вон он! – раздался откуда-то сверху голос Лёхи. – Там, за поворотом!

Мы с Командором подняли головы. Лёха стоял на береговой терраске и пальцем указывал вниз по течению реки.

– Его прибило к галечной отмели!

Спотыкаясь о прибрежные камни, мы помчались за поворот. Там река расширялась и успокаивалась, а на каменистом перекате застрял наш несчастный перевернутый плот. Не веря такой поистине фантастической удаче, мы бежали к нему по мелководью, едва не сбиваемые с ног течением, и через пару минут все собрались у плота.

– А как мы достанем наши вещи? – Ленка, попыталась просунуть под бревна руку.

Не стоит объяснять, что перевернуть обратно трехтонную махину без помощи подъемного крана не представлялось возможным. Однако найти кран посреди тайги – все равно, что встретить медведя в центре Парижа.

– Плот надо разобрать, – вынес вердикт Командор. – Завтра свяжем заново. Потеряем день, а что делать?!

– Какое сегодня число? – спросил Леха, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Тринадцатое, – ответил я.

– А день?

– Пятница.

– Ну вот, этим все сказано, – произнес Леха тоном законченного пессимиста.

– Да бросьте вы! – Командор не разделял уныние Лехи. – Все нормально, все живы, могло быть и хуже. И вообще, это для американцев несчастливый день – пятница. У нас, ин Раша, всегда несчастливым днем считался понедельник. Помните песню? «Видно в понедельник их мама родила...»

Пока мы возились с разборкой плота и вытаскивали вещи, разыгралась непогода: Задул порывистый ветер, небо затянули хмурые облака, полил дождь. За час мы с работой справились – на берегу отдельно лежали бревна, жерди, жердочки и наше барахло. Резиновые мешки, надежно привязанные к настилу, оказались целы – ничего не промокло, не утонуло и не уплыло. Однако стропы, которыми были связаны между собой бревна, пришлось разрезать, поскольку узлы находились по другую сторону.

– Чем же мы завтра будем связывать плот? – спросил Лёха, скорее риторически.

– Подумаем, – ответил Командор. – Еще не вечер.

Тем не менее, вечер уже наступил. Мы насквозь промокли, продрогли, устали и проголодались. Необходимо срочно ставить лагерь, переодеваться и готовить ужин.

– Я тут зимовье поблизости приметил, – сообщил Лёха.

Зимовье, если кто не знает, – это небольшая избушка, которую ставят охотники вдалеке от дома, чтобы в зимнее время было где переночевать или обогреться, ежели ночь или непогода застанут в пути и помешают вернуться домой. По неписаным таежным правилам воспользоваться такой избушкой может любой путник, двери у них никогда не запирают. Надо только оставить после себя порядок, запас дров, спички и какой-нибудь еды: крупу, банку тушенки или хотя бы соль – кому-нибудь пригодится.

Поэтому мы решили не возиться с разбивкой лагеря и переночевать в избе. Избушка была маленькая, без сеней и вместо фундамента стояла на толстых кряжистых пнях. Печка, занимавшая пол-избы оказалась русской, что довольно странно. Обычно в таких строениях для экономии места ставят небольшую «голландку» или «шведку».

Перетаскав мешки с нашей поклажей от разобранного плота в избу, мы сходили в лес за дровами, развели возле избы костер, чтобы приготовить на нем ужин. Так нам привычнее,

чем готовить в русской печке. В избушке мы навели порядок, подмели, накрыли стол, затопили печь, чтобы просушить мокрые вещи, и зажгли свечи.

– А не провести ли нам экзотермическую реакцию? – предложил Лёха.

– Которая происходит, как известно, с выделением тепла, – поддержал я товарища.

Вы, конечно же, догадались, что речь идет о растворении этилового спирта в воде с целью приготовления привычного нам сорокаградусного напитка. Хотя, в походных условиях мы обычно градус делаем покрепче – фифти-фифти. Для придания напитку благородного вкуса используются ягоды черники, брусники или можжевельника, ветки багульника, а также любой другой подручный, точнее подножный продукт.

– Ладно, так уж и быть!

Серега развязал свой личный гермомешок и достал оттуда пузатую увесистую флягу. Запасы спирта находились под его личным командорским контролем. Спирт в тайге – это и валюта при расчете с местным населением за оказанные услуги, это и лекарственное средство, и средство снять стресс и напряжение после тяжелого дня.

– У кого есть пустая тара?

Тары ни у кого не оказалось. Зато в избе нашлась наполовину пустая глиняная баклажка подходящего объема. Мы вылили из нее какую-то подозрительную жидкость, что-то вроде дихлорэтана или табуреточного самогона, отмыли и использовали для приготовления бруснично-можжевельного горячительного напитка.

Грубо сколоченный свежеструганный стол источал приятный запах древесины, в печке весело потрескивали дрова, две свечи в пустых консервных банках ярко освещали комнату. Гречневая каша с тушенкой – отменный ужин, сухари с луком и чесноком – мировой закусон. Мы выпили за прохождение Пасти Дракона. Пусть и с оверкилем в конце, но порог все-таки нами покорен и без единого, как говорится, трупа. Выпили за спасение плота, хоть и пришлось разобрать его по бревнышку. Ничего, завтра свяжем заново и поплывем дальше обивать пороги. Выпили за погоду, за тех, кто в море, на вахте и на гауптвахте, за прекрасных дам, стоя, с локтя и не закусывая...

Лично меня слегка повело. Спирту, вроде, было немного, баклажка вмещала никак не более пол-литра, на пятерых – это всего-то по каким-нибудь сто грамм. Но никто не задавался вопросом, почему же содержимое баклажки никак не заканчивается. Девчонки тоже раскраснелись и повеселели, пытались устроить танцы под плеер.

– А что? Если двоим танцующим по одному наушнику в ухо, можно слушать музыку и танцевать.

– Ага, а остальные будут смотреть на них как на идиотов!

– И как делать вращения, поддержки и прочие тодосы? – попытался пошутить я.

Но идея с танцами уже не обсуждалась. Катька стояла с метлой в руках и внимательно ее разглядывала, вся компания что-то шумно обсуждала.

– Ты чего, пол собралась подметать? – удивился я, поднимая свою мор... э, то есть, как бы помягче выразиться, свое лицо от пустой миски.

В нашей избушке явно не хватало доброго тазика оливье.

– Дай мне попробовать! – Командор пытался ухватить черенок.

– Отвали! Вон там, за печкой, еще одна такая стоит!

– Тут же кнопки, они под сучки закамуфлированы! Это же джойстик!

Когда я в очередной раз сумел оторваться от миски, Катька сидела верхом на метле, висая в воздухе безо всякой опоры, и упиралась головой в потолок.

– Ты чего, на своей косе повесилась? – я снова попытался сострить, но на меня никто не обращал внимания.

Командор оседлал вторую метлу, делал какие-то манипуляции с черенком, но все равно был прикован к полу законом всемирного тяготения. Ленка старалась отнять у него метлу,

аргументируя, что они, метлы, слушаются только женщин. Лёха дергал за прутики Катькину метлу, нетерпеливо намекая, что он – следующий.

– Ребята, пошли на улицу, – кричала Ленка, продолжая вырывать черенок из рук Командора. – Тут тесно и душно! А там и летаем!

«Ну, вот и «белочка», – подумал я. – Вроде и не алкаш, да и вообще почти не пьющий, а поди ж ты!»

В избе стало тихо. Я тоже оторвал свое не очень послушное тело от лавки и вышел на свежий воздух, едва не рухнув с крыльца. Дождь кончился, светила луна. Воздух был тих и недвижим, пахло влажной хвоей. А над верхушками деревьев кружили на метлах Катька и Ленка. Командор, задрав голову вверх, носился по поляне, размахивал руками и заплетающимся языком долдонил:

– Я запрещаю полеты! Вы не прошли медкомиссию! Срочно сдайте кровь на реакцию Видмарка!

Это он, конечно, из зависти.

– Метлы реально только девчонок слушаются, – пояснил мне Лёха. – Под мужиками они не летают.

– Мы с тобой как две ведьмы, да, Ленк? – Катька сделала изящное пике к нашим головам. Мы пригнулись, но Катька уже взмыла вверх.

– Слушай, Кать! – крикнул ей вслед Лёха. – У меня сегодня в пороге надувную подушку вырвало из спасжилета, слетай вниз по реке, может, где увидишь!

– Не могу! Метла только возле избы летает! Радиус действия этой вот поляной ограничен!

– Жаль! – Командор вздохнул. – А я думал, вы с Ленкой в магазин слетаете...

– Кстати, – заметил Лёха, – Там, в баклажке, кажется, кое-что осталось.

– Отлично! – и, обратившись ко мне, Командор спросил: – Ты как?

Я ответил, что с меня хватит, и что еще немного подышу свежим воздухом. Я спустился к реке в надежде, что шум переката и прохладный бриз с воды окажут свое отрезвляющее действие. Луна светила, дул ветерок, где-то кричала ночная птица. Река шумела, как и моя голова, в которой была полная каша.

Глюк или не глюк? – Вот в чем вопрос! Ответа я, конечно же, не нашел, мне стало зябко, и я вернулся в избу. В избе было темно, я посветил фонариком. Ребята уже вовсю дрыхли, упакованные в спальные мешки, прямо на полу: девчонки по одну сторону стола, мужики – по другую. Мне места не оставили, черти! Эгоисты! Лавка была очень узкая и неудобная. Лечь на стол я не захотел из суеверных соображений, да и посуду убирать поленился. Попробовал устроиться на печке, ведь в старину спали же люди на печках. Но дело в том, что мы погорячились и натопили ее так, что больше пяти минут я выдержать не смог, я не пирог, чтобы меня выпекать. И куда бедному христианину податься? Прямо хоть иди на улицу и ставь палатку...

А полез-ка я на чердак! Там сено, там мягко, тепло и просторно. Я взял свой спальник и полез по шаткой лестнице в чердачный люк.

Глава 2. НАВАЖДЕНИЕ

А перебрал я все-таки прилично – в голове шумело, в животе штормило, все тело ныло. Кажется, уже давно рассвело – сквозь щели просачивался солнечный свет. Который час? Я посмотрел на часы. Уже восьмой! Черт возьми, пора вставать, сегодня трудный день: нам предстоит связать заново плот и пытаться нагнать потерянное время, а тут похмельный синдром! Качает. Все тело качает. Зажмуришь глаза – и будто уже на плоту, штормуешь Пасть Дракона или Хвост Анкилозавра. Откроешь – избушка раскачивается, вроде даже поскрипывает. А вот и перестала скрипеть. И раскачиваться перестала. Ладно, всё! Хватит поживать, надо собрать волю в кулак и спускаться вниз.

Внизу стояла какая-то подозрительная тишина. Спят, что ли? Вот сейчас спущусь, я им покажу! Однако внизу я обнаружил, что показывать-то, собственно, некому – в избе кроме меня никого. Понятно. Командор с Лёхой уже, наверное, принялись за сборку плота, а Катька с Ленкой... Стоп! А кто-то ведь должен приготовить завтрак Кто сегодня дежурный? Какое нынче число? Если вчера было тринадцатое...

Блин! Сегодня моя очередь! Я уже должен был разжечь костер, вскипятить воду, наметать сухого молока и сварить геркулесовую кашу, будь она неладна, лично я ее терпеть не могу. Что ж, надо пойти попросить у ребят прощения за задержку и приступить к выполнению своих обязанностей. Я допил прямо из кана остатки вчерашнего чая, подхватил второй кан, который еще предстояло отмыть от засохших остатков гречневой каши, открыл ногой дверь и вышел из избушки.

Поляна как-то изменилась после вчерашнего. И мы здесь совершенно ни при чем: пятеро туристов такого натворить не смогли бы. Вчера вокруг нас была только хвойная тайга, а сегодня на поляне вырос огромный дуб, а вдали среди ёлок откуда-то взялись березки и осинки. Не было на поляне нашего кострища, на котором вчера мы готовили ужин, не было дров и парочки резиновых мешков с какими-то шмотками, которые мы поленились затащить в избу. Впрочем, мешки ребята могли утащить обратно к реке. Кстати, а где река? Вчера я без труда видел отсюда противоположный берег, а сегодня лес обступил поляну со всех сторон. Да и горы куда-то пропали!

Я сделал несколько шагов в том направлении, где по моим представлениям должна быть река и остановился, словно пораженный столбняком. Я услышал... нет, не шум переката, не стук топора, не занудную брань Командора. Я услышал голос, старушечий голос:

– Ага, явилась, непутевая! Ну что, нагулялась?!

Я сделал над собой усилие и обернулся. Около избушки стояла древняя старушонка с кривым сучковатым посохом и разговаривала явно с избой. Та виновато приплющивала крышу и переминалась с лапы на лапу. Теперь-то я уже понял, что стояла избушка не на кряжистых пнях, а на внушительных размеров птичьих лапах.

– Всю ночь, стало быть, где-то шляешься, – продолжала браниться старуха, – а хозяйка, значит, ступай к лешему! Хорошо, Лешек переночевать пустил, внук все-таки, а нет, так что? До утра вдвоем с моим другом ревматизмом по лесу шастать?

Она замахнулась посохом. Изба присела и услужливо распахнула дверь. Теперь пришла моя очередь втягивать крышу, то есть голову в плечи, ибо, не ожидая столь раннего возвращения хозяйки, я не устранил следов нашего пребывания – на столе осталась грязная посуда, а по углам разбросаны пропахшие дымом штормовки, аноракки, рюкзаки и прочее барахло. Надо бы пойти следом за бабушкой, извиниться за нечаянный визит, забрать вещи и скорее дать деру. Похоже, изба вчера сбежала от бабки, а ночью притащила нас сюда.

Но, все-таки, куда делись ребята? Смылись, бросив меня и наши вещи? Нехорошо оставлять друга одного в такой пикантной ситуации. Ладно, далеко изба уковылять не могла, не скорый поезд, чай. По любому река здесь где-то поблизости. А в моем рюкзаке лежит GPS-навигатор, с ним я найду и ребят, и наш плот.

В тот момент моя башка настолько была занята переживаниями, что я даже не удивлялся самому факту существования самоходной избы и не пытался разобраться в принципе ее действия. Поставив каны в траву, я решительно зашагал к избушке.

– Что, молодец, дела пытаешь, аль от дела лытаешь? – спросила бабка, заведя меня в дверном проеме.

– Вы уж простите, мы тут вчера воспользовались... чтоб переночевать... мы думали это зимовье... я сейчас все уберу!

– Пустяки! – буркнула старуха.

– Скажите, а далеко ли до реки?

– До Смердяши-то? Да версты три, не более.

Не подумал бы, что величественная таежная река, объект поклонения не одного поколения туристов-водников носит в этих краях столь неблагозвучное название.

– А не встречались ли вам поблизости два добрых молодца и две красные девицы? – решив подыграть бабуле, я произнес эту фразу в ее стиле.

– Не, милый. Акромя тебя тут поблизости ни от кого русским духом не пахнет. У меня-то на вас нюх хороший. Дык только вот оно что, уже лет двести вашего брата сюда не забредало.

– Видите ли, мы ночевали в вашей избушке впятером, а сегодня утром своих друзей я тут не обнаружил. Сам-то я спал на чердаке, и когда они ушли, не слышал.

– А ну-ка, сейчас глянем.

В руках у старухи оказалась колода карт. Ну, ясно! Сейчас раскинет карты и нагадает мне казенный дом, дальнюю дорогу, червовую даму... Бабка перетасовала колоду и положила в печь. Колода с легким жужжанием исчезла в ее недрах. Потом старушка взяла печную заслонку, прислонила к устью печки задом наперед. На закопченной заслонке появились какие-то пиктограммы, забегал курсор и вся заслонка засветилась, как экран жидкокристаллического дисплея. Тем временем, старушка достала из-под шестка замусоленное яблоко и пыльное блюдо, положила блюдо себе на колени, сдула пыль и стала водить по нему яблоком. Я попытался заглянуть ей через плечо.

– погоди, яхонтовый, сейчас на большом экране глянем, – проворковала она.

Похоже, в избушке велось видеонаблюдение. Печная заслонка показывала все, что происходило в избе минувшим вечером. Вот мы входим и вносим свое барахло. Вот садимся ужинать, разливаем спирт, выпиваем. Вот я упал головой в миску, вот Катька поднимается на метле к потолку. Я потупил глаза, а бабка недовольно пошамкала губами. Вот мы выходим из избушки, потом ребята заходят обратно, залезают в спальники и задувают свечи. Становится темно, но изображение по-прежнему четкое, только зеленоватое и монохромное. Затем вхожу я, пытаюсь устроиться на печке и, в конце концов, залезаю на чердак. Дальше, за окном начинает брезжить рассвет, а передний план, словно в окне вагона, приходит в движение. Точнее, это избушка трогается с места. А потом – яркая сиреневая вспышка и... помехи. Бабка и так, и этак крутит яблоко в блюде, но рябь с экрана не исчезает. Чуть позже изображение появляется, но комната уже пуста.

– Вот так всегда, – заметил я. – На самом интересном месте...

– И чего с картинкой случилось, – проворчала старуха, – только леший знает. Надо бы позвать Лешека, может он разберется.

– Интересный какой компьютер у вас, – я решил завязать с бабушкой светскую беседу.

– И никакой не памфутер, думатель енто! – сердито ответила Баба-яга.

Конечно же, это Баба-яга! Кто же еще? Тут тебе и самоходная изба на куриных ногах, и летающие метлы, и чудо печь-компьютер два в одном. И хозяйка всего этого, косматая, носатая древняя старуха – фольклорный персонаж древнерусского эпоса.

Кажется, ситуация начинает проясняться. Ну, конечно! Некий хитроумный предприниматель задумал устроить в этом глухом таежном уголке эдакую развлекаловку для туристов – возможность стать участником ролевой игры, фольклорно-эпического представления с похищением нечистой силой, щекочущим нервы приключением, и актерами, косящими под всякую нечисть. Наша группа оказалась, как сказал бы незабвенный Остап Бендер, «головной машиной в этом автопробеге». Но мы такой спектакль не заказывали, очевидно, нас с кем-то спустили. Следовательно, возможны два варианта: либо нас заставят заплатить за оказанные услуги, что вероятнее всего, либо это рекламная акция – бесплатная премьера, пилот-проект. А мы стали подопытным материалом, на котором отработают все тонкости режиссуры на предмет правдоподобности. Сейчас из лесу выйдут мои друзья, а режиссер пьесы пожмет нам руки и

поблагодарит за помощь. А может быть, выскочат какие-нибудь стрельцы или три богатыря и потребуют денег.

Тем временем Баба-яга выудила из складок своей необъятной плиссированной юбки корявый сучок (мобильник, что ли?) и, приложив его к уху, произнесла:

– Лешунь, зайди, тут твоя помощь требуется... Ага, явилась – не запылилась, да не одна... – она покосилась на меня и, отвернувшись, понизила голос. – Ага, в подоле принесла... Из другого мира... Пятеро... Четверо пропали, один тут, у меня сидит... А я почему знаю, похоже, врата в другой мир сыскала, ага... Хочет знать, куда остальные подевались... Так я чего тебя и зову, с думателем повозиться надо, часть информации стерта... Ага, жду!

Черт, что-то спектакль затягивается. Значит еще один акт. Сейчас придет леший, восстановит картинку и выяснится, что моих друзей похитил Кощей Бессмертный. С меня потребуют выкуп, либо представление затянется еще на один акт: мне выдадут богатырскую клячу, ржавый зазубренный меч-кладенец и отправят искать ларчик с яйцом работы Фаберже, в котором спрятана игла со смертью Кошеевой. Для туристов-лохов, заплативших свои бабки за участие в подобном шоу, лучшего и не придумаешь. Но мы-то «дикари», наша цель – сплавиться по порожистой реке и, по возможности, не встречать подобных себе двуногих. То есть, отрываться самим, в своей компании, без инструкторов, режиссеров, каскадеров и продюсеров. Нас явно с кем-то перепутали, и я решил поговорить об этом с Ягой.

– Бабулечка-красотулечка! Скажите, где мои друзья, и мы уберемся восвояси. А вы уж тут развлекайте своих подопечных, а то ведь конфуз получится. Мы-то музыку не заказывали и платить не собираемся. Очевидно, на нашем месте должен быть кто-то другой.

– Никого не должно быть на вашем месте! – сердито перебила меня бабка. – И как она ухитрилась врата пройти, бес ее знает!

Надеюсь, что бесу она звонить не будет. Хотя, кто его знает, сколько тут предусмотрено действующих лиц? Лешие, бесы, домовые... Ну и, конечно же, сценарист не придумал ничего оригинальнее попаданства в параллельный мир! А что, собственно, еще придумаешь? Либо другая планета, либо параллельный мир. Идея затерянного мира себя изжила ввиду его полного отсутствия на нашей старушке-Земле.

Дверь избушки распахнулась и впустила молодого, веснушчатого и патлатого пацана, лет двадцати. Он волочил за собой тяжеленный кованный сундук.

– Привет, ба! – он чмокнул старуху в щеку и кивком поприветствовал меня. – Здравс-сьте.

Я кивнул в ответ

– Тока што расстались, – проворчала бабка. – Займись-ка, вон, лучше!

Она кивнула на печку. Лешек поманипулировал яблочком по блюдецке и просмотрел видеозапись до того места, где начались помехи.

– Ага... – задумчиво произнес он.

– Ага, – подтвердила Баба-яга.

Лешек вынул из печки один кирпич, приоткрыл крышку сундука, подняв глаза к потолку, на ощупь засунул кирпич под крышку и быстро закрыл сундук. Свои действия он никак не комментировал, только гундел под нос какой-то мотивчик. Похоже, компьютерные мальчишки во всех мирах (если я действительно в ином пространственно-временном измерении) ведут себя одинаково. Этим они сильно отличаются от сантехников, телемастеров или, скажем, шоферов, которые могут часами рассказывать дилетантам про трамблеры, строчные трансформаторы, муфты или прокладки. Лешек приложил к сундуку ухо, потом пнул его ногой, еще раз прислушался, пнул с другой стороны и достал кирпич.

– Жив Васька-то? – спросила Яга.

– Чего ему сделается, – ответил леший, водружая кирпич на место.

– Там у него василиск живой, – шепнула мне на ухо Баба-яга.

Сквозь рябь и снег на экране проступило вполне различимое изображение.

– Й-ес! – прошипел Лешек, сжав кулак и дернув согнутым локтем.

Мы увидели, как в избу вошли люди в черных широкополых шляпах и с повязанными на пол-лица черными платками, так что видны были только глаза – ну просто грабители поездов с дикого запада. Они выволокли моих друзей прямо в спальниках (сцена похищения невесты из «Кавказской пленницы»), а в печь бросили какую-то дымовую шашку. Когда эта шашка перестала коптить, появилось нормальное изображение. Похоже, в спешке они просто не догадались заглянуть на чердак, поэтому я остался не обнаруженным.

– Конечно, это дело рук Кощея Бессмертного, – саркастически заметил я.

Яга с Лешekom переглянулись и пожали плечами. Все это мне уже начинало надоедать.

– Послушайте, милые актеры, экскурсоводы, работники турбазы или как вас еще назвать! Вы на самом деле нас с кем-то перепутали. Наша группа совершает самостоятельный поход. Мы и так отстали от графика почти на сутки. Нам надо восстановить плот и пилить дальше, пилить и пилить! Через десять дней на работу, отпуск кончается, отпуск! Если я не выйду на работу через десять дней, меня уволят! У-во-лят! Пожалуйста, верните поскорее моих друзей и отпустите нас на реку. Вы денег хотите? Ну давайте обсудим, может, договоримся.

– Лешек, – обратилась старуха к своему внуку. – Ты понял, о чем он говорит?

– Не-а, не въезжаю. По ходу, он типа в шоке от похищения чуваков...

– Ты хоть знаешь, мил человек, куда попал, а? – обратилась ко мне Яга. – И ты, и дружки твои совсем не там, где ваша река, ваш плот, работа и ентот, как его... отпуск. Всполох сиреневый помнишь?

Она показала узловатым пальцем на заслонку. Я кивнул.

– Енто, голубчик, ВРАТА! Где они есть и как появляются, не знает никто. Уж мы с Лешekom точно не знаем. И спутников твоих на самом деле похитили. И мы тебя, милок, не разыгрываем. И денег твоих нам не надобно. Мы бы и сами рады тебе помочь, да пока не знаем как.

– Понял, – я кинулся в рассуждения. – Значит, сценарий такой: избушка затащила нас в глухомань, откуда нет ни путей, ни дорог, Кощей похитил моих друзей, а мне надо их выручить и к вечеру найти отсюда выход. Тогда еще есть шанс отплыть завтра и попытаться вернуться домой в срок. Где замок Кощея?!

Я сделал энергичное телодвижение, собираясь немедленно тронуться в путь.

– Как звать-то тебя? – Баба-яга жестом велела мне оставаться на месте.

– Иван.

– Царевич? – уточнил Лешек.

– Нет, Андреич.

– Вот что, Ваня, – заговорила Яга душевно. – Как найти Кощея, нам не ведомо. Знаю одно, за день тебе не управиться. И за неделю. А может, и за месяц.

Я приуныл. Честно говоря, даже не знал, как вести себя дальше. То ли подыграть им и сделать вид, что я ни о чем не догадываюсь, то ли решительно требовать прекратить меня разыгрывать, не то... Впрочем, что «не то»? Позову милиционера? Обращусь к прокурору? Позвоню «браткам»? Похоже, другого выхода у меня нет, придется принимать правила игры, иначе сидеть мне в этой избе до второго пришествия (то есть до появления следующей группы туристов). Я надеюсь, режиссер этого реалити-шоу человек достаточно гуманный и не станет подвергать мою жизнь опасности в предстоящих испытаниях. Ибо гибель человека в развлекательном мероприятии – подсудное дело, а кому охота сидеть на нарах, вместо того, чтобы стричь купоны с хорошо налаженного бизнеса.

– Все равно, нельзя терять время. Хотя направление, куда идти, вы мне покажете? И второе: могу я оставить на хранение кое-какие вещи, хочу взять с собой только необходимое.

– Разумеется, касатик, только чуток погоди. Давай-ка, перекусим на дорожку сначала, чем Бог послал.

Предложение было весьма кстати, ведь с утра у меня маковой солом... то есть росинки во рту не было. Правда, это еще сильнее меня задержит: пока бабка печь растопит (ведь она и по прямому назначению используется, проверено), пока сварит щи там, или чего еще, ведь холодильника и микроволновки в избе не наблюдалось. Но что поделаешь, на два часа раньше, на два часа позже, большой роли уже не играет. Тем временем, Яга извлекла из сундука замызганную скатерть, скорее всего ее ровесницу, встряхнула и расстелила ее на столе. На скатерти, как на проявляемом фотоснимке, стали появляться натуральные блюда: пироги, запеченная целиком севрюга, гусь в яблоках, огурчики, блины, икра, черничное варенье, самовар и большой заварочный чайник. Я ни на миг не усомнился, что все это – ловкость рук, мастерство иллюзиониста. Копперфильд отдыхает.

– Самобранка? – ехидно произнес я. – Незаменимая вещь в походе! Всегда харч при себе.

– К сожалению, работает только в избе, либо шагах в десяти от нее, – опустила глаза бабуся.

Ну вот, что и требовалось доказать. Впрочем, еда выглядела натурально и очень аппетитно. Я отломил от гуся крыло, положил ложку севрюжьей икры на кусок грибного пирога и принялся все это уплетать.

– Атас! – крикнул Лешек.

Наша трапеза внезапно прервалась. За окном послышалось хлопанье крыльев.

– Надень, быстро! – Баба-яга швырнула мне засаленный, изъеденный молью древний треух.

С перепугу я натянул его по самые уши. Хлопанье крыльев раздавалось все сильнее и отчетливее, что-то большое заслонило солнце, бросив на землю обширную тень. Через минуту за окном промелькнул силуэт громадного птеродактиля. Я разглядел мощные кожистые крылья с когтями, и мне показалось... Нет, не показалось, у него на самом деле три головы! Либо это очень искусно наведенный глюк, либо виртуозно выполненный действующий макет летающего трехголового ящера. Ящер сделал три круга над поляной и удалился.

– Можешь снять, – разрешила Яга, когда хлопанье крыльев утихло.

– Змей Горыныч? – спросил я.

– Он, родимый. Злыдень окаянный. Шпион Кощеев.

– А это – шапка-невидимка?

– Типа того, – ответил Лешек.

– Кощей тебя разыскивает, – Баба-яга убрала шапку обратно в сундук. – Хватился, что не всех ночью утащил.

– Так, может, оно и к лучшему? Пусть он и меня похитит, я встречу с друзьями, а там мы вместе и решим, что нам дальше делать...

– Ишь, чего выдумал! И сам станешь пленником. И кто тогда всех вас выручать будет? Баба-яга? Очень надобно!

Понятно. Отклонения от сценария не предусмотрено. Мы продолжили прерванный обед. Баба-яга заговорщически мне подмигнула:

– Чего ж мы в сухую-то? Эх, была, ни была! Дай Бог не последнюю...

И извлекла на свет знакомую мне баклажку. Неужели Командор с Лёхой вчера так все и не допили? Лишь немного позже я узнал о чудесном свойстве этой баклажки. Дело в том, что влага в ней не кончается никогда, она всегда пуста только наполовину. Любой алкаш полжизни отдал бы за такую штуковину!

– Ух, ядрена самогонка! – зажмурилась Баба-яга, когда мы приняли по стопке. – Сегодня еще вкуснее, чем вчера! Можжевельником пахнет!

Я не стал пояснять, отчего самогонка стала вкуснее.

– Как же вы не знаете, где живет Кощей Бессмертный? – ехидно заметил я. – Ведь вы вроде как родственники?

– Упаси меня Бог от таких родственников, – Яга понизила голос и в сторонку добавила: – да и черт тоже!

Наша трапеза подходила к концу.

– А теперь, попробуем, яхонтовый, разузнать, что тебе дальше делать.

Баба-яга достала из печки колоду карт, плюнула, перетасовала и засунула обратно в печку. На заслонке появились некие письмена, что-то среднее между старославянскими рунами, арабской вязью и египетскими иероглифами. Бабка несколько минут пристально вглядывалась в них, беззвучно шевеля губами, а потом, похоже, начала задремывать.

– Ну, что интересного говорят нам карты? – прервал я ее медитацию.

– Тебе бы, Ваня, не пристало в твоём положении иронизировать, – ворчливо произнесла старуха. – Короче, есть только один человек, который может помочь победить Кощея Бессмертного, и с друзьями тебя соединить, и вернуть вас к ентому, как его, к отпуску. Это Бэдбэар. К нему отправляйся!

– А кто это?

– Великий Волшебник, Маг и Чародей, Властелин ночи, Повелитель Алмазной долины. У него свои счета с Кошеем, давно на него зуб точит.

– Тогда почему же он до сих пор с ним не расправился?

– Почему? По кочану! Зачем ему скандал политический? Уж лучше руками инородца все сделать, а апосля отправить его в мир иной... – бабка осеклась, – в смысле в свой мир, на свою родину, то бишь!

Все немного притихли, и в тишине было слышно, как по комнате прожужжал какой-то маленький жучишка. Он немного полетал и выпорхнул в раскрытое окно.

– Ой! – схватила за щеку бабуля, будто у нее разболелся единственный зуб. – Кажись, чегой-то не то взболтнула.

– Да ладно, ба, забей, не парься, – успокоил ее Лешек. – Пока долетит, его какая-нибудь галка склюет.

– Ну ладно, – произнес я бодрым тоном. – За хлеб, за соль спасибо, а мне пора. Соберу только вещишки необходимые – и в путь!

– Лешек, – Яга толкнула внука локтем, – ты тоже пойдешь!

– Прикольно, да? – буркнул Лешек, – Зачем это?

– Не спорь! За тем, за чем я тебе уже сто лет твержу. Двести лет, ума нет – не будет. А в Алмазной долине университет, доктора, профессора разные. Уму-разуму научат, диплом дадут!

– Нужен мне этот диплом!

– Не спорь со старшими! Вон, у Ивана спроси. Нужен диплом, Ваня, аль нет?

– Вообще-то нужен, – согласился я.

– Он у нас парнишка смысленый, Лешек-то. Но дурень! В железяках всяких, да в чипсах...

– Чипах! – поправил Лешек.

– ...в чипах разбирается. Вон, думатель починить может, дальнослов придумал, – она покрутила в руке корявый сучок. – А так, дурак дураком.

– А на фига мне зубрить всю эту теоретическую магию, философию, теологию... И без верхней математики обойдусь как-нибудь.

– Хватит! Проводишь Ваню к Великому Волшебнику, Магу и Чародею, Повелителю ночи, Властелину Алмазной долины Бэдбэару, а сам – в Университет. Хоть магистром станешь, практику получишь. Всю жизнь что ли на бабкиной шее хочешь просидеть?

Я пошвырял в два рюкзака минимум вещей, в основном те, что попадались под руку: взял один кан, самый маленький, девчачью палатку, она поменьше, свой спальник, основную веревку, немного тушенки, паштет, копченую колбасу, пшено, геркулес (будь он не ладен), чай,

ну и, конечно же, аптечку, топорик, фонарь и разную мелочь. Всё остальное снаряжение и личные вещи ребят оставил у Бабы-яги. Я подумал, что в пути нам очень поможет мой GPS-навигатор и решил сделать привязку к местности. Ведь изба не курьерский поезд, вряд ли за ночь она убежала за обрез карты, вбитой в прибор. Я посмотрел на дисплей и... О-па! Прибор не улавливал сигналы спутников. Изба что ли экранирует? Я вышел за дверь, но лучше от этого не стало. Выругавшись, я вернулся назад, заменил батарейки, но и этим ничего не добился. Разозлившись, бросил прибор на стол.

- Что за аппарат? – поинтересовался Лешек, рассматривая бесполезную диковинку.
- Навигатор. Он принимает сигналы спутников и определяет координаты на местности.
- Чьи сигналы принимает? Ваших спутников?
- Американских... Спутников Земли, – стал я пояснять, заметив, что Лешек тормозит. –

Вокруг Земли... летают...

По недоуменному взгляду Лешака, я понял, что он не врубается. Они с бабкой переглянулись.

- Вокруг чего? Как вокруг Земли летать можно? Земля-то она как блин плоская, блин!
- Тронулся! – добавила Яга. – На почве стресса – того! Крыша поехала!

Глава 3. К АЛМАЗНОЙ ДОЛИНЕ

Мы переночевали у Лешака и рано утром двинулись в путь. Мрачный, окутанный туманом, лес дышал сыростью, источая прелые запахи грибов и прошлогодней листвы. Было прохладно и тихо. Я нес свой собственный рюкзак, а Лешака во временное пользование выделил Лёхин. Поклажу мы поделили поровну, вещей у нас было немного, так что рюкзаки плеч не тянули, и шлось довольно легко.

- И где же эта Алмазная Долина? – спросил я.
- Без понятия!
- ??? ... Не понял! Так куда же мы идем?
- А-а! Туда, – он махнул рукой вперед.
- А точнее?
- Надо идти в сторону типа заката.
- То есть, на запад, – уточнил я.

Лешек уверенно брел сквозь чащу, раздвигая ветки. Казалось, что они сами перед ним раздвигаются. Я достал компас: раз уж мой GPS-навигатор не работает, надо воспользоваться для ориентирования более надежным средством. Лешек упорно пробирался на север.

- Стой! – я потянул его за рюкзак, – закат вовсе не там!
- Там, там!

– Да нет же, там север. Блин, ну как тебе объяснить? Полуночная сторона!

– Тут ета, по ходу, магнитная аномалия, – пояснил мой проводник. – Лес, типа, заколдованный. Идешь вроде прямо, а на самом деле – по кругу. Ориентироваться может только тот, кто знает. По памяти. А к нам сюда, как бы, вообще никому не попасть.

Еще через полчаса мы выбрались на просеку, которая привела нас к проезжей грунтовой дороге. Мы скинули рюкзаки и присели отдохнуть на здоровенный, местами заросший мхом камень. Оглядевшись, я обнаружил, что просека, которая привела нас сюда, куда-то пропала, а находимся мы на перепутье четырех дорог. Я поднялся. Так и есть, мы сидели на путеводном камне. Булыжник был грубо отесан с четырех сторон, а на каждой грани выдолблены словеса старославянскими литерами:

- «Налево пойдешь – ничего не найдешь»
- «Прямо пойдешь – смерть свою найдешь»
- «Направо пойдешь – коня потеряешь»

«Назад пойдешь – молодость вернешь»

Надпись, которая гласила, что мы ничего не найдем, местами была замазана белой краской, а поверх нее углем выведено кривыми буквами: «БАГАТЫМ СТАНИШ».

Почесав репу, мы пришли к выводу: богатство нам пока без надобности, у нас есть дела более срочные, завернем на обратном пути. Молодость возвращать нам тоже еще ни к чему, мы и так достаточно молоды. Помирать нам рановато, да и, прямо сказать, неохота. А вот коня у нас нет и потерять его нам никак не грозит. Мы решили идти этой дорогой, то есть направо. А там, глядишь, встретим живую душу, которая укажет нам дорогу конкретнее.

Солнце поднялось, его лучи пробивались сквозь листву деревьев. Туман рассеялся. Мы бодро шагали на северо-восток по широкой торной дороге. Направление, конечно, не то, о котором говорил Лешек, но я надеялся, что эта дорога выведет нас на большую магистраль с дорожными указателями, где, возможно, посчастливится поймать попутку.

Я решил расспросить Лешека, что это за Алмазная Долина, куда мы держим путь, и кто тот человек, который по правилам навязанной мне игры должен вызывать в душах идолопоклоннический страх или даже суеверный панический ужас.

– А скажи-ка, Лешек, кто такой этот Бэдбэар?

– Великий Волшебник, Маг и Чародей, Властелин ночи, Повелитель Алмазной долины, – как хорошо заученный урок протараторил Лешек.

– Это я уже слышал. А поконкретнее?

– Он, типа, прилетел на огненном шаре. Он, как бы, всемогущ, посланник бога. И теперь стал ета, повелителем.

– А что за Алмазная Долина? Там что, алмазы добывают.

– Не, не добывают, их там как бы хранят. В подвалах.

– Народ хранит?

– Не, не народ. Великий Волшебник, Маг и Чародей... (и так далее).

Из путаных объяснений Лешека я понял, что Бэдбэар – это большой мудрец, вокруг которого околачиваются ученые мужи, колдуны и звездочеты. Он основал университет магов и чародеев, и теперь только дипломированные выпускники имеют право получить престижную практику. А так, без диплома, сгниешь в глухомани, вроде той, из которой мы вышли пару часов назад.

– Чего ж ты бабке-то противился, идти не хотел?

– А чего она! Не люблю, когда понукают, типа, дураком обзывают. И как с малолеткой какой! Гордость-то надо иметь, вы как думаете, Иван Андреевич?

– Я думаю, Лешек, называй-ка меня просто Ваня. И давай на «ты».

– О'кей. Только я буду звать тебя Андреич.

– Ну и прекрасно. Не люблю церемоний, тем более что я не на много старше тебя. Кстати, сколько тебе лет?

– Двести два, – он посмотрел на меня открытым ангельским взглядом и, заметив мое недоумение, быстро добавил: – Скоро будет двести три! А что?

– Гхым-м! – вырвалось у меня при виде его, прямо так скажем, юношеского лица. – Да нет, ничего... На вид я бы дал тебе двести один.

Так что, это я должен был с уважением относиться к такому почтенному долгожителю. Мне в тот год было всего двадцать восемь.

– А Баба-яга, она как, на службе или уже на пенсии? – продолжал я расспрашивать Лешека. – Или натуральным хозяйством живет?

– Да она, как бы, сама по себе...

Из долгого и путаного рассказа я выяснил, что прошлое Бабы-яги было темным и, прямо скажем, криминальным. Она спекулировала самопальным приворотным зельем и живой водой, привозимой контрабандой из Заморского Королевства, занималась также киднеппингом, для

чего держала стадо дрессированных гусей. Опаивала дурманом заезжих путников, обчищала их до нитки и отвозила на избе в глухомань, там и бросала волкам на съедение, а то и съедала сама. Промышляла ворожбой и гаданием, это вроде как считалось ее основной легальной деятельностью.

Однажды царь, за вельми серьезную услугу, отвалил ей полмешка золота и освободил от уплаты налогов на триста лет. И долгие годы текли спокойно и безмятежно, пока правителем не стал этот Бэдбэар. Он обложил непомерной данью всех колдунов и магов, ведьм и гадалок, леших и домовых, землевладельцев, крестьян и простолюдинов. Пустил в обращение новую монету, веля платить дань только ею. Блилежащие города и деревни очень быстро обнищали, киднеппинг перестал быть привлекательным бизнесом, ибо перевелись богатые родители, готовые отвалить за свое чадо солидный выкуп. За предсказаниями мало кто стал обращаться, все и так знали, что всё очень плохо, а будет еще хуже, да и путники стали обходить их лес стороной. Подаренное царем золото тоже не нескончаемо (за триста лет-то!), а тут снова налоги. Тогда бабка заколдовала лес, и вот уже много лет они живут в затворничестве и уединении. Только им двоим известно, как войти и выйти из заколдованного круга. А ежели кто чужой захочет к ним попасть, будет кружить и возвращаться снова на одно и то же место.

– А Змей Горыныч как пролетел?

– Так он же по воздуху! Да и Кощей его послал. А Кощей, он в магии как бы разбирается.

– А изба? Гуляет где хочет, на нее колдовство не действует? Я имею в виду, мы с моими друзьями как сюда-то попали?

– Без понятия. Кто знает, где они, врата эти. Может, она как бы за круг-то и не выходила...

– Ты знаешь, Лешек, а еще у меня такое чувство, что не так он и хорош, этот ваш Бэдбэар. Власть узурпировал, налоги поднял, да еще и валюту новую выдумал...

– Тс-ч-щ! – зашипел Лешек, – Ты чё, Андреич! Беду накликаешь. Он Великий Волшебник, Маг и Чародей, Повелитель Ночи, Властелин Алмазной долины! Все, что он делает – как бы на благо людей и нелюдей, для свободы и народовластия.

Тем временем дорога сужалась, лес подступал все ближе, кое-где маленькие деревца росли прямо посреди едва различимой колеи, по обочинам в зарослях крапивы и лопухов виднелись кости, некоторые очень напоминали человеческие. Мы перестали разговаривать, становилось жутко, и возникало огромное желание повернуть обратно. Когда это желание стало совсем нестерпимым, из чащи прямо на нас вышел огромный волчара.

Признаться честно, никогда в жизни не встречался нос к носу с диким зверем. Особенно с таким – волчище был размером с крупного сенбернара. Оружия у меня при себе не было, ни ружья, ни пистолета, ни ножа. Даже консервный ножик и стропорез покоились где-то на дне рюкзака. Так что вся надежда на Лешека. Он, как лесной человек, может, сумеет с ним договориться.

Волк шумно втянул ноздрями воздух, пристально поглядел на нас, вздыбил холку и стал медленно приближаться, издавая тихое, но грозное утробное рычание.

– Не... не надо, волчек, фу, не надо... – залепетал Лешек, прячась за мою спину.

– Прекрасно! Чудесно! – заговорил вдруг волк на чистейшем русском языке. – Молодец на обед, а... другой молодец – на ужин. Раз уж коней вы где-то спрятали!

– М-мы к-коней не не п-рятали... у -у нас их нет! – заверил я серого хищника, раз уж представилась возможность вести диалог.

– Все так говорят! Хотя это совершенно не меняет дело – вас-то я все равно съем!

Ну и дурак же я! Надо было ему наврать, что кони спрятаны в лесу, километрах в пяти отсюда. Пусть идет искать, а мы сами, тем временем, успеем дать деру. Впрочем, он мог не поддаться на провокацию и все равно начать трапезу с нас.

– Вы наверно голодны, – как можно участливее произнес я, решив несколько по-иному повлиять на тоскливую ситуацию. – Может не надо нас есть, пообедаем вместе, чем Бог послал?

Я поспешно скинул рюкзак, непослушными пальцами с трудом развязал узел и первое, что я нащупал, оказался батон копченой колбасы из нашей походной раскладки. Колбаса мгновенно исчезла в волчьей пасти, проглотил он ее, кажется, не жуя.

– Вкусно! А еще есть?

– Паштет есть, – ответил я.

– Давай!

Я открыл банку паштета и вывалил в миску. Волчара слизнул его в один миг. Потом он съел две банки говяжьей тушенки и, кажется, немного насытился. Таким образом, я облегчил свою поклажу и нашу участь, отсрочив момент съедения нас самих.

– Так у вас и вправду нет коней? – спросил волк уже немного дружелюбнее.

Мы с Лешekom покрутили головами.

– Жаль. А тогда какого рожна вы сюда поперлись?

– Мы ищем дорогу в Алмазную Долину.

– Зря вы сюда пошли. Там, впереди, тупик. То есть дремучий лес до самого Синя моря. Это дорога для дураков. Почему-то на перекрестке все всадники выбирают именно эту дорогу. Ну не жаль им своих коней, вот и едут под знак. Вы знак-то видели?

– Ага!

Действительно, сразу за перекрестком висел дорожный знак, круглый, с красным ободком и черным силуэтом всадника, перечеркнутым костью.

– А моя задача – отбирать коней и отправлять их в штрафной табун. Если владелец не заплатит штраф и не предъявит права на своего скакуна, лошадь переходит в собственность государства. Пока еще прав никто не предъявлял.

– Почему?

– Потому, что всадников я съедаю!!!

Похоже, мы с Лешekom были близки к состоянию обморока. По крайней мере, я очнулся от того, что кто-то хлопал меня по щекам. Это был сидящий крупный мужчина, лет тридцати пяти, одетый в форму французских кирасир времен Наполеона.

– До чего же нервный народ пошел! – возмущался мужик. – Да пошутил я. Не питаюсь я человечиною, я вообще почти вегетарианец! Поняли, нет?

Вдвоем с кирасиром мы привели в чувство Лешeka. У меня в походной аптечке был нашатырь, а мужик старательно лупил его по щекам своими волосатыми ручищами.

– Разрешите представиться, – сказал мужик, когда мы с Лешekom обрели способность обмениваться информацией. –оборотнев Вольфганг Вульфович, старший инспектор. Для друзей – просто Вольф.

Он протянул нам по очереди волосатую ручищу.

– Итак, что же занесло двух благородных донов в мою глухомань?

– Мы ищем дорогу в Алмазную Долину.

– Ах, ну да, это я уже спрашивал. А зачем?

– Повидаться с Бэдбэаром. Я хочу просить его устроить мне randevu с Кошеем.

– А я – поступить в университет, набраться, как бы, ума, получить, типа, диплом, короче, зашибить клевую практику, – добавил Лешек.

– А зачем вам, сударь, Кошей? – обратился ко мне кирасир.

– Этот подонок похитил моих друзей. Я должен их выручить. Но добраться до Кошея, как выяснилось, можно только при участии этого самого Бэдбэара.

– Знаете что, ребята, а ведь я давно мечтал побывать в Алмазной Долине...

– И составите нам компанию, – закончил я его фразу.

Внутренне я усмехнулся. Все-таки сценарист этого шоу, хоть и мастер своего дела, но несколько обделен фантазией. Я постоянно угадываю ход его мыслей.

– А почему бы нет? – Вольф обвел нас веселым взглядом.

– А служба? А начальство?

– Да ну его к лешему!

– Это уж на фиг! – возмутился Лешек. – Мне и без вашего начальства не дуется!

– Простите, сударь. Я фигурально.

– И какова же будет цель вашего вояжа? – поинтересовался я.

– Понимаете, по жизни я жесток, алчен, вспыльчив, бессердечен и ни разу в жизни меня не тронул огонь любви. Я знал немало женщин и волчиц, имел много секса, но любовь... К сожалению, меня обошла чаша сия. Я бы хотел закончить свой жизненный путь в какой-нибудь одной ипостаси, обзавестись семьей, детишками, нежно любить их мать, спокойно встретить старость и без угрызений совести предстать перед Господом. Мне может помочь в этом только хороший волшебник, маг или чародей – исправить мой характер. Я стану добрым, терпимым и любвеобильным...

– Для семьянина любвеобильность – не такое уж и положительное качество, – заметил я.

Да, пьеска становится всё забавнее. И человек, придумавший это захватывающее приключение для экскурсантов, – мастер своего дела, хотя и плагиатор. Мог бы придумать что-нибудь пооригинальнее волшебника Изумрудного города и дороги из желтого кирпича...

Итак, моими попутчиками стали простоватый леший, мечтающий о мозгах (то есть об образовании) и бессердечный злой оборотень. Мне достается роль девочки Элли. В нашей компании не хватает только трусливого льва. И еще у меня нет собачки, но это, может, не имеет особого значения. Жаль, что я случайный участник этого реалити-шоу. Чувствуешь себя все равно как безбилетным пассажиром. Или человеком, присвоившим чужое имя. Интересно, моим друзьям тоже достались роли со словами, или они томятся в каком-нибудь холодном сыром подземелье? И как там Катька, не обижают ли?

Мои размышления прервал путеводный камень. Мы снова дошли до перекрестка. Почесав репу, мы пришли к единодушному мнению (правда, инициатива принадлежала вашему покорному слуге), что другие направления, кроме как «назад», нам не подходят. Напомню, что надпись на камне гласила: «Назад пойдешь – молодость вернешь». Вольф был в восторге оттого, что сможет стать моложе, а мы с Лешексом рассудили, что особой выгоды это направление нам не принесет, но и большой опасности тоже.

Мы бодро зашагали по хорошо утоптанной дороге, вели неторопливую беседу, наслаждались прекрасной погодой, лесными запахами и звуками. Немного досаждали комары, да оводы, но тут уж ничего не поделаешь...

Одно мне казалось странным. По некоторым приметам, например, отпечаткам следов, верстовым столбам, дорожным указателям, заломанным или пригнутым веткам и так далее, у меня складывалось впечатление, что мы идем по дороге с односторонним движением, причем в обратную сторону. Мы шли уже больше часа. Взглянув на Лешека повнимательнее, я обнаружил, что его и так довольно юное лицо стало словно еще моложе, на нем даже появились подростковые прыщи. Он тоже с удивлением посмотрел на меня. Я машинально ощупал свой подбородок. Оказывается, на моей физиономии пропала трехнедельная небритость. А Вольф, обернувшись волком, носился из стороны в сторону, обнюхивая все уголки, как восьмимесячный щенок-подросток. Забегал вперед, снова возвращался и поторапливал нас возгласами:

– Ну, что же вы! Айда! Айда!

– Стоп! – крикнул я.

Пожалуй, мы слишком быстро молодеем. Скоро для передвижения нам потребуется детская коляска. Только вот беда – катить ее будет некому.

– Полный назад! – я повернулся и зашагал обратно.

– Ты куда? Ведь там так здорово! – попытались остановить меня мои спутники.

– Не забывайте о цели нашей экспедиции. Боюсь, эта дорога нам тоже не подходит. Взгляните на себя, на кого вы похожи! Зеркало дать?

Зеркало-зеркало. Черт! Зеркало, зеркалка, камера-зеркалка... По ассоциации, я вдруг вспомнил про видеокамеру. А ведь во всей этой суете, нервотрепке и неразберихе я совершенно про нее позабыл. Но абсолютно точно помнил, что сунул ее в рюкзак, когда укладывал вещи в бабкиной избе. Думается, надо продолжить съемку видеофильма, тем более, что со мной произошло такое вот нештатное приключение, да и ребятам будет интересно на все это взглянуть.

– Что за аппарат? – спросил Лешек.

Я протянул ему камеру. Он осмотрел ее со всех сторон, даже понюхал, и, возвращая мне, тоном эксперта-профессионала произнес:

– Понятно. Типа яблочко по блюдецку.

И вот мы снова на злополучном перекрестке. Должен признаться, он уже начинал меня раздражать.

– Господа, мне вас жаль! – заявил Вольф. – Вот же, русским по белому, то есть, черным по серому написано: «Богатым станешь». А богатство, это что? Это не только золото. Разыскать пропавших друзей, это разве не то же, что и найти богатство? В фигуральном смысле. А диплом получить? Тоже богатство. И доброту, желание любить обрести в себе – и это богатство. Душевное. И вообще, даже не в переносном, а в прямом смысле, в Алмазной долине все живут в роскоши и богатстве. Нам туда!

– Не уверен... – возразил Лешек.

– Кажется этот Бэдбэр... – начал я.

– Великий Волшебник, Маг и Чародей, Властелин ночи, Повелитель Алмазной долины, – хором подхватили мои спутники.

– ...не так давно в ваших краях?

– Лет, наверно... Да кто его знает, в общем, сравнительно недавно.

– А камню невесть сколько веков! Тысяча лет, не меньше. Может эта Алмазная Долина и появилась там, где раньше ничего не было, а теперь там всё, и богатство тоже, – это рассуждение мне и самому показалось логичным и убедительным. – Потому и надпись переделана.

Мы отправились исследовать третье направление. Буквально через пятьсот метров лес стал практически непроходимым, и мы слышали свист.

– Ну что, за богатством пожаловали?! – раздался грубоватый и слегка шепелявый голос человека, у которого во рту было явно не тридцать два зуба, а гораздо меньше, может, на порядок.

Я почувствовал, что мне в грудь уперлось что-то твердое, а передо мной, словно из-под земли, вырос огромный детина бомжеватой внешности и явно уголовной принадлежности. В руке он держал здоровенный антикварный пистолет с раструбом, дуло которого и упиралось мне в грудь.

– Только богаче-то не вы станете, а мы! – произнес детина. – А ну, вываливай все, что есть, коли жить охота!

Ну конечно, как же я сразу не догадался! Без нападения разбойников разве хоть один приключенческий сюжет обходится? И сценарист, конечно, об этом знал и обставил сей акт изысканно и утонченно. А если... Если все это не по сценарию, а на самом деле? На всякий случай надо оценить обстановку. Расклад сил, прямо скажем, не в нашу пользу. Шагах в десяти позади главаря стояли еще шесть головорезов. Они сверлили нас недобрыми глазами и поигрывали дубинками (бейсбольные биты отдыхают) и огромными кривыми тесаками. Лешек юркнул за мою спину, Вольф вообще куда-то пропал. Может, он с ними, с разбойниками, на лапу играет и специально затащил нас сюда? Во всяком случае, чтобы иметь возможность что-либо предпринять, я решил потянуть время.

– Так это что же, – спросил я, – грабеж?

– Да, грабеж! Разбойное нападение! А ну выкладывай долбоны, эндрики, чего есть. Рубли тоже годятся, – главарь сильнее надавил мне на грудь пистолетом.

Что ж, против грубой силы не попрешь. В заветном кармане у меня была припрятана стодолларовая банкнота, на черный день, так сказать. Может, этот черный день уже наступил? Я достал сто баксов и протянул разбойнику. Зеленая купюра подействовала на него как на быка красная тряпка, злодей рассвирепел:

– Что это за бумажка, черт тебя дери! Издеваешься, да? Русским языком было сказано – бабло гони!

Значит в этой глухомани американская валюта не в почете. А как насчет нашей? Я достал тысячерублевую банкноту и протянул злодею.

– Опять бумажка! Что это?

– Деньги. Тысяча рублей. Наших, российских...

– Тысяча рублей?! – разбойник расхохотался. – Ну, насмешил! Бумажка! Ха-ха! Тысяча рублей! Да целковые, они только червонного золота бывают! Да на тыщу целковых целое царство купить можно, да Сине-море в придачу!

– Может, он чужестранец? – саркастично предположил кто-то из свиты. – Может, он нашего рубля никогда не видел? Или придуривается?

– Во! Смотри! – сказал главарь.

Он полез в карман, для чего ему потребовалось переложить пистолет из руки в руку. В момент перекладки он, очевидно, случайно нажал на курок, грянул выстрел. Пуля вонзилась в землю в сантиметре от моей левой ступни. Я не проявил никаких эмоций, однако в душе моей испуг сменила радость. Ведь теперь пистолет разряжен. Насколько я разбираюсь в древнем оружии, заряжается эта машина через дуло: насыпается порох, заталкивается пыж, потом пуля. Всего один выстрел, на перезарядку требуется время. И это время работает на меня.

Главарь изрыгнул проклятие, но все-таки достал из кармана золотую монету:

– Во, гляди! Вот это рупь! Вот такой вот он бывает, рупь-то! А ну гони деньги, живо!

Разбойник был взбешен моим тугоумием и расстроен попусту истраченной пулей. Он решил выместить злобу на мне, дополнив словесное повеление крепкой оплеухой. И, надо сказать, сделал это напрасно. Я мужичок, вообще-то, тихий, можно даже сказать, незлобивый, но всякие там вольности, тем более рукоприкладство, никому не спускаю. На мне были добротные берцы с крепкой и очень твердой подошвой. И ежели носком этого ботинка да со всей дури – по голени противника, получается очень больно. Главарь ощутил на себе, насколько это больно. Он скорчился, выронив пистолет и монету, и схватился за ушибленную ногу. Я распрямил его ударом вышеупомянутого ботинка в челюсть. Разбойник охнул, сел на траву, некоторое время сидел, держась обеими руками за челюсть, потом обиженно произнес:

– Чё дересси-то? Да иссё ногами!..

Дикция его стала еще немного хуже. Дальнейшее происходило словно в замедленной киносъемке. Двое одношайников (а как еще назвать сотрудников по шайке?) бросились на помощь атаману. Лешек в это время делал какие-то пассы руками. Он поднял руки вверх, растопырил пальцы, согнул руки в локтях, соединил пальцы, словно хватая каждой рукой по щепотке соли и резко выпрямил руки вверх. То, что я увидел дальше просто отдавало сюрреализмом. Две осины нагнули свои кроны, сомкнули ветви, схватили этими ветвями как пальцами за шивороты ринувшихся в атаку разбойников и, распрямившись, подняли их вверх.

– Й-ес! – изрек Лешек, резко дернув согнутой в локте и сжатой в кулак рукой.

Одна из осин повторила это движение. Разбойник, висевший на ветках, судя по ругательствам и воплям, пережил непередаваемые ощущения. И тут появился волчище. Очень эффектный выход, ну просто собака Баскервильей. Грозный оскал, слюна из пасти, вздыбленная холка и инфразвуковое рычание, от которого задрожали осины с подвешенными на них разбойни-

ками. Разорвав одежды, они шлепнулись на землю, и вся шайка, включая главаря, побросав оружие и котомки, со скоростью лучших спринтеров мира исчезла в чаще.

– Где ты был?! – укоризненно спросил я Вольфа, потирая саднившую скулу.

– Да понимаешь... – замялся волк, – поспешность, нужна только при ловле блох. Я так торопился обратиться волком, что забыл заклинание.

Однако у самого, в полном смысле слова, рыльце было в пуху. Видимо, став волком, он успел полакомиться только что пойманной куропаткой. Когда я попытался указать ему на это, волк опустил глаза и, стряхивая лапой пух с морды, сказал:

– Да что вы, сударь, я вообще почти вегетарианец.

Мы решили забрать с собой трофеи. Мне очень понравился древний пистолет с растреском. За него любой антиквар отвалил бы весьма приличную сумму, но я лучше, как только вернусь домой, повешу его в изголовье над кроватью, как сувенир. Дубинки мы подбирать не стали – этого добра в лесу хватает. Взяли разбойничьи котомки, тесаки и покинули место инцидента.

И опять этот распроклятый перекресток. Солнце клонится к закату, целый день потерян в бессмысленном шатании – мы ни на шаг не приблизились к искомой цели. Нам осталась только одна дорога. К смерти!

– Мужики, а чего мы боимся? – меня вдруг осенила совершенно бредовая (а может гениальная) идея. – Ведь все мы когда-нибудь помрем. Это же продолжение той дороги, которая вывела нас из детства. Это – дорога жизни, а жизнь, как известно, заканчивается смертью!

– Верно, друзья мои, – поддержал меня Вольф. – Вперед!

Лешек промолчал и, тяжело вздохнув, нехотя последовал за нами.

Спустя пару часов, в течение которых мы бодро чеканили шаг по хорошо укатанной дороге, а лес, между тем, все сильнее погружался во тьму, мы подошли к развилке. Наша дорога вливалась в другую, более наезженную. Тут мы, наконец, убедились в правильности выбранного направления.

– Ета, гляньте, – Лешек указал пальцем на столб с деревянной табличкой.

Табличка была в форме стрелки, а вырезанные на ней литеры, как мы успели разглядеть в угасающем свете уходящего дня, гласили:

«АЛМАЗНАЯ ДОЛИНА 180»

– Й-ес! – Лешек сопровождал восклицание уже описанным выше характерным жестом.

Поскольку продолжать шествие в темноте (по крайней мере, двоим из нашей компании) было бессмысленно, мы решили разбить лагерь и переночевать прямо здесь, на обочине. Я поставил палатку, Лешек сбегал к ручью за водой, Вольф нарубил дрова. Мы сварили кашу с последней банкой тушенки, а после ужина, за кружкой чая, провели ревизию наших трофеев. Итак, перечень нашей добычи:

Допотопный пистолет, порох и пули к нему.

Шесть хорошо наточенных тесаков.

Шкатулка из малахита, украшенная рубинами.

Бриллиантовое кольцо (а может ожерелье, я не разбираюсь).

Женский браслет с изумрудами и бриллиантами.

Какой-то кулон с геральдическими знаками.

Серебряный перстень с печаткой.

Кроме того, пять золотых долбонов, двенадцать серебряных ендриков, три золотых рубля и горсти две меди. На монетах были отчеканены профили каких-то монархов, причем лик на

долбоне чем-то напоминал артиста Л.Броневого. На обратной стороне имелось только название дензнака в именительном падеже и единственном числе без указания номинала.

Я не брался оценить платежеспособность этой наличности, но Вольф с Лешekom в один голос уверяли, что мы богачи. За один медный грош в данной местности можно выпить стопку водки в трактире, а за два – так и поужинать. За три монеты – переночевать в этом трактире. А если добавить еще четыре медные монеты, то можно переночевать и э... мнэ... не в одиночестве. Десять грошей стоит новый костюм – камзол и порты, а плюс еще пять монет, получишь сапоги и чулки в придачу. Дюжина грошей составляет эндрик, шесть эндриков – долбон, а это хорошая верховая лошадь. За рупь (тут все говорят не рубль, а «рупь») дают два долбона. Так что считайте сами, насколько мы стали богаты.

Наш костер давно прогорел, однако откуда-то потянуло дымком. Ветер дул со стороны Алмазной Долины. Возможно, у нас есть попутчики, а может и лагерь разбойников не так далеко. На всякий случай мы решили этой ночью по очереди дежурить, поскольку все равно втроем в девчачьей палаточке тесновато. Вольф разбирался в старинном оружии (уверяя, что оно вполне современно) и зарядил трофейный пистолет, дабы дежурный чувствовал себя на посту увереннее.

– Зачем же они таскали с собой все это? – спросил Лешек, на первый взгляд риторически, указывая на добытые нами деньги и драгоценности.

Но Вольф сумел найти ответ:

– Очевидно, незадолго до нас, они уже поймали клиента, возможно и не одного.

– Да, если бы они нас не встретили, у них был бы удачный день.

Я вызвался дежурить первым. По натуре я сова, и утреннее дежурство просто выбило бы меня из колеи на весь день. На «собачью» вахту вызвался Вольф. Лешeku тоже пришлось невесело – сначала сладкий сон, потом побудка, а после того, как разгуляешься, снова пытаться заснуть.

Мои попутчики улеглись в палатке, а я пялился на звезды, не находя почему-то среди них ни Малой, ни Большой Медведицы, ни Кассиопеи – то есть тех созвездий, которые я как-то умею различать. В лесу было тихо, только где-то ухала сова и время от времени мычала выпь. Чтобы скоротать время, я решил навести ревизию в своем рюкзаке. Вчера у бабули Ягули я покидал туда всякой всячины и уже забыл, что именно. Я раздул угли костра и подбросил хворосту, чтоб стало светлее. Итак, что мы имеем? Электрический фонарик с запасом батареек. Вещь нужная. Спальник, теплый свитер, запасная футболка, бухта основной веревки, три карабина, «сплавные» тапочки из неопрена. Это вряд ли скоро потребуется. Продуктов у меня почти не осталось, но кое-какой запас есть в рюкзаке у Лешeka. А вот и коробка с походной аптечкой. Что там? Самый минимальный набор: анальгин, аспирин, нитроглицерин, бинты, пластырь, йод, нашатырь, перекись водорода, еще какой-то пузырек. Что это такое? Ах да, не могу не рассказать, очень уж забавная история.

Это было на третий день нашего сплава по реке, кажется после Синих Чертей. Здорово же «первопроходенцы» приняли, назвав так порог, если зеленые черти им синими показались! Сам-то порог – ничего особенного, так, на троечку. Мы проскочили его без просмотра, не наткнувшись ни на один камушек. Ниже порога Командор командовал остановиться на обед, а когда с обедом было покончено, и мы уже пили чай, из лесу вышел пожилой человек с собакой. Это был представитель местной народности, по всей видимости, охотник. Его пес – крупный красивый маламут. Окажись он на любой столичной выставке, вполне заслуженно занял бы там одно из первых мест. Позже выяснилось, что щенка охотнику привез один заезжий коммерсант, гостивший и охотившийся у хозяина несколько дней.

Охотник поздоровался, мы предложили выпить с нами за компанию чаю. Старик выпил бы с удовольствием и чего покрепче, но от чая тоже не отказался.

– Поддыхает пес! – горестно произнес охотник, принимая из рук Ленки кружку крепкого чая. – Жалко! Второй день не жрет ничего, не лает, не бегают...

Он был расстроен до слез, да оно и неудивительно. Ведь собака для таежника не просто друг. И на охоте помощник, и сторож, и, даже, поставщик шерсти для производства «мух».

– На «муху», сделанную из шерсти этого пса – во какой хариус берет! – хозяин показал жестом аршин.

Пес и впрямь вел себя неадекватно. Он катался на спине, кашлял, ползал на брюхе и пытался засунуть лапу себе в пасть. Присмотревшись, я догадался, в чем дело, подошел к собаке и решительно распахнул ей челюсти. Потом засунул руку в пасть почти по локоть и извлек из горла кусок расщепленной птичьей кости. Пес моментально повеселел, подпрыгнул сразу на всех четырех лапах, лизнул меня в мор... Э... в лицо, завертел хвостом и бросился к хозяину, чуть не сбив его с ног. Старик тоже обрадовался.

– Алдан! Алданчик мой! Жив, милый!

Приговаривал он, лаская собаку. Потом долго тряс мою руку и рассыпался в благодарностях.

– Ой, спасибо, мил человек, уж не знаю как и благодарить! Хошь, патронов дам, семь шестьдесят две?

– Да не, ну зачем мне патроны, у меня и ружья-то нету.

– Это не для ружья, для карабина, – блеснул своими оружейными познаниями Лёха.

– Точно! Или хошь, я тебе шкуру медвежью подарю. Или голову оленя с рогами. Только это на заимке, тут недалеко, километров восемь.

– Да нет, спасибо. Пустяки, ничего не надо.

– Слушай!

Он покосился на девчонок, взял меня за локоть, отвел в сторонку и заговорил в ухо:

– Тогда вот, такая вещь, очень нужная...

Он вытащил из котомки этот вот самый пузырек.

– Это настойка на пантах. Очень помогает. Вот мне семьдесят два, а я еще хоть куда! Бери, от девок отбоя не будет, для мужской силы очень полезно.

– Да я вроде как еще... – замялся я.

– Бери, бери! Молодость, она, знаешь, не вечная.

Что ж, подумал я, благодарности старика-охотника мне по-любому не избежать. Взять пузырек – это лучше, чем тащиться восемь километров до заимки за рогами. Так я стал обладателем настоящего самопального пантокрина. Я поблагодарил старика и решил привезти пузырек домой как походный сувенир и засунул его в аптечку. Лёхе, нашему штатному рыбаку, охотник подарил несколько «мух», сделанных из шерсти маламута. И действительно, хариус клевал на них отменно.

Глава 4. ЗЕЛЕНАЯ КАРЕТА

Ночь прошла совершенно спокойно, только Вольф разбудил нас в несусветную рань, около шести, и позвал к завтраку. А потчевал он нас не геркулесовой кашей на молоке. На костре на вертеле, источая приятный аромат, жарился кролик. Или заяц, бес их разберет, но чертовски вкусно. Мясо было парное, нежное, с хрустящей корочкой.

– Слушайте, мужики, – обратился я к спутникам. – На табличке было написано: «Алмазная Долина 180». Что это означает, порядковый номер, год основания или удаленность от нашего места?

– Последнее, сударь, – не задумываясь, ответил Вольф.

– А в чем? В милях, в морских милях, в километрах?

– В верстах, конечно же.

– Значит, если я правильно понимаю, пилить нам дотуда шесть, а то и семь дней. Ибо даже по хорошей дороге больше тридцати верст в день отпешкодралить довольно сложно. Причины для задержек найдутся всегда: броды, переправы, завалы, энтузиазм местного населения, разбойники, мозоли и так далее... Это я к чему? Нельзя ли раздобыть какое-никакое транспортное средство? «УАЗик» или вездеход, трактор, мотоцикл с коляской, в конце концов.

А вспомнив, что являюсь участником ролевой игры в русскую народную сказку, добавил:

– Сгодился бы, на худой конец, ковер-самолет или печь самоходная как у Емели.

– Ковры-самолеты свободно продаются только в Шема Ханстве, – ответил Вольф вполне серьезно. – Их там по кощевой лицензии производят. Но здесь они все равно летать не будут.

– Почему? – поинтересовался я, а про себя подумал: «Потому, что сказки все это!».

– Тут АГЗУшек нету, – пояснил Лешек. – Короче, надо, чтоб АГЗУ, типа, через каждые пятьсот саженой стояли.

– АГЗУ? – удивился я. – А что это?

– Антигравитационные энергозарядные устройства. Они, как бы, подпитывают ковер, там, или метлу. У бабушки две метлы в избе есть, мы, как бы, и на них могли бы улететь, но АГЗУшка только одна – в избе...

– Так они ж у нее женские, метлы-то!

Я решил блеснуть своими познаниями, мол тоже не лаптем щи хлебаю, разбираюсь и в метлах, и в коврах-самолетах и в этих, АГЗУшках.

– Женские? – удивился Лешек. – Нет, это бабуля на них, как бы, ведьмочек-практиканток обучает. Короче, для экономии энергии сделала подъемную силу в три с половиной пуда. А можно, типа, до пяти пудов сделать, только гравипрутьев, как бы, еще добавить. А ковры, так те и до ста пудов поднимают. Стопудово!

Так вот почему девчонкам не удавалось далеко от избы улететь. А мужики, так и вообще от земли не могли оторваться. Подъемная сила три с половиной пуда! Пятьдесят шесть килограммов, то есть. Впрочем, что это я? В натуре, что ли, в сказку верить начинаю?

– А самоходные печи только по Алмазной долине бегают, – тем временем продолжал Вольф беседу о сказочных транспортных средствах. – Нам до них еще топать и топать!

– Им тоже какие-нибудь АГЗУшки нужны?

– Не, для них такие, типа, две чугунные слепи прокладывают. Дли-и-инные такие, прямо по всему пути.

– Железная дорога, что ли?

– Типа того.

Я пошел складывать палатку. Лешек с Вольфом о чем-то шептались у догорающего костра.

– Ладно! – Вольф решительно поднялся. – Цените мою доброту и заботу. Ждите меня здесь, и не скучайте. Вернусь через час.

Мне очень хотелось заснять на видеокамеру момент превращения Вольфа из человека в волка или наоборот. Но он никогда не делал этого у нас на виду, все время прятался в кустах или за нашими спинами. Скорее всего, это был ловкий иллюзионистский трюк с применением гипноза. Поэтому мне и было интересно, где находится волк, пока Вольф в образе человека и где прячется человек, когда он в волчьей ипостаси. А видеокамера – штука беспристрастная, на нее морок не наведешь. Вот и сейчас Вольф скрылся за вековым дубом человеком, выскочил оттуда волком и исчез в чаще леса, а я так и не успел достать камеру. А может, у него просто такой искусно сделанный костюм?

Мы с Лешekom свернули лагерь, собрали все вещи и сидели на бревне в томительном ожидании. Когда мы решили, что Вольф сгинул навсегда и собирались уже тронуться в путь без него, он вернулся в образе человека, верхом на сером в яблоках скакуне, ведя в поводу еще двух коней. В своей кавалерийской форме верхом он смотрелся великолепно.

До этого дня я сидел в седле всего два раза в жизни. Первый раз в возрасте четырех лет в зоопарке. Там родители посадили меня верхом на пони и сфотографировали. А второй раз... Второй раз этой весной. Мы собрались нашей будущей походной группой у Командора на вечеринку. С шиком былых студенческих традиций пили коньяк из граненых стаканов и закусывали копченой хамсой. Разговаривали о предстоящем походе, составляли списки снаряжения, продуктов питания, назначали ответственных, ну и так далее. А помимо этого между делом вели светскую беседу о разных пустяках.

Тогда-то Катька и обмолвилась, что любит верховую езду, правда давно не каталась, но очень хотела бы снова посидеть в седле. Немного отвлекусь и скажу, что Катька мне очень нравится. Жаль, что перед самым походом у нас вышла размолвка. Виновата, конечно же, она, моя гордыня. Что сделать, ну не захотел я лезть в фонтан в городском парке. А Катька настаивала, чтобы я полез купаться в фонтан среди бела дня, при всем честном народе. День и на самом деле был очень жаркий, и окунуться, может, оно бы и приятно, но тут дело в принципе. Не хотелось потакать девичьим капризам, а то ведь сегодня фонтан, завтра луну с неба, потом шубу норковую и белый лимузин. А она обиделась, и всё последнее время дулась на меня, даже в походе... Ото всех этих воспоминаний у меня защемило в сердце. Где же теперь моя Катька, что с ней, не обижают ли? Я обязательно ее спасу. И Лёху спасу, и Ленку, и Командора...

Да, так о чем это я? Верно, о лошадях.

Я, конечно же, спьяну сболтнул, что не вопрос, могу организовать. Слово не воробей, пришлось срочно разыскивать через Интернет подходящий клуб любителей верховой езды, их сейчас развелось много, и выяснять, чтобы там не требовалось предварительной записи, всяких там справок и рекомендаций трех жокеев. Выбрав подходящий клуб, я и привел туда Катьку.

– Где будете ездить, – спросила женщина-тренер, по комплекции более подходящая для гренадерского полка, чем для кавалерии. – В поле, в манеже?

– Конечно же, в поле, – уверенно ответил я. – Чего там манежиться!

– Ездить умеете?

– А как же!

В поле, точнее на какой-то пустырь, нас поехало пять всадников, считая инструктора. Кое-как вскарабкавшись в седло, я принимал героические усилия, чтобы не оказаться снова на земле. Мы построились гуськом, это называется смена, и гренадер-тренер, дав шенкеля огромной (под стать ей самой) рыжей лошади, скомандовала:

– Смена! Шагом марш!

Лошади, очевидно, хорошо понимали ее слова, судя по тому, как все они дружно зашагали. И моя лошадь, пристроившись в хвост Катькиной, нехотя тронулась вперед. Шагать было совсем не трудно. Мерно покачиваясь в седле и поглядывая вокруг, можно представить себя ковбоем, лихим казаком или мушкетером. Но когда раздалась команда «рысью марш», положение мое заметно усложнилось. Я «вколачивал гвозди» пятой точкой, никак не попадая в такт при попытках вставать на стремянах. А вся смена рысила легко и грациозно, особенно Катька, просто залюбуешься, глядя на нее. Но когда пришло время скакать галопом!.. Боже мой! Признаться честно, я предпочел бы лучше сесть за руль гоночной машины без тормозов на горной дороге. Балансируя в скользком седле, я вцепился в переднюю луку, практически бросив повод, и молил Бога, чтобы, как избавление, поскорее прозвучала команда «рысью!».

А Катька скакала как амазонка, привстав на стремянах и склонив голову к гриве. А грива коня развевалась на ветру и ее собственные светло-русые волосы развевались как позавчерашней ночью, когда они с Ленкой летали на метлах.

А я завершил ту приснопамятную прогулку позорным падением и синяком на заднице. Хорошо, хоть не упустил лошадь, а то лови ее потом по всему пустырю! И вот теперь мне представился случай испытать себя в ипостаси кавалериста в третий раз.

– Где ты их взял? – спросили мы оборотня.

– Украл! Ха-ха! Позаимствовал. В штрафном табуне, разумеется. Даром я, что ли, столько лет пополнял его поголовье и охранял!

Я выбрал себе каурого мерина – он показался мне большим, спокойным и невозмутимым. Лешек досталась нервная пегая кобылка. Мы навьючили поклажу и, после того как я с третьей попытки очутился в седле, тронулись в путь. У моего мерина был размашистый шаг и хорошая мягкая рысь. Скоро я научился облегчаться, да и галоп уже не так сильно меня будировал. Пока я осваивал новый способ передвижения, глазеть по сторонам мне, сами понимаете, особенно не удавалось. Зато Вольф, всадник бывалый, как, впрочем, и следопыт, примерно на втором километре нашего марша заметил у обочины следы свежего кострища и утоптанную траву: выходит, кто-то здесь ночевал. Вот, значит, откуда до нас доносился запах дыма.

Мы чередовали аллюры, чтобы лошади не сильно уставали и, судя по верстовым столбам, передвигались достаточно скоро. Ближе к полудню впереди показалась зеленая карета. Она двигалась в попутном направлении, и мы ее нагоняли. Наконец-то впереди нормальные люди, можно будет расспросить их и про дорогу к этому Бэдбэару, и про самого Бэдбэара, и про Кощея, и вообще про то, куда я, черт возьми, попал. Мы выслали коней в галоп, и карета стала приближаться к нам быстрее.

Два лакея на запятках, обернувшись, достали мушкеты и направили их в нас. Два выстрела грохнули, слившись в один. Одна пуля просвистела прямо над моей макушкой, другая царапнула Вольфу ухо, пошла кровь. Так, а это уже не шуточки, пули-то настоящие. Ведь могли и в глаз попасть, а то и вовсе убить! Мушкеты у них, по всей видимости, тоже были однозарядные, как и конфискованный у разбойников пистолет. Перезаряжать, находясь на запятках трясущейся кареты, им было не с руки. Тем временем карета прибавила ход, мы видели, как кучер нахлестывал бичом лошадей.

– Ну, гады, это вам даром не пройдет! – возмутился Вольф. – Дай-ка пистолет!

Я машинально протянул ему оружие, подсознательно догадываясь, что может произойти смертоубийство, но не знал, как помешать этому.

– Может не надо, – я на всякий случай решил сдержать пыл Вольфа. – Пусть улепетывают!

– Ну уж нет!

Вольф был настроен очень решительно. Он пришпорил серого в яблоках и, не целясь, выстрелил, сбив пулей с одного из лакеев шляпу. Лешек залился оглушительным свистом, и перед каретой на дорогу упало дерево. Карета остановилась, кучер, оба лакея и еще один слуга, сидевший с кучером на облучке, бросились врассыпную в лес.

Мы подъехали к карете. По дороге Вольф подобрал сбитую с лакея шляпу. Мне показалось, сейчас он схватит ее зубами и будет трепать, как разъяренная собака. У кареты мы спешили и открыли дверцу. Внутри находился полный, средних лет человек в расшитом бисером черном камзоле, пышных (не знаю, как точно сказать, не разбираюсь в средневековой одежде) шароварах что ли, или панталонах до колен и желтых чулках с подвязками крест накрест. Он забился в угол и дрожал от страха.

– Вы-вы-вы не посме-ме-ете! Я-я уже все-се отдал. Вам те-теперь нужна моя жизнь? Ну убивайте, убивайте, чего тянуть!

Он разрыдался. Вольф встряхнул его за плечо и сказал:

– Прекратите истерику, сударь, и объясните нам, что все это значит! Зачем ваши люди стреляли в нас?

Мы сели в карету. Я с Вольфом напротив перепуганного господина, Лешек – рядом с ним.

– Вы приняли нас за разбойников? – спросил я.

Он закивал головой.

– Уверяю вас, это не так. Более того, мы сами вчера оказались жертвами нападения лихого народца.

– И вас тоже обчистили до нитки? – обнаружив в нас родственную душу, перепуганный господин стал обретать дар нормальной речи.

– Напротив, мы произвели экспроприацию экспроприаторов.

– То есть?

– Ограбили разбойников, – пояснил Вольф. – Это вы ночевали у дороги в трех часах пути отсюда?

– Да-да. Да. Стало совсем темно, и я подумал, что не стоит продолжать путь... Я был очень расстроен, мы пережили такой стресс! Вчера вечером на развилке кучер свернул не на ту дорогу, и мы стали жертвами нападения этих подонков... Какой пассаж! И я принял решение – вернуться назад, поскольку выполнение моей миссии потеряло всякий смысл. Ведь они забрали и шкатулку! А без нее...

– Вы едете в Алмазную Долину?

– Теперь уж да! – горестно выдохнул напуганный господин. – А еще вчера я направлялся в Шема Ханство с очень ответственным поручением Великого Волшебника, Мага и Чародея, Властелина ночи, Повелителя Алмазной долины Бэдбэара, но – увы! За утрату этой шкатулки мне грозит суровое наказание, а может, и самое худшее...

Напуганный господин отвернулся и закрыл ладонями лицо. Я переглянулся со своими спутниками: «Почему бы не помочь несчастному человеку?», «Действительно, почему бы нет?». Я вышел из кареты и достал из рюкзака, навьюченного на каурого, шкатулку с колье и браслетом, медальон и перстень.

– Это ваше?

Напуганный господин сначала онемел, потом округлил глаза и чуть не пробил головой крышу кареты. Крыша оказалась крепкая.

– О, боги! Где вы это взяли?!!

– Я же сказал: провели экспроприацию экспроприаторов.

– Я... я так благодарен, это выше всяких похвал! Но мне нечем отблагодарить вас, у меня отняли все деньги. Почти все, заначка-то у меня осталась, но ведь меня ждут еще издержки в пути, пока я смогу обналичить векселя. Я же теперь, благодаря вашей любезности, имею возможность продолжить выполнение своей миссии. А вы держите путь в Алмазную Долину?

– Да, – хором ответили мы.

– А если не секрет, по какому делу?

– Добиться аудиенции Бэдбэара, – ответил я.

– Великого Волшебника, Мага и Чародея, Властелина ночи, Повелителя Алмазной долины, – добавил Лешек.

– Добиться ЕГО аудиенции непросто. У вас действительно очень важное дело?

– Да, – заявил Лешек. – Лично я хочу поступить в университет и стать магистром.

– Мне нужно изменить свой мерзкий характер, – сказал Вольф. – Стать добрее, терпимее и научиться любить.

– А мне, – в свою очередь произнес я, – необходимо разыскать похищенных друзей и найти врата для перехода в другой мир.

Незнакомец развеселился. Он уже не был напуганным господином. Теперь он был Вальяжным господином, Чванливым господином и Самодовольным господином.

– Зачем же вам добиваться аудиенции Его Магейшества? Вам, юноша, – он повернулся к Лешек, – разумнее всего было бы обратиться в приемную комиссию университета. Вы, молодой человек, – он посмотрел на Вольфа, – просто могли бы поработать над собой методом аутотренинга или воспользоваться помощью любого мага средней руки. Что же касается вас (то есть меня), розыском пропавших людей и нелюдей занимается гражданская полиция, а насчет второго я могу вас уверить, переход в иной мир прост, – он скрестил на груди руки, откинул голову и закрыл глаза, – другого способа нет.

– Прикольно, да? – возмутился Лешек. – Нам, типа, советы не нужны. Мы, как бы, и сами знаем, как мечты свои сбыть... сбудить... Тьфу! Осуществить!

– Да вы не сердитесь, господа! Просто Великий Волшебник, Маг и Чародей, Властелин ночи, Повелитель Алмазной долины, Его Магйшество Бэдбэар не имеет ни времени, ни возможности пообщаться с каждым своим подданным, – говорил незнакомец, пока мы покидали карету. – Впрочем... А почему бы ему не пообщаться с чужеземцем?

Он поймал меня за руку, когда Лешек с Вольфом уже направлялись к лошадям.

– Возьмите этот перстень, – незнакомец понизил голос. – Он дает право прохода везде, во все учреждения канцелярии Его Великого Магейшества. Держите!

Взяв мою ладонь, он вложил в нее серебряный перстень с печаткой, после чего гаркнул зычным голосом:

– Эй вы, жалкие трусы! А ну выходите, вашим поганым жо... э... жизням ничего не угрожает!

Из ближайших кустов вышли два лакея, слуга и кучер.

– Ты зачем в меня стрелял, гад?! – Вольф погрозил кулаком лакею без шляпы.

– Я... я... я... не... не, – замямлил тот, прячась за спины товарищей.

– Ладно, живи! – Вольф швырнул к его ногам продырявленную шляпу.

– Поворачивай карету! – крикнул господин кучеру. – Едем в Шема Ханство!

Слуги заняли свои места, кучер повернул коней, и карета, раскачиваясь и скрипя рессорами, покатила в обратную сторону.

– Эй, чужеземец! – закричал важный господин, высунувшись из окна кареты. – Если возникнут проблемы, ссылайся на меня! Я Эль Гоир, личный курьер Великого Волшебника, мага и Чародея, Властели...

Его слова потонули в стуке копыт и грохоте колес удаляющегося экипажа. Нам тоже не мешало бы продолжить путь. Правда, кое-что мешало – выкорчеванное с корнем дерево, лежащее поперек дороги. Наши кони могли бы его перепрыгнуть, но оставлять после своих разбо-рок завал на проезжей части как-то не совсем этично.

– Нехорошо, – заметил я. – Может порубить его и убрать с дороги?

– Зачем порубить? – удивился Лешек.

Он что-то пошептал, сделал движение рукой, поднимая ее вверх, и щелкнул пальцами. Дерево поднялось и встало на место, вращая корнями в почву, словно и не падало вовсе. На дороге осталось только несколько сломанных веточек.

– Где это Шема Ханство? – поинтересовался я.

– А там, – Вольф указал за спину большим пальцем. – Дорога хорошая, есть постоянные дворы. Ежели четыре-пять раз сменить лошадей, до ночи можно добраться. А вчера они, видимо, свернули правее и попали на ту дорогу, по которой шли мы. К путеводному камню. Там и попались в лапы разбойников.

– Послушай, – я даже немного рассердился, – если ты так уверенно ориентируешься, какого черта мы вчера полдня плутали вокруг того проклятого камня?

– Я не ориентируюсь, – ответил Вольф.

– То есть?

– Просто я читаю указатели, на них много полезной информации. Вчера мы видели указатель «Алмазная Долина 180», так? А на обороте было написано: «Шема Ханство МГ 120». МГ – это дорога межгосударственного значения, на ней обязательно должны быть постоянные дворы со сменой лошадей. Ну, а цифра 120 – это понятно. До границ ханства сто двадцать верст. И сейчас, вон, видишь впереди дорожный указатель?

Он показал пальцем на едва различимый вдали дорожный знак, выполненный на почерневшей от времени доске.

– Если нас больше ничего сегодня не задержит, можно будет заночевать в деревне.

Однако зрение у Вольфа было дай Бог каждому! Только проехав еще метров пятьдесят, я смог прочитать:

«Николаево 60
Нидвораево 70»

С каждым часом езды на коне я все больше привыкал к этому способу передвижения, и мне он все сильнее нравился. Сидишь высоко, дышится легко, любишь пейзажами и ни о чем не думаешь, по крайней мере, нет необходимости пристально вглядываться в дорогу, как при вождении автомашины. А денёк был просто чудесный. Солнышко ласково светило, птички щебетали, травки благоухали, и совсем не хотелось думать о навалившихся на меня проблемах.

Становилось жарко. Хорошо бы найти живописную полянку с родничком или ручейком с прохладной водой и устроить там обеденный привал. Но вдоль дороги сплошной стеной тянулись заросли подлеска и пыльная обочина, поросшая густой крапивой, из которой торчали сиреневые пирамидки соцветий иван-чая и желтые зонтики пижмы. А борщевик вымахал такой, что был вровень с головой всадника, привставшего на стременах. Там, где подлесок слегка редел, из травы торчали шляпки грибов, никто их тут не собирал, народу – ни души!

Внезапно Лешек обогнал нас и устремил свою пегую в лесную чащу:

– Сюда! Ко мне! Скорее! – крикнул он.

Даже не спросив, зачем, мы ломанули за ним. Через несколько секунд я услышал уже знакомое мне хлопанье кожистых крыльев.

– Блин! Шапку забыли, – посетовал Лешек. – Андреич, спрячься под брюхом коня!

Я спешил и залез под брюхо каурого. Мои попутчики тоже сошли с коней, поставили их по бокам от моего, а сами отошли к толстеному дубу и, став к нему лицом, делали вид, что заехали в лес по нужде. Впрочем, по некоторым признакам, вовсе и не делали вид. Я с превеликой радостью присоединился бы к ним, все-таки в седле мы довольно долго, но хлопанье крыльев раздавалось уже над самой головой. Громадная тень пронеслась вдоль дороги. Лес в этом месте был высок, а дорога узкая, тут вряд ли разъехались бы две телеги. Очевидно, размах крыльев не позволял чудовищу совершить посадку. Мне было до жути интересно взглянуть на этого змея поближе, а еще лучше – заснять его на видео, но инстинкт самосохранения заставлял сидеть и не высовываться. Ящер сделал над нами три круга и улетел восвояси. И убрался он очень вовремя, ибо, едва я выбрался из-под брюха коня, выяснилось, что не только я, но и мой мерин испытывал малую нужду.

– Заметил, нет? – спросил я Лешека. – Как думаешь?

– Пока не ясно. Авось, типа, пронесет.

К вечеру слева от дороги открылось необъятное поле, засеянное сурожью – на нем плотной стеной, высотой до холки коней, стояли колосья пшеницы и ржи. Откуда я это знаю? Да приходилось в детстве бывать в деревне, могу отличить овес от проса, а рожь от пшеницы. Дорога, выгнувшись лукой, шла краем леса, освещаемая закатными косыми лучами, и было в этом пейзаже что-то из забытого детства, а может, из генетической памяти. Начиная с середины поля, в низинке завиднелась околица, а за ней – деревня.

Мне сразу представилась типичная деревушка из российской глубинки. Десятка два дворов, избы, иные убогие, покосившиеся, другие – крепкие, с резными наличниками и петухами на крышах. Все зависит от того, сколько в них проживает лиц сильного пола. За избами огороды: огурчики, капуста, морковь, репка, укропчик – все так и прет под ласковым летним солнцем. А в каких количествах прет, зависит от числа проживающих на этом дворе представителей противоположного пола.

В такой деревушке обязательно есть дед-весельчак, недотепа и балагур, объект подтрунивания всего деревенского населения. Есть там и своя Машка-распутница, эдакая местная солоха, которую дедок спросил однажды:

– Ты, говорят, Машка, обладаешь даром мужиков совращать?

На что Машка, конечно же, возмутилась:

– Даром?! – и, поднеся к носу деда кукиш, пояснила: – Во!

И хоть через такую деревеньку насквозь проходит большак, дорога эта разбита, с глубокой колеёю, а по сторонам – невысыхающие лужи. В них босоногие ребятишки возятся с поросятами, да плещутся гуси. И куры бродят везде, с квохтаньем убегая от проезжающей телеги.

Когда до околицы осталось совсем немного, до нас донеслось бреление балалайки. И я представил, как девки сидят на завалинке, лузгают семечки и отмахиваются от назойливых ухажеров. А парни выпячивают груди и, словно барды и менестрели экспромтом распевают непристойные частушки.

Но, миновав околицу, мы убедились, что главная улица пуста. Звон балалайки доносился с крайнего двора. На завалинке покосившейся избенки сидел морщинистый старичок в драном треухе, с прилипшей к губе недокуренной «козьею ножкой» и тренькал по струнам.

– Доброго здравия, почтенный, – поздоровался Вольф, и мы тоже присоединились к приветствию.

– И вам не хворать, добрые путники, – прошепелявил старик.

– Не скажите ли, уважаемый, нет ли в вашей деревне трактира или постоялого двора?

– Нету, – ответил дед. – Трактир погорел, когда я еще таким как ты был. А постоялый двор тута держать некому. Выгоды нет никакой – проезжающих мало, а налоги большие.

– Кому ж налоги платите, барину?

– Да не, какой там барину. Самому ентому, как бишь его, чародею, магу, тьфу! И не упомнишь, как звать-то!

– Бэбэару?

– Ага, ага!

– А на ночлег кто-нибудь пустит?

– Дык ета... Ступайте, вон, третья изба справа. Там вдова одна живет, бездетная, она и приютит.

– Спасибо, добрый человек.

– И вас храни Господь! Огоньку не будет?

Я бросил ему коробок спичек. Он ловко поймал коробок, раскопегарил свою «козью ногу», убрал спички в карман и снова забренчал на балалайке, а мы двинулись по указанному адресу.

Двор у вдовы был обнесен невысоким плетнем. Хозяйка как раз возвращалась с огорода, неся в подоле огурцы и зелень.

– Доброго здравия, – обратился к ней Вольф, он сегодня выполнял обязанности дипломата.

– Благодарствую. И вам того же

Ей было на вид около сорока пяти и здоровье, судя по всему, крепкое, что называется кровь с молоком.

– Пустишь, хозяйюшка, на ночлег?

– Отчего ж не пустить, коли люди хорошие. А ежели с каждого по три грошика, так еще и отхарчую.

– Будь любезна. Как зовут-то тебя?

– Марфой с детства кличут. Ставьте лошадей в стойло и в хату милости прошу.

Она открыла плетневые ворота, впуская нас на подворье. Подворье у Марфы имелось богатое: рига, амбар, сарай всякие. В одном стояла корова, в другой, пустой, мы завели своих

коней, расседлали, и они захрумкали сеном. В избе пахло свежесвеженным хлебом. Марфа провела нас в горницу.

– Вы располагайтесь. А я насчет ужина похлопочу.

Горница просторная и чистая, ничего лишнего: лавки, стол, пара сундуков, комод, зеркало. Образа были задернуты занавеской, да, собственно, молиться из нас никто не собирался. Я с наслаждением растянулся на жесткой лавке. После целого дня, проведенного в седле, не было ни одного участка тела, который бы у меня не ныл. В горницу влетела девчушка, лет пятнадцати-шестнадцати, миловидная, но ее уродовала огромная бородавка около носа. Увидев нас, девушка смутилась, сдернула с головы красный платок и закрыла им пол-лица.

– Ой! А где баба Марфа?

– На кухне, милая, – ответил Вольф, плотоядно улыбаясь.

Девчонка смущенно хихикнула и скрылась, захлопнув дверь. Через некоторое время вошла Марфа, неся чугунок с дымящейся картошкой, присыпанной укропом

– ...ступай, Матрена, – говорила она, заканчивая, видимо, разговор с девушкой. – И не забудь: по полной луне перевяжи на ночь волосом и накрой черным платком. Наутро – как рукой все снимет. Ну, ступай! Вот, кушайте, гости дорогие, чем Бог послал – со мной переслал.

Она поставила чугунок на стол, принесла еще огурцы свежие, огурцы соленые, грибочки и сало.

– Эх, закусон пропадает, – посетовал я, жалея о том, что оставил у бабки в избе командову флягу.

Но Лешек оказался предусмотрительнее меня. Из недр своего рюкзака он извлек знакомую мне баклажку. Надеюсь, вы не забыли о ее чудесном свойстве никогда не оставаться сухой. Как умудренный опытом человек, я предупредил:

– Только по ма-а-аленькому глоточку!

– По большому, – не согласился со мной Вольф.

– Хорошо, по ма-а-аленькому большому глоточку.

Глава 5. А ВОТ И ЛЕВ

Печь, ввиду наличия отсутствия дров, последнее время топилась соломой. А потому кирпичи к утру остывали и уже не грели тело, а наоборот, тянули тепло из него. Проснувшись и поворочавшись с боку на бок, пытаясь согреться, Лева Зайцев решил, что пора вставать, но не спешил открывать глаза, оценивая обстановку в доме. Обстановка подсказывала ему, что все уже на ногах и, кажется, позавтракали. Без него. Даже не удосужились разбудить.

Спрыгнув с печки, он увидел еще сидящих за столом детишек. Мать их, то есть свою жену, Лева в избе не обнаружил, значит вышла во двор. Сев за стол, он потрепал ребятишек по головам, подмигнул им и улыбнулся. Изобразив рукой человечка, пальцами зашагал к чугунку, стоявшему в центре стола.

– Топ-топ, ну-ка, ну-ка, посмотрим, что тут папке есть покушать. Папка у нас голодный, как лев! Р-р-р!

Дети засмеялись. Скинув крышку с чугуна, Лева убедился, что он пуст. В горницу вошла жена. Прошла мимо него, как мимо пустого места, делая вид, что не замечает.

– Мусик, а где же завтрак? – возмущенно протянул Лева.

– А где деньги?!

– Будут деньги, ты же знаешь, зарплату задерживают...

– Вот получишь, тогда и позавтракаешь, и пообедаешь, и поужинаешь!

– В огороде ничего, что ли, не растет? Корова, что ли, не доится?

– А то не знаешь! Капусту всю почти поели – из незрелой все лето серые щи варила. Хоть чуть-чуть на закваску надо оставить, чтоб закачанилась! Огурцы, вот, последние сняла

солить. Репу не дам, хоть она пусть созреет. Молоко – детям, остатки продаю, надо же и пастуху заплатить, соль, мыло покупать надо. Хочешь есть – иди, вон, морковки надергай, да грызи. Ты же у нас Зайцев!

– Я – Лев!

– Ах, подумайте! Мясо, значит, ему надо. Так иди и заработай! Срам какой, сборщик налогов – и без гроша ходит. Детей нечем кормить, слыханное ли дело?!

– То есть как это: без гроша? А по весне три рубля золотом кто принес? А колец зачем ты столько накупила, у тебя что, сорок пальцев? А жемчуга – вона, шкатулка целая!

– Это на черный день! Мало ли, а вдруг война? Настанет черный день, а мы совсем голые. А ты уж постыдился бы. Вон, в Нидвораеве, жена сборщика налогов – в парче, да в атласе, да в мехах! В бричке ездит, сапоги сафьяновые носит. Да у них, что ни день – зарплата. Боятся селяне, вот и несут. А ты у меня? Тьфу, глаза б не глядели!

– Ну завелась, закипела! – возмутился Лева. – Ну, пойду, ну и заработаю. Что я могу сделать, если деревня наша – голытьба одна! Что я, к деду Парфёну за бабками пойду? Он как последнюю старуху свою схоронил, так сам по дворам махорку стреляет.

– К Марфе вчера на постой три молодца залетели. С виду не бродяги, небось и ендрик серебром заплатили. Она знаешь, Марфа-то, своего не упустит. Вот и пусть уважает, пусть делится.

– Ну ладно, пойду, не шуми только, – Лева нехотя надел форменный китель.

* * *

Мы проспали часов до семи, что называется, без задних ног. Когда проснулись, было слышно, что Марфа уже шебуршится на кухне. На завтрак она принесла нам в огромной сковороде яичницу из дюжины яиц с салом, краюху свежего хлеба, масло и молоко. Вкусив всё это с чувством и расстановкой, мы сложили свои монатки, расплатились с Марфой и собирались уже распрощаться, как вдруг в горницу без стука ввалился какой-то детина в форме неизвестного мне рода войск.

– Привет, Марфа! – пробасил он.

– Ну, здравствуй, Лев. Зачем пожаловал?

– Ты чего же... это... налоги-то не платишь?

– Сдурел, али как? Белены, что ли, объелся? Какие налоги, очумела твоя голова?

– Обычные! – пришелец повысил голос. – Сама знаешь! Давай, давай плати быстро, а не то...

Он покосился на нас. Так. Вот, значит, и рэкетир подвалил. Ясненько. Я уже было приготовился сделать телодвижение, чтобы показать ему, где Бог, а где порог, но Вольф остановил меня, говоря взглядом, мол сами разберутся.

– Не то что? – Марфа подбоченилась, приняв позу сахарницы. – Ты, Левушка, смотри, не зарывайся! Я по весне все налоги выплатила до полгрошика! Теперь осени жди, соберем урожай, вот и приходи тогда. На базаре я не торгую, прачкой не подрабатываю. А подсобное хозяйство налогом не облагается, не наложил еще на него лапу ваш Бэбэ!

У сборщика налогов глаза округлились, в них выступил испуг. Было заметно, что и мои попутчики слегка струхнули.

– Ч-ч-щ! Не Бэбэ, а Великий волшебник, Маг и Чародей...

– Да ладно тебе, слушать тошно. Не бойсь, жуков-тараканов у меня нету, повывела. Был бы волшебник – наколдовал бы себе золота столько, сколько надо и не обирал бы честных тружеников. Нету у меня денег, убирайся!

– Ты ж вон путников на ночь пустила, небось не беспла...

– Ах ты, морда твоя бесстыжая! Странников в дом не пустить, в чистом поле на ветру оставить, не накормить, не напоить, да кто бы я была после этого! Проваливай, пока ухватом не огрела!

Парень пожал плечами и вышел.

– Это кто? – спросил я Марфу.

– Да так, ОМОНовец.

– ОМОН? – удивился я.

– Да, Организация Мытарей и Обирателей народа. А ну его, никто тут его не боится. Труслив, как заяц, и фамилия такая. Да вы не подумайте, все, что полагается мы исправно платим. А уж сверх того – халтура там какая иль еще что – так уж извиняйте, гроша ломаного не дадим.

Мы еще раз поблагодарили Марфу, распрощались и вышли. На завалинке Марфиной избы печально сидел незадачливый сборщик налогов. Когда мы выводили из сарая оседланных коней, он все еще сидел, обхватив голову руками.

– Что, ОМОНовец, плохо дело? – спросил его Вольф.

– Отвали! – хмуро ответил тот.

– Выбрал бы ты, дружище, другую профессию!

– В советчиках не нуждаюсь.

Но Вольфа уже понесло:

– Собирать налоги – дело непростое. Тут надо иметь решительность, смелость, я бы сказал, наглость!

– Да пошел ты!

– Я-то пойду! А ты – сиди, грусти, кури бамбук, а лучше – меняй профессию. Зарплату давно не платили?

– Три месяца.

– Ну, это ничего. Мне, бывало, по полгода не платили, ничего, пережил. Халтура, знаешь ли, выручала.

Вольф мечтательно поднял глаза и цыкнул зубом. Но, заметив наши с Лешekom укоризненные взгляды, пояснил:

– Вообще-то я почти вегетарианец.

– Сменю! – воскликнул вдруг незадачливый мытарь, решительно поднимаясь. – Сменю к чертовой матери эту профессию. В пастухи пойду или к плотнику в подмастерья. Только вот обидно до соплей, я же служил честно, лишнего не брал, начальство не обманывал, за что же такая несправедливость? Пойду в Алмазную Долину, да я до самого Великого Волшебника, Мага и Чародея, Властелина ночи, Повелителя Алмазной долины Бэдбэара доберусь! Разве можно честных людей обманывать? Где моя зарплата? И не вернусь, пока мне не заплатят мои кровные!

– Вот это по-мужски, – одобрил Вольф. – Чем нюни-то распускать.

– Каска-то есть у тебя? – спросил я.

– Чего?

– Да понимаешь, в наших краях принято, когда требуешь выплаты задержанной зарплаты, сидеть на мостовой и стучать каской.

– Ничего, я и без каски как-нибудь. Вы сами-то, мужики, куда путь держите?

– Да туда и держим. В Алмазную Долину.

– Мужики, я с вами, мужики! Вместе, ведь, веселее, а я вам пригожусь, вот увидите! Позвольте, составлю вам компанию, возьмите, не пожалеете! Обождите меня, я мигом, бедняку собраться – только подпоясаться!

Мои спутники вопросительно посмотрели на меня. Я несколько секунд колебался, потом сказал:

– Мужик, у тебя времени четверть часа.

Мы условились, что будем ждать его за околицей.

– Зря он на Марфу наезжает, – Лешек откинулся в седле и лег спиной на круп своей кобылы.

– Это точно, – подтвердил Вольф. – С ведьмами лучше не связываться. Нашел бы кого попроче: торговца беленой или винокурщицу.

– А она ведьма, Марфа-то? – спросил я.

– А то! – ухмыльнулся Вольф.

– Стопудово, – подтвердил Лешек, поднимаясь. – Вон, девчонке ведьмин волос дала бородавку свести...

Мы стояли уже больше получаса и хотели было отправиться в путь без мытаря, но тут увидели, как он скачет, пыля, по улице. В какой-то охотничьей шляпе с пером, в форменном кителе и с длинным ружьем на плече. И на очень странной кляче. Впрочем, вовсе не кляче, лошадка-то довольно упитанная, но это не мешало ее мослам выпирать со всех сторон, оттягивая шкуру. Она была буланой масти, крупной и ширококостной, а экстерьером сильно напоминала огромного мула. Точнее, не просто мула, а помесь коня Ильи Муромца с Валаамовой ослицей. В общем, скажу вам – лучшего, чем наш новый попутчик, исполнителя на роль д'Артаньяна на момент его прибытия в Париж просто не найти.

– Кто-нибудь может ориентировочно назвать мне сроки нашего прибытия в Алмазную Долину? – спросил я, когда мы вчетвером рысили по хорошо наезженному тракту.

– Чтобы заказать цветы и оркестр? – уточнил наш новый спутник Лёва.

– А мы не собираемся никого хоронить.

– Я имел в виду торжественную встречу. Долина большая, если не случится каких-нибудь неожиданностей, завтра к вечеру пересечем ее границу. А оттуда еще день пути до мегаполиса.

Сегодня четвертые сутки моего пребывания в этом непонятном мире. Нет, не моего, нашего пребывания. Ведь где-то здесь томятся в плену мои друзья, и я должен их спасти. В том, что это параллельный мир, а не розыгрыш, не маскарад, сомнений оставалось все меньше. Слишком много нелепого и непонятного, чего не предусмотрит ни сценарием, ни режиссурой, да и очень уж много потребовалось бы финансовых затрат на обустройство всего этого. Значит, в лучшем случае послезавтра я смогу увидеть этого загадочного Бэдбэара. А захочет ли он мне помочь отыскать моих друзей и вернуть нас к привычной жизни? Я вспомнил о Катке, и у меня опять защемило в груди. Как там и где моя Катка? Вот спасу ребят, вернемся мы домой, первым делом пойдем с Каткой в городской парк, и залезу я в этот чертов фонтан, будь он неладен!

Мы проскакали немного галопчиком, потом перевели лошадей на шаг и завели тихую светскую беседу. Нам интересно было разузнать поподробнее о нашем новом спутнике. Выяснилось, что родился он в Николаево, где и прошло его босоное детство, а также беззаботное отрочество. Став юношей, да, собственно, не юношей, а почти что мужем, он был рекрутирован в действующую армию Алмазной Долины. И когда уже приступил к выполнению воинского долга, прослышал о наборе добровольцев на альтернативную службу, которую можно нести по месту проживания. Тоска по дому, по родной деревне, по любимой девушке, которой предстояло ждать солдата долгих двадцать лет, подтолкнула его податься в эти самые добровольцы. Вот так, подписав контракт на десять лет, он стал сборщиком налогов. Срок контракта истекает, он вполне может подать в отставку, получить жалование за последние три месяца, выходное пособие и заняться каким-нибудь ремеслом – пасти коров, рыть колодцы, заготавливать дрова или открыть скобяную лавку. Обмолвился он и о какой-то мечте, но пока что не стал о ней ничего рассказывать.

– Так тебе вовсе и не обязательно, – заметил я, – идти к самому Бэдбэару...

– Великому Волшебнику, Магу и Чародею, Властелину ночи, Повелителю Алмазной долины, – почтенно перечислил все титулы Лёва.

– Послушайте, зачем вы всякий раз это повторяете? Неужели в обиходе нельзя называть его как-нибудь покороче, скажем Бэбэ?

На моих новых друзей стало страшно смотреть. Похоже, в них резко начала убывать энтропия, они готовы были свернуться в точку вместе с лошадьми, пространством и временем.

– Тебе можно, – наконец произнес Вольф. – Ты – чужестранец.

– Он вездесущ и всемогущ, – пояснил Лева. – За неуважительное отношение кара может быть очень жестокой!

– М-да! Ну, ладно, – я попытался ухватить прерванную мысль. – Так о чем это я?.. Ах, да! Тебе же вовсе не нужно беспокоить такого занятого и почитаемого человека. Расторгнуть контракт можно и в канцелярии, а деньги получить в кассе.

– Ты прав, конечно, встречаться лично с... (в дальнейшем я, по возможности, буду пропускать это не слишком короткое имя собственное) у меня нет необходимости, но добиться правды у чиновников, сами понимаете, не так легко. Боюсь, придется двигаться все дальше и дальше, вплоть до самого Вели...

– Понятно! – поспешил я перебить Леву.

Деревню Нидвораево мы миновали околицей. Выглядела она еще печальнее, чем Николаево – покосившихся домов больше, больше росло лебеды и крапивы, а культурных растений – меньше, и живности меньше. Зато посередине деревни высился огромный терем, почти вровень с колокольной.

– Это что, дача министра или дворец деревенского старосты? – спросил я.

– Какой там старосты, – ответил Лева. – В этой деревне сборщиком налогов служит некий Ма Лютов. Это его хоромина-огромина! До нитки весь народ обобрал, вот и стараются они и скотины держать поменьше, и вообще жить впроголодь – какой смысл вкалывать, наживать добро, если всё одно отберут.

– А местный староста куда смотрит?

– Ему какое дело? Он вообще в городе живет.

– Да, ветром демократии тут у вас и не веет. Впрочем, и у нас не лучше. Но почему бы вашему Бэд... э э... правителю не снизить хотя бы налоговое бремя, чтобы оживить торговлю? Магазины-то, лавки тут у вас есть?

– Не-а. Раз в месяц базарный день. А так, если кому чего надо, молока, там, сыру, соли или, скажем, самогону – сами знают к кому идти и стараются тайком, чтоб омоновец не прознал.

– Ага, он, значит, самовольно ввел налог с продаж. Понятно.

Тем временем, дорога привела нас в лес. И мы угодили в ловушку!

Глава 6. В ПЛЕНУ

Лешек ехал впереди. Внезапно его пегая остановилась как вкопанная, словно наткнувшись на невидимую преграду. Преградой оказалась пеньковая веревка, натянутая примерно в метре над землей.

– Назад! – крикнул Лешек, осаживая кобылу.

Но, оглянувшись, мы увидели, что и сзади, и по бокам – везде, откуда ни возмись, появились натянутые меж деревьев веревки. Мы оказались словно внутри боксерского ринга. Со свистом перед моим носом пролетела стрела и – тум! – воткнулась в дерево, издавая звонкие затухающие звуковые колебания.

По сторонам ринга появились зрители. Хотя нет, не зрители, главные действующие лица. Лица были не самой приятной наружности, наружностью они напоминали неандертальцев: низкие лбы, выступающие надбровные дуги, нечесанные длинные волосы, украшенные пирсингом носы, уши и губы. На сутулых фигурах мешковато сидели топорно сшитые наряды из звериных шкур. Их вооружение составляли короткие луки и каменные топоры на длинных топорах.

Пока каждый из нас напрягал извилины, пытаюсь сообразить, как нам выпутаться из этой ситуации, просвистел аркан. Веревка натянулась и скинула с серого в яблоках жеребца огромного волчару. Опять я проглядел момент, как Вольф меняет свой облик! Вольф упирался как дворняга, которую поймали живодееры. Следующий аркан сдавил мою шею. Я не успел и ойкнуть, как с ускорением «g» помчался навстречу пыльной дороге. Аналогичная участь постигла и Льва, и Лешака.

Нас подняли с земли, построили гуськом, связали нам троим за спинами руки одной длинной веревкой, и мы, как альпинисты в одной связке, двинулись в путь. Впереди два неандертальца тащили на растяжках волка. Еще двое упирались ему в шею рогатинами, чтобы он не пустил в ход зубы. Двое первобытных тащили нашу связку, а всю процессию конвоировали с десятков лучников. Далее четверо дикарей вели в поводу наших скакунов, замыкал шествие несколько выделяющийся из общей массы наших похитителей индивидуум, вполне современный гуманоид, я бы даже сказал, хомо сапиенс, правда, заросший бородой, длинными патлами и одетый в лохмотья. Кто он у них, идейный вдохновитель, вождь, шаман или такой же пленный, как и мы?

Больше часа нас вели через чащобу, пока мы не вышли в долину небольшой речушки. О, Боже, какой вид! Бывают же на свете такие чудесные, живописные места! С пригорка нам открылся изумительный луг, где паслись лошади, коровы и овцы. Из распадка меж холмами вытекала сверкающая на солнце речка. Вдоль берега раскинулось поселение первобытных людей: хижины, кострища, приспособления для сушки рыбы, копильни и прочие примитивные сооружения. Ниже селения река была запружена, в пруду плавали гуси и утки, плескались ребятишки. А кто постарше – бродили по колено в воде, ловя руками не то раков, не то пескарей.

Меня, Лешака и сборщика налогов поместили в клетку, сплетенную из прутьев и напоминающую гигантскую перевернутую корзину. Волка поселили в отдельную корзину, размером поменьше. Слава Богу, нам развязали руки. Прежде всего, мы попытались разломать нашу тюрьму. Но это оказалось довольно трудно, почти невозможно. Когда мы подустали и прекратили попытки освободиться, к нам подошел цивилизованный в лохмотьях.

– Do you speak English?

– Yes, I do, – уверенно ответил я.

– Черт! – выругался цивилизованный. – А вот я-то дую фигово!

– Ну, тогда let us speak Russian, – предложил я ему.

– О, давай! Давай по-русски. Меня тут приставили толмачом быть при вас, а я забоялся, вдруг языка вашего не разумею. Они же меня с дерьмом сожрут!

– Они людоеды? – спросил побледневший Лев Зайцев. – А для чего ж они тогда овец, да коров держат?

– Да не, не людоеды. Я не в этом смысле – сожрут. Просто замумукают и в пастухи разжалуют. Или жену отберут, да мало ли что им взбредет в голову!

– Тогда, позвольте вас спросить, какова цель нашего пленения?

– Цель очень гуманна, – ответил толмач. – Вас принесут в жертву.

Первым дар речи обрел сборщик налогов.

– А... когда?

– Завтра на рассвете.

– Прикольно, да? – пришел в себя Лешек. – И чего ради?

– Ради победы!

– То есть, вы хотите сказать, нас принесут в жертву для того, чтобы победить в войне? – решил уточнить я.

– Нет, в войне мы уже победили. Мы одолели племя Буа-Бао, жившее в верховьях Лихолески. Они долго досаждали нам набегами, грабили нас и уводили наших женщин. Но сегодня этому наступил конец. Рано утром вернулись наши воины и, как говорится, со щитом. Кого не поубивали, тех в полон взяли. Вождя ихнего на кол посадили, уже теперь, видно, вороны его доклевывают, а семерых его жен нашему вождю в гарем привели. А у того своих уж пять имеется.

– И на радостях ваш атаман, – донеслось из волчьей клетки, – настолько сдурел, что решил отблагодарить богов человеческими жертвами?

– Да с какой радости, ни Боже ж мой! Ему теперь с двенадцатью женами управляться надо, а возраст-то, уж поди не юноша. В его годы нормальные люди с одной-то женой поврозь спят. Вот я ему... то есть, шаман ему и посоветовал, в течение трех дней с восходом солнца приносить в жертву богу любви Диньдиню молодого мужчину, предварительно его оскотив. А этими... его достоинствами украшать изголовье супружеского ложа. Если это не принесет должного эффекта, то на четвертый день надо съесть печень оборотня, тогда уж точно все получится.

– Чепуха! – отвечая, я попытался не выдать ни волнения, ни испуга. – Это ему не поможет.

Наш собеседник изобразил ухмылку щербатым ртом.

– Все так говорят. Но идут на жертвенник как милые овечки. Не переживайте, – он сложил ладони перед грудью и закатил глаза к небу, изобразив пастора. – Все там будем!

И ведь не поспоришь, будем. Но почему именно теперь?

– Каждый из вас, – продолжал толмач, – имеет право на последнее желание. Будет исполнено все, что в наших силах (кроме свободы, конечно). Можем привести вам сюда юных девственниц, прикатить бочку вина, зажарить быка...

– Я хочу говорить с вашим шаманом! – воскликнул я. – Вот мое желание. Хочу говорить с ним с глазу на глаз, без свидетелей. Мои друзья, разумеется, не в счет.

– Как же вы будете говорить с ним без толмача?

Черт! Об этом я не подумал... Но Лева меня выручил:

– Я знаю язык Туа-Тао.

– Вот, видите! Пожалуйста, приведите шамана. Всего на два слова.

В подкрепление просьбы, я достал из кармана штанов золотой рупь и протянул его толмачу. Рупь мгновенно исчез в недрах надетых на него лоскутов. Также мгновенно исчез и он сам.

Час-другой прошел в томительном ожидании. На безопасном отдалении от нашей клетки собрались ребяташки. Они указывали на нас пальцами и что-то выкрикивали. У молодых женщин тоже нашлись какие-то дела в разных концах деревни, как предлог продефилировать мимо нашей тюрьмы и бросить беглый взгляд в нашу сторону. Наконец, появился шаман. В том, что это он, было нетрудно убедиться по истатуированному лицу, особо изощренному пирсингу и куче навешанных на него побрякушек из костей каких-то животных и блестящих камушков. Он произнес что-то типа «Талапуна на балуту». Лева перевел:

– Ты звал меня, чужеземец?

– Я хочу спросить, уверен ли ты, о великий шаман племени Туа-тао, на все сто процентов в эффективности завтрашнего культового обряда?

Лева затормозил.

– Ты чего?

– Никак не могу вспомнить, как по-ихнему звучит «эффективность».

– Переводи своими словами. Когда потребуется дословный перевод, я тебя обязательно предупрежу.

– Акупа апата лопата на фигата, – пробубнил Лева.

Шаман задумался и что-то проговорил.

– Он сказал, – перевел Лева, – на все воля богов. Но в большинстве случаев боги очень благодущны после такого ритуала.

– Скажи ему, что у меня есть средство, которым я излечил множество мужчин от мужской слабости, и действует оно безотказно уже сотни лет.

Лева перевел.

– У них лунный календарь, – пояснил он мне. – Я сказал: столько лун, сколько звезд на небе.

– Молодец! Ты прямо поэт.

– Мабута батута киргуду бумбарбия, – после небольшой паузы произнес шаман.

– Он говорит, дай свое средство, если жертвоприношение не подействует, они испробуют его.

– Блин! – Лешек плюнул с досады.

Мне тоже хотелось сказать нечто подобное, даже покрепче, но я решил не поддаваться эмоциям.

– Скажи ему, это средство заколдовано, оно будет действовать, покуда его хранители, то есть мы, живы.

Шаман произнес свою абракадабру, из которой следовало, что ему надо посоветоваться с шефом, с вождем, то бишь. Совецание было недолгим, вскоре он вернулся со словами:

– Великий вождь Туа-тао хочет испробовать твоё средство.

Что ж, это шанс. Теперь мне надо достать пузырек с пантокрином, подаренный таежником. Если местное население еще не разворовало нашу поклажу, он, скорее всего, цел. Я обратился к Лева:

– Скажи ему, пусть принесут мешок, привязанный к седлу каурого мерина.

Когда мой рюкзак доставили к нашей клетке, я попросил вынуть из него жестяную коробку, которая использовалась под аптечку.

– Пусть шаман откроет. И достанет вон тот стеклянный пузырек с белой пробкой. Скажи, вождю нужно выпить... Как сказать чайную ложку?

– Скорлупу ореха, – подсказал Лешек.

– Во-во! Скорлупу ореха этого зелья. И пусть отправляется к своим женам.

Шаман недоверчиво посмотрел на флакон и что-то проталалакал.

– Он опасается, что это яд.

Черт побери, ну что за народ, а?! Как можно не верить честному шарлатану?

– Пусть даст сюда.

Шаман просунул пузырек между прутьев. Я открыл пробочку, капнул капельку жидкости на палец и слизнул.

– Переведи, Лева, что больше мне нельзя. Иначе я сломаю клетку и изнасилую все племя. И пусть не боится, в конце концов, мы всё еще пленники. В крайнем случае выберут нового вождя. Впрочем, это можешь не переводить.

Началось долгое ожидание. Подействует или нет? И принесет ли шаман мой пузырек вождю, а не зашвырнет ли его в реку? Такие мысли терзали нас до заката. Вечером молоденькие неандерталки принесли нам какую-то еду – миску баланды, похожей на распаренную в жирном бульоне мякину, да пресные лепешки. Вольфу кинули несколько костей. Он брезгливо закопал их в углу своей клетки.

Всю ночь мы, не смыкая глаз, просидели в форме трехлучевой звезды, прислонившись друг к другу спинами, слушали песни дикарей под бубны и барабаны и вопли танцующих у костров. Народ Туа-тао обмывал победу над племенем Буа-бао. И как в такой обстановке их вождь может выполнять свой супружеский долг перед двенадцатью женами?! К рассвету костры погасли и наступила зловещая тишина...

Вот первый луч осветил верхушки деревьев западного леса. Сейчас к нам приведут конвой, и кому-то из нас придется отдать свою жизнь и мужское достоинство во благо повышения потенции вождя племени Туа-тао. Запели петухи, в лесу замолкли ночные птицы, их сменили своими голосами другие пичуги. Мычали коровы и блеяли овцы. Вроде бы тихое благостное утро, тем не менее, селение наполняла какая-то недобрая, можно сказать, зловещая атмосфера.

А вот и конвой. К нашей тюрьме приближались шаман, цивилизованный толмач и еще пять воинов в полном вооружении. Стало быть, на алтаре уже все готово к предстоящему жертвоприношению. И все равно в душе теплился слабый огонек надежды, один малюсенький шанс, один шанс из тысячи, может из миллиона. Вдруг мой заветный пузырек попал, все-таки, к вождю, а не лежит на дне Лихолески, вдруг вождь его, все-таки, соизволил испробовать, и вдруг, о чудо, он оказал положительное воздействие.

– Акуна матата таталата, – произнес шаман.

Не поручусь, что привожу дословно эту абракадабру.

– Вас хочет видеть вождь, – перевел толмач.

Нас конвоировали (и, что порадовало, не связывая рук) к самой невзрачной хижине селения.

– Наш вождь очень скромн и не любит выделяться роскошью, – передал через толмача шаман, поймав наше недоумение.

Внутрь пригласили меня одного, мои спутники остались снаруж и в компании воинов. Шаман и толмач вошли следом за мной. Вождь восседал на куче козьих и овечьих шкур в окружении двенадцати разномастных и разновозрастных красоток и курил кальян. Красотки, на первый взгляд, были всем довольны, картина представлялась вполне идиллической. Вождь был не так уж и стар и внешне походил, скорее, не на первобытного человека, а на представителя одной из южных народностей нашей необъятной. Он сказал что-то по-тарабарски, толмач перевел:

– Шаман племени Туа-тао передал мне твое зелье...

Вождь сделал паузу и затынулся.

– Оно... оказало... Превосходное действие!

Толмач чуть не поперхнулся на этих словах. Поглядеть на него – лимон съел, не иначе. Столь кислая рожа не поддается описанию.

– Поэтому мы решили не совершать сегодня жертвоприношений и можем отпустить тебя.

– А как же мои друзья?

– Они останутся. Если завтра твое средство окажется бессильным, мы прибегнем к жертвоприношению.

– Тогда и я никуда не пойду! – решительно заявил я. – И первым взойду на алтарь, если мое средство не поможет тебе остаться плейбоем.

Вождь передал мундштук кальяна одной из жен, медленно встал, подошел ко мне и положил руку мне на плечо.

– Ты благородный человек, – сказал он по-русски с легким кавказским акцентом. – Я отпускаю тебя и двух твоих спутников. У тебя есть еще пожелания?

– Отпустите волка, верните нам коней и наши личные вещи.

– О'кей! – согласился вождь. – Более того, я приношу извинения за нанесенный моральный ущерб и в качестве компенсации дарю тебе вот этот талисман. Он обладает какими-то

волшебными свойствами, какой-то магией, честно говоря, я сам не знаю, чем именно. Мне его подарил один... Да, в общем, неважно, это долгая история. Короче, держи...

Он протянул мне золотую бляху, украшенную мелкими бриллиантами, с барельефом сидящего крылатого льва в шлеме, сжимающего в поднятой лапе рубиновый меч. Сзади раздался какой-то грохот, а жены вождя сначала дружно взвизгнули, потом расхохотались. Толмач лежал на брюхе, вытянув вперед руку, и хрипло пытался что-то сказать. Видимо, он резко рванулся вперед, а шаман сделал ему подножку.

Глава 7. ОЧЕРЕДНАЯ ЗАДЕРЖКА

Баба-яга была права, поиск моих друзей может затянуться на недели, а то и на месяцы. Уже пятый день я в пути к этой загадочной Алмазной Долине, а встреча с таинственным Бэд-бэаром до сих пор далека как каникулы в начале семестра. Зато возможностей отдать концы у меня последнее время было предостаточно. Как, например, сейчас. Я лежу на какой-то широкой доске, возможно столешнице, в позе морской звезды. Руки и ноги мои туго привязаны веревками к этой самой столешнице, а мой похититель стоит ко мне спиной, крутит ногой точило и точит огромный нож, почти что саблю. Я только что пришел в себя. Голова гудит как Царь-колокол в тот момент, когда от него отломился кусок.

Предшествующие минуты (или часы, установить весьма сложно) вспоминаются довольно смутно. Мы ехали шагом, я был замыкающим в нашей колонне. Сначала мне показалось, что мой мерин совсем сдурел и ни с того, ни с сего высадил меня из седла, поскольку я взвился в воздух вниз головой. Потом я увидел, что вопреки закону всемирного тяготения земля очень быстро удаляется, а кроны деревьев приближаются, но каурый мерин здесь ни при чем, преодолеть гравитацию мне помогает веревка, затянутая удавкой на моей правой ноге. Кто и когда накинул удавку на мою ногу, я могу только догадываться, скорее всего вот этот самый верзила с точилом. Ну да, я обернулся назад, чтоб проверить, хорошо ли рюкзак приторочен к седлу. Кажется, освободил ногу от стремени и тут взлетел вверх. В кронах деревьев меня схватило косматое человекоподобное существо и оглушило ударом дубинки по голове.

Теперь это гориллообразное чудовище, точит огромный нож, а я лежу, привязанный к столу, и разглядываю гирлянду из человеческих черепов, подвешенную у потолка.

– Ты кто? – задал я совершенно идиотский вопрос.

– Людоед! – ответил Кинг-Конг, не прерывая своего занятия.

Вот что всегда меня удивляло и поражало в любых литературных примерах. Людоед (причем голодный людоед), поймавший жертву, вместо того, чтобы немедленно приступить к трапезе, умышленно, под любым предлогом, оттягивает это занятие. То, ссылаясь на усталость, ложится спать, то начинает точить нож, как будто нельзя было подготовиться заранее и держать инструмент в рабочем состоянии. А уж поспать, по-моему, куда приятнее на сытый желудок. Эта горилла могла меня сожрать сто раз, пока я был в бессознательном состоянии. Однако поскольку я еще жив, он ждал, когда я приду в себя. Значит, либо это такой изощренный гурман, что предпочитает есть мясо жертвы, ведя с ней светскую беседу, либо ему что-то от меня надо. От живого.

Людоед остановил точило и повернулся ко мне, сжимая в руке тесак.

– Вот теперь можно и откусать!

– Приятного аппетита! – я постарался вложить в эту фразу как можно больше сарказма.

– Спасибо, – поблагодарил людоед, вращая какое-то скрипучее колесо.

Столешница, к которой я был привязан, стала медленно поворачиваться, принимая вертикальное положение, а когда мои ноги поднялись вверх, а голова оказалась внизу, людоед подставил под нее тазик.

– Сейчас я перережу тебе горло, – сообщил он, – сюда будет стекать кровь. Вжик, буль-буль и все. Тебе страшно?

– Нет, – соврал я.

На самом деле мне было жутко. Меня совсем не радовало то, что мои в меру накаченные и достаточно рельефные мышцы превратятся в котлеты, а мой череп дополнит эту ужасную гирлянду на потолке. Однако внешне я оставался спокоен, и это спокойствие раздражало людоеда.

– Почему ты не молишь о пощаде?! – закричал он. – Почему не предлагаешь откупиться?

– Мне нечем откупаться, у меня ничего нет.

– Нет есть. Е-э-эсть, – и пояснил кокетливо: – кое что!

Людоед похлопал меня плоской стороной лезвия тесака по... как бы сказать, по тазобедренному суставу. Так, очень интересно! Это что же получается, голубой людоед? Ну уж нет, я категорически против. Пусть тогда лучше жрет поскорее.

– Амулет, – продолжал мой мучитель. – Амулет Золотого Льва. Подари мне его, а я подарю тебе жизнь.

Да, действительно, в заднем кармане моих камуфляжных брюк лежал амулет, подаренный мне сегодня утром вождем племени Туа-тао. Поерзав пятой точкой по столешнице, я удостоверился, что какой-то предмет покоится там и сейчас. Собственно, почему я должен его дарить? Почему нельзя его украсть, отобрать, снять с безжизненного тела, наконец, с трупа? Ведь пока я был без сознания, людоед имел полную возможность завладеть амулетом. Элементарно, Ватсон! Амулет теряет магическую силу, если он украден или отнят, вот в чем дело. И это мой шанс! Если я подарю ему амулет, он получит то, что хотел, а меня съест. Если не подарю – все равно съест, но не сразу. Надо потянуть время и что-нибудь придумать.

– Отвяжи мне руки, я залезу в карман.

– Щаз! Ты скажи, что я могу взять его, и я заберу. А потом тебя... Отпущу. Идет?

– Нет. Сначала освободи меня, а я отдам тебе амулет.

– Ха! Освободи! А ты меня сапогом – бум! Людям верить нельзя. Ты мне только скажи, что я могу забрать амулет, мол даришь мне его, и всё. И будешь свободен!

– Не годится! Амулет надо передать из рук в руки. Взял сам – все равно что украл. Амулет потеряет силу!

Людоед задумался. Поковырялся в бороде, почесал за ухом.

– Погоди, погоди... Так ли это? Надо посоветоваться...

Он повернулся лицом к двери, а затылком к окну. Из окна дуло... То есть, тьфу, в окне появилось дуло. В первый раз в жизни увидел, как человеческий череп разлетается на куски. И честно вам скажу, зрелище далеко не из приятных, до сих пор мороз по коже. Из дула вылетел сноп огня и дыма, раздался оглушительный грохот выстрела и еще какой-то звук, будто разлетелся вдребезги брошенный со второго этажа спелый арбуз. В лицо мне брызнуло не то кровью, не то (бр-р-р!) мозгами, запахло дымным порохом и чем-то паленым, вроде пережаренного шашлыка. Дуло исчезло, а в окне появился Лева Зайцев собственной персоной. Он подхватил выроненный каннибалом тесак и одним махом перерезал мои путы. Я скатился со стола, угодив головой в таз. Таз отозвался неодобрительным звоном. Я сделал кульбит и встал на ноги. Лева схватил меня за руку.

– Тикаем быстрее!

В это время открылась дверь. Кто-то вошел и закашлялся, поскольку облако порохового дыма все еще не развеялось.

– Что тут происходит? – прозвучал очень знакомый голос, но в тот момент я не мог вспомнить, чей именно.

Бум! Звук падающего тела. То ли споткнулся об обезглавленного людоеда, то ли упал в обморок. Нам некогда было приводить его в чувство и объяснять, что тут происходит, мы рванули к окну. До земли далековато, но под окном на огромной бочке стоял Вольф, а на его

плечах Лешек. Мы с Левого спустились по живой лестнице и всем скопом помчались к высокой каменной ограде. Через нее была перекинута веревка, моя основная веревка. Молодцы, ребята, сообразили. Как пожарные на учениях мы преодолели стену и плюхнулись в наполненный водой ров. Выбравшись из рва, я все-таки успел прихватить свою веревку, она нам еще пригодится. Теперь нам оставалось только вскочить на ожидавших около рва лошадей и выслать их с места в карьер.

– Ты извини, но ничего умнее придумать мы не смогли, пришлось пристрелить этого болвана!

Мы отдыхали у костерка на травке и пили свежесваренный чай. Лева начищал шомполом дуло своего ружья, из которого он ухлопал людоеда с целью моего спасения. После полчасовой скачки мы решили, что удалились на безопасное расстояние и заслужили отдых. Погони за нами не было.

– Слушай, Лев, чем же ты так бабахнул, что у него башка как пузырь лопнула?

– Да ничего особенного. Это разрывная пуля для охоты на безвздохового однорука.

– Безвздоховый однорук? – удивился я. – Что за зверь такой?

– А ты что, никогда не видел? Огромная тварь, голокожая, а на голове рука растет. Очень ценная шкура, одежда из нее – сносу нет. А среди богачей огромным спросом пользуются чучела, – в богатых домах их принято ставить в гостиных. Любой таксидермист отвалит за шкуру однорука сотню рубликов золотом, потому что чучело продаст за двести, не меньше. С детства у меня была мечта стать охотником на однорука.

Исходя из словесного портрета животного, я высказал предположение, что речь идет о слоне, но Вольф разуверил меня в этом.

– Нет, Вань, это не слон. Однорук – зверь особый. Во-первых, он раза в два крупнее. Во-вторых, встретиться с ним – не приведи Господь!

– Но почему «безвздоховый»?

– У него нет легких. Он дышит всей поверхностью шкуры. Поэтому и одежда из его кожи так ценится. И хороша она не только прочностью, но и тем, что в ней никогда не промокнешь и не вспотеешь.

Допив чай, мы продолжили наш путь. К вечеру лес расступился, открывая нам вид на широкую реку с шустрым течением. Через реку был перекинут деревянный мост. За мостом дорога расширилась и выходила в поле. Вдали показалось какое-то селение, вроде как небольшой городок.

– Это застава, – пояснил Лева. – Граница Алмазной долины. – Там я бы посоветовал продать лошадей, потому что до мегаполиса лучше всего добраться на печеходе.

Небольшой городишко, в который мы прибыли, вычурно именовался Питстаун. Для экономии времени мы нашли маклера и не торгуясь продали ему лошадей, хоть и по дешевке, зато быстро. Я поблагодарил каурого за службу, потрепал его по шее и, пустив слезу, распрощался. Все-таки я успел за это время к нему привязаться. Мои спутники оказались не столь сентиментальны, хотя Лешек, кажется, тоже взгрустнул, отдавая повод своей кобылки маклеру.

Солнце уже решительно двинулось на покой, освещая косыми лучами чисто поле, когда мы доплелись до расположенной на окраине города станции. Рельсы здешней чугунки были узенькие, а колея – наоборот широкой. Значит, с лесом для шпал у местных путейцев проблем не было, а вот железа явно не хватало. Хорошо, хоть пунктиром не укладывали. На рельсах пыхтел локомотив или, как его называют на местном диалекте, печеход, напоминавший раритетную модель конструкции братьев Черепановых.

– Во, аппарат! – восхитился страстный технофил Лешек.

Не иначе как впервые за свои двести два года увидел сей механизм. К печеходу было прицеплено несколько вагончиков (на местном диалекте их называют каригами) без остекления и без дверей. Лавки, правда, довольно широкие и расположены вдоль вагончика, как в

поездах метро. Пассажиров оказалось немного, поэтому мы оплатили целый вагон, рассчитанный на шестнадцать сидячих мест, дабы устроить из него спальный вагон. Конечно, не пульмановский, но все-таки...

Едва поезд тронулся, я понял, что горячего чая нам не дожидаться, потому упаковался в спальный мешок и растянулся на лавке. Мои попутчики последовали моему примеру. В последних лучах почти зашедшего солнца мы видели парящую в темнеющем небе трехголовую крылатую рептилию.

– Ему запрещено пересекать границу, – пояснил Лешек, зевая. – Суверенная территория, не пойдет Кощей на конфликт...

«Заснуть бы его надо на камеру», – подумал я, проваливаясь в глубокий крепкий сон.

Глава 8. ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

Стольный град встретил нас морозящим дождиком. Первым делом хорошо бы позаботиться о пристанище. Станционный служащий порекомендовал нам один недорогой трактирчик и рассказал, как туда пройти. Лева немного ориентировался в этом городе, поэтому взял на себя функции провожатого и смело повел нас по указанному адресу.

Заведение, которое рекомендовал нам станционный смотритель, носило помпезное название «Отель Трефовый король». Надо сказать, игорный бизнес был вообще в Даймондтауне популярен. По дороге к гостинице, а она заняла не более пятнадцати минут, мы насчитали пять казино, шесть игровых салонов, четыре бильярдных, два покерклуба, три префклуба и один – любителей подкидного дурака.

Архитектура города была в основном деревянной, а дома поднимались не выше третьего этажа. Из украшательств мы заметили лишь простенький фонтанчик вдалеке и какие-то уродливые статуи. Несколько позже нам стало известно, что все они работы одного мастера со странной фамилией, простите, запомнил: не то Цинандали, не то Ркацители (не подумайте, что я на кого-либо намекаю). Лично я платил бы таким талантам большие деньги за то, что они могут подобное навалять, но чтоб не ваяли. По стилю мегаполис напоминал вовсе не древнерусский город, а скорее техасский городок середины XIX века, по крайней мере, такими их изображают в голливудских вестернах. Игорные заведения чередовались с питейными, на которых красовались вывески «SALOON» и их двустворчатые входные дверцы распахивались в обе стороны. На улицах этого города белой вороной выглядел бы мужик в лаптях и с балалайкой, тут лучше бы смотрелся негр в клетчатых штанах с банджо. Мне почему-то вспомнились лики похитителей моих друзей с видеозаписи, просмотренной у Бабы-яги: черные шляпы, платки на лицах. Также вспомнились ее слова по поводу русского духа, она оказалась права, им тут явно уже лет двести не пахнет.

В «Трефовом короле» тоже шла игра. Посетители резались в карты, швыряли кости, двигали фишки, звенели монетами, нецензурно бранились и пили вино. В одном углу назревала конфликтная ситуация и, назрев, разрешилась дракой. Подойти к администратору, минуя дерущихся, никак не удавалось. Вольф выстрелил в потолок из моего пистолета, драка временно прекратилась, а когда мы добрались до «рецепшна», завязалась снова.

Мы сняли каждому по отдельному номеру. Обстановка в номере особой роскошью не отличалась. Никелированная кровать с тумбочкой, вешалка, зеркало с умывальником и встроенный стенной шкаф.

Итак, шел седьмой день после нашего переворота в Пасти Дракона, а я до сих пор ничего не знаю ни о моих друзьях, ни о том, как отсюда выбраться. Надо как можно скорее добиваться аудиенции чародея. К нему я и отправился в сопровождении своих новых друзей. Резиденцию нам долго искать не пришлось. Это было чуть ли не единственное в городе каменное строение, по экстерьеру отдаленно напоминающее Капитолий.

В вестибюле, перед приемной Великого Мага, его аудиенции ожидала столь же великая толпа. Что называется, яблоку негде упасть. Занимать очередь бессмысленно. Но у меня был туз в рукаве – серебряный перстень с печаткой, подаренный личным курьером волшебника. Под возмущенные возгласы из очереди, типа «Мужчина, вы куда?» и «Вас тут не стояло!», размахивая этим самым перстнем, я протолкался к дверям приемной. Сначала пришлось поставить им печать на лбу стражника, до того непонятливого, что преградившего путь обладателю столь могучего артефакта. В дополнение я достал из заднего кармана брюк другой артефакт, подарок вождя дикарей, золотой амулет со львом, из-за которого меня чуть не сожрал людоед.

Это сработало как удостоверение полковника КГБ в семидесятые годы минувшего века. Секьюрити услужливо распахнул дверь, пропуская меня к... Бэдбэару? Нет, к секретарю Великого Волшебника. Кабинетик секретаря был так ничего себе – парочка наших офисов в нем бы точно поместилась. Обстановка кабинета состояла из дубового письменного стола, на котором рядом с чернильным прибором и гусиными перьями соседствовала черная печная заслонка. Сама печка тоже имела место быть, так же как и атрибут любой конторы – огромный шкаф с папками и регистрами.

Хозяин кабинета с кем-то беседовал, приложив к уху толстый корявый сучок, как у Бабы-яги.

– ...чили утром голубиную почту из Шема Ханства... Ну да, полный афронт... Да знает, страдает уже, сидит, никого не принимает... Первый дьяк у него, то есть, тьфу, верховный советник... Вот пусть Гапоп и выводит людей на улицы, теперь самое время.

Он поднял взгляд и, кажется, только сейчас заметил меня, поэтому быстро прервал разговор, бросив собеседнику;

– Прости, я после перегужу, пока! Как вы здесь оказались?!

Последняя фраза была адресована мне. Чтобы раньше времени не шокировать секретаря и иметь в кармане козырь, я спрятал туда амулет и предъявил только перстень.

– Откуда это у вас?

– Мне его подарил Эль Гоир, личный курьер Великого Волшебника, Мага и Чародея, Властелина Ночи, Повелителя Алмазной долины Бэдбэара, – слава Богу, не сбился, выговаривая эту тираду. – Я и мои друзья оказали ему небольшую услугу.

– Какого рода?

– Вернули ему шкатулку, кулон, ожерелье и вот этот самый перстень, отнятые грабителями.

Секретарь профессионально сдерживал любого рода эмоции, но, тем не менее, мне показалось, что мои слова его немного раздосадовали.

– Вы чужестранец?

– Да.

– Что вы хотите?

– Аудиенции Великого...

Он жестом остановил меня, написал что-то на клочке пергамента и протянул мне.

– Вот вам пропуск. Завтра после двенадцати Великий Волшебник, Маг и Чародей примет вас. Не опаздывайте.

– После двенадцати – понятие растяжимое...

– Я сказал, не опаздывайте!

Понятно. Мне надо будет явиться сюда с самого с ранья и торчать до позднего вечера с той стороны двери, где духота, где злой стражник и не меньше тысячи раздраженных посетителей. Такая перспектива меня не очень радовала, поэтому я достал из кармана амулет с золотым львом, и поиграл им перед глазами секретаря. Секретарь, как хамелеон, три раза поменял окраску своего лица – побелел, покраснел и, наконец, позеленел.

– Обождите, – произнес он плохо слушающимся голосом и исчез в двери, совершенно неразличимой в стене.

Интересно, и как долго мне предстоит ждать? Может быть, этот секретарь с перепугу перенесся в другое измерение и не собирается оттуда возвращаться. А я тут один, в огромном пустом кабинете, а за стеной злая очередь, и завтра мне снова предстоит с ней встречаться...

А все-таки, на самом ли деле сей амулет так всемогущ? И почему он вызывает в людях такую неадекватную реакцию? Может, я держу в руках волшебную палочку, ключ ко всем загадкам и тайнам, в котором и есть мое спасение? Я взмахнул амулетом и произнес:

– Хочу оказаться вместе со своими друзьями у себя дома и в своем времени!

Но ничего не произошло. Впрочем, произошло. Распахнулась замаскированная в стене дверь, и секретарь сделал приглашающий жест рукой. Я шагнул в проем и оказался в просторном светлом помещении. В кресле у камина сидел человек лет пятидесяти с остатками седенькой шевелюры на почти лысой голове, внешне напоминающий артиста Броневого в роли Мюллера (а также барельеф на долбоне). Рядом с ним стоял высокий сутулый господин средних лет, горбоносый и с хитрым лисьим взглядом.

– Come here, my friend! – произнес «Мюллер» неожиданно громко, раскатисто и довольно пафосно. – My name is Badbeer, and who are you?

Значит, это Бэдбээр и есть. Господи, не хватало еще балакать с ним по-английски!

– Искьюз ми, сэр! – сказал я, стараясь как можно тщательнее скрыть тамбовско-рязанский выговор. – Ду ю спик рашн?

– Конечно, конечно, мой друг! – проговорил он с легким акцентом и поднялся с кресла. – Мой секретарь доложил, что вы иноземец, я сначала подумал, может вы мой сооте..., э... мнэ..., не мой подданный.

– Я действительно иноземец и не ваш подданный, но мой народ, там, где я живу, говорит по-русски.

Он жестом указал на обширный, как облако, белый кожаный диван, и мы оба наполовину утонули в нем. Чародей с хрустом размял пальцы и взглядом предложил сутулому лису присесть в небольшое кресло поодаль.

– Итак, мой друг, – обратился он ко мне, переходя на «ты». – Расскажи, кто ты, откуда, зачем пожаловал?

Я кратко, опуская подробности, поведал ему все, произошедшее со мной за последние шесть дней. Не забыл по случаю обмолвиться и о проблемах моих новых товарищей. Маг переглянулся с хитрым помощником, или кто он там, я не знаю, и повернулся ко мне:

– Оч-чень занятная история! Ты прав, помочь твоим новым спутникам совсем не сложно, скажу честно, они и самостоятельно способны решить свои проблемы. Но вот как вызволить твоих старых друзей, занесенных сюда вместе с тобой из другого мира?! Ты, кстати, уверен, что их похитил Кошей?

– По крайней мере, в этом меня убедили более опытные товарищи. Да и вы, как великий маг, наверно в курсе, что творится на подконтрольной вам территории.

Чародей, похоже, смутился, а сутулый лис зло сверкнул хитрыми глазенками.

– Да, да, конечно... – пафосный тон понемногу улетучивался из его манеры разговора. – Я в курсе всего, что творится. Хе-хе. Скажи, мой друг, на что ты готов ради спасения своих товарищей?

– На всё!

– Очень хорошо. Весьма похвально. Хе-хе. У тебя, по моим сведениям, есть амулет Золотого Льва. Тебе его подарили или ты его ук... э... нашел?

– Мне его подарил вождь племени Туа-тао.

– Ты знаешь его силу? Можешь ею воспользоваться?

– Если честно, то не совсем.

Что-то изменилось у мага в лице, как будто отпустила головная боль. Хитрый лис сверкнул глазками и ухмыльнулся. Зря я сознался. Но что поделаешь, лукавить я не умею, и это частенько работает против меня.

– Это хорошо... (пауза). Для тебя! Хе-хе. Ладно. Мне надо подумать. Подожди в приемной.

Распахнулась скрытая дверь, я вышел. Ждал я примерно полчаса. Очень любопытно было бы узнать, что происходит в кабинете Бэдбэара, но стены совершенно не пропускали звук, да и секретарь не спускал с меня пристального взгляда. Наконец раздался громовой голос, как из хриплого мегафона:

«Заходи, чужестранец!»

– Задача перед тобой стоит непростая, – чародей снова указал мне жестом на диван-облако, а когда мы уселись, продолжил: – Но выполнимая. Тебе предстоит победить Кощея, а это почти невозможно. Немало храбрецов сложило буйну голову на этом поприще. Но есть один шанс, и я помогу тебе, ведь это мой долг. На твою долю выпала не просто миссия, ты совершишь подвиг. И этим ты решишь не только свои проблемы, главное – ты избавишь мир от тирана и освободишь от гнета тоталитаризма большой народ, а заодно спасешь своих друзей. Но для начала тебе предстоит выполнить три моих поручения. Это важное условие для осуществления предстоящей миссии. Первое...

Он выдержал паузу и посверлил меня глазами. Лис ухмыльнулся и отвел взгляд.

– Первое – надо сорвать два яблока с двух древ из садов Хой Ёхэ. Второе, – опять пауза, – достать прибор 1207 из секретной лаборатории НИИКоГО. И третье...

Теперь он просто замялся. И даже немного смутился. Хитрый лис зыркнул на шефа, как бы пытаясь подбодрить его взглядом.

– Третье. Необходимо пленить царевну Шема Ханства, – наконец выдавил из себя Бэдбэар.

– И с этими артефактами я пойду на Кощея?

– Нет, все эти *артефакты* ты доставишь сюда. После этого я дам тебе подробные инструкции, как победить Кощея.

– Простите, сэр, но как я все это добуду? Я же не агент 007!

– Я уверен, ты справишься. Потом у тебя есть стимул, тебе надо освободить друзей и вернуться вместе с ними на родину, разве я не прав? Хе-хе.

– Вы абсолютно правы. Хорошо, только мне необходима подробная карта местности и... э... командировочные.

– Получишь у секретаря, я дам распоряжение. Еще вопросы есть?

– Да, есть. То есть, нет.

Как всегда, когда начинают брать нахрапом, все вопросы вылетают из головы, И начальство, как правило, этим пользуется.

– Отлично, тогда подписываем контракт.

– Зачем это? Вы считаете, я смогу вас надуть?

– Я считаю: раз, два, три... Ясно? Надуть ты меня не сможешь, но уверен ли ты, что я не надую тебя? Хе-хе... Шутка.

В углу помещения стояла уже знакомая мне печь-компьютер. Бэдбэар подошел к ней, выдвинул фортепианную клавиатуру и вдарил по клавишам.

– Это быстро, – говорил он, печатая. – «Рыба» у меня уже заготовлена, надо только вписать имена. Звать-то тебя как?

Через пару минут печка выплюнула лист пергамента, содержащего текст типового договора: «Мы, нижеподписавшиеся, Великий Волшебник, Маг и Чародей, Властелин ночи, повелитель Алмазной долины Бэдбэар с одной стороны и турист, прибывший из другого мира, Горячев Иван Андреевич...» и так далее. После множества шаблонных фраз был сформули-

рован смысл, заключающийся в том, что в случае выполнения контракта он дает мне наводку на Кощея и, как только я освобождаю ребят, открывает портал, а я дарю ему амулет Золотого Льва. В случае невыполнения меня ждет смертная казнь.

– Не слишком ли жесткие условия? Задача у меня и так не из легких. Ну не достану я эти яблоки или там самогонный аппарат из этого НИИ, казнить-то за что?

– А я не настаиваю. Можешь отказаться и не подписывать. Но тогда мы простимся с тобой навсегда, и на мою помощь не рассчитывай.

– Ладно, – согласился я и взял из рук Хитрого Лиса гусиное перо, уже макнутое в чернила. – А второй экземпляр?

– Зачем? Ну зачем тебе таскать в дальнюю дорогу еще и бумагу? Порвешь или потеряешь. Пусть лежит у меня, так надежнее. Ведь все равно я тебя буду казнить, а не ты меня. Хе-хе. Шутка. Ступай к секретарю, он даст тебе карту и семь золотых долбонов.

– Маловато будет, – решил я хоть здесь поторговаться, – добавить надо бы. Вдруг там подкупить кого, или штраф заплатить. Да и вообще, за вредность.

– За твою вредность? Хе-хе. Шутка. Хорошо, и еще тридцать серебряных ендриков.

– Благодарю.

Я повернулся, но за спиной опять прозвучал голос волшебника, причем довольно властной интонации:

– Попрошу еще немного задержаться. Значит так, амулет Золотого Льва оставь здесь. Хе-хе. Целее будет, – он распахнул встроенный в стену сейф.

– Мы же контракт подписали, там написано, что в конце...

– А я не прошу его подарить, только оставить на хранение. В твоих же интересах. Хе-хе!

В конце концов, припомнив встречу с людоедом, я подумал, что действительно, от этого амулета одни неприятности. Все равно, я не знаю ни его волшебных свойств, ни как их использовать...

– Сады Хой Ёхэ – это как бы на восток, – пояснил нам Лешек, когда мы все вместе собрались в моем номере. – Что-то мне бабка про них рассказывала. Есть там фруктовые деревья и их стережет змея.

– А Шема Ханство на юге, – Лева ткнул пальцем в разложенную на койке карту. – Я знаю туда короткую дорогу. Основной путь – Северным трактом, он накатанный и широкий, но зато очень длинный. А кто спешит, через наше Николаево ездит, дорога короткая, но плохая. А я знаю прямой путь, он вполтину короче. Это как раз через долину, где водятся безвздоховые одноруки.

– А НИИКоГО на севере, – сообщил Вольф. – На окраине небольшого городка, на границе с Кощеевым царством.

– В общем, дело ясное, что дело темное, – подвел я итог. – Кстати, а как расшифровывается НИИКоГО?

– Научно-исследовательский институт колдовства, оккультизма и магии.

– Ясно. Ну что ж, пойду, куплю что-нибудь похавать в дорогу, да двинусь в путь. Юг, север, восток...

– Двинемся! – поправил меня Лешек. – Ты что, думаешь, мы тебя как бы бросим?

– Я не могу вас принуждать. Вы уже пришли, куда хотели и найдете здесь то, что вам нужно. Зачем вам тратить время и рисковать?

– Нет, это не по-людски, – решительно заявил Вольф. – В беде товарищей не бросают. Мы поможем тебе в твоём деле или погибнем вместе с тобой.

– Поможем, – подтвердил Лев.

Мы закупили на местном рынке необходимый провиант и разную мелочь в дорогу. У одного барахольщика мне приглянулась замечательная антикварная подзорная труба. В медном корпусе, раскладная, просто загляденье. Я не удержался и купил ее.

Вернувшись в трактир, мы решили пообедать. В зале хрипло играл допотопный фонограф. Почти все столики оказались занятыми, только за одним одиноко сидел капитан местной гвардии и в задумчивости разглядывал пустой стакан.

– Разрешите? – спросил я.

– Садитесь, – ответил он угрюмо.

Мы заказали еды и выпивки на пятерых.

– Кого-то еще ждете?

– Нет. Но вы разве нам компанию не составите?

– Угощаете?

– Чего б не угостить хорошего человека!

Капитан сразу повеселел, и жажда общения стала прорываться наружу.

– Что, жалование задерживают? – сочувственно спросил Лева.

– Какой там задерживают, полгода уже не платили. И за что только кровь проливали! А ежели военному не платить, чем он тогда жив будет? Только вот продажей трофеев и живем, да уж почти все распродали. Кстати, сапоги не нужны? Скороходы. Почти новые, всего пятьсот верст пробег. Каблуки целые, подметки не стоптаны, набойки еще родные, супинаторы отрегулированы, все как положено. Полтора целковых прошу.

– Возьмем обязательно, – согласился я. – За рупь.

– Ладно, уступаю. Только бутылочку тридевятского красного в придачу.

– Слушай, а не знаешь ли, где коврик-самолетик по дешевке раздобыть? – спросил Вольф.

– А зачем вам? Тут ведь все равно нигде не полетаешь.

– Да мы, понимаешь, в дорогу дальнюю собираемся. Там пригодится.

– Понял, вопросов нет. Могу посодействовать. За два целковых сторгуемся. Триста часов налет, но они и по тысяче летают. Шемаханского производства.

– Отлично, дай адресочек.

– Да ладно, вот отобедаем и провожу. Давайте выпьем за вас, добрые люди, не буду спрашивать, кто вы и что затеваете, но пусть вам улыбнется удача!

– Спасибо, друг, – сказал Лева.

Мы чокнулись, выпили и приступили к еде.

– С кем же это вы всё воюете? – спросил я.

– Да с кем, а то не знаешь.

– Я приезжий.

– А-а! Дык то с тридевятым на западе, то с тридесатым на востоке. А скоро, слухи идут, на Шема Ханство двинем. Как только зарплату выдадут, считай на следующий день в поход. А там, глядишь, и за Сине-море подадимся. Вот флот достроим в Тридесатской провинции и, как говорится, прощай, любимый город...

– И зачем все это?

– Как зачем? Политика... Оно ж как, надо помогать братским народам развивать дело свободы и народовластия и сметать тоталитарные режимы на благо людей и нелюдей. А всем миром потом и Кощея одолеем, тогда в свободном обществе заживем сыто, богато и счастливо...

– А в провинции, между прочим, поговаривают, что тут, в Алмазной Долине, и так народ живет, скажем, не бедно.

– Какой там! Вранье все это. Есть, конечно, кучка богатеев, они и жируют. А у простого человека, если и заведется в кармане медный грошик, так вон там, за столиком он его и проигрывает. Или пропьет.

– Ну что ж, – подытожил беседу Лева, поскольку наша трапеза была практически завершена. – Ты извини, капитан, нам еще в путь собираться. Отведи-ка нас за ковром, за сапогами, а то правда, дел полно.

Капитан повел нас через центр города к другой его окраине. Мы прошли мимо «Капитолия», то бишь, резиденции великого и могучего, мимо фонтана и статуи конкистадора в шлеме, стоящего на груди костей каких-то животных. Оказывается, в городе существовало еще одно каменное здание. Оно открылось нам в следующем переулке. К нему вела широкая длинная лестница, а само строение украшала колоннада с атлантами.

– Университет, однако, – уважительно произнес Лешек.

На ступенях лестницы митинговали студенты, одни выступали, другие кричали, третьи размахивали транспарантами. Им оппонировала горстка пожилых, но весьма агрессивно настроенных граждан, назревала конфликтная ситуация.

– Чего они хотят? – спросил я.

– Молодежь требует прекратить экспансию, – ответил капитан, – разоружиться и ввести в стране коллегиальное правление на выборной основе.

– А те, что с ними спорят?

– А это монархисты. Хотят, чтобы царь из-за Синя моря вернулся, снова правил. Царь-то ушел, а законных престолонаследников нету. Вернее, была у царя дочь, но она за простолюдина замуж вышла, и он от нее отсекся. Так не выбирать же его, царя-то!

– А вашего этого, великого волшебника они не боятся? Вряд ли он такую крамолу одобряет.

– Боятся. Но у них покровители есть, у студентов-то. Ежели кого в кутузку кинут – вызволят, выкупят. Вона, пастора Гапопа, что у них заводила, так того каждый месяц, считай, сажают, а после выпускают. А коли отмутузят – за моральный вред еще и компенсацию получают. Молодежь, что с них взять. А монархисты, так это борцы за идею. Старая гвардия, им все нипочем.

– А ты сам кому симпатизируешь?

– А мы люди служивые, наше дело приказы выполнять.

Мы повернули за угол. Нам навстречу промчался отряд всадников в латах, вооруженных нагайками и палицами.

– А вот и стражники, полицаи то бишь, – проводил их взглядом капитан. – Разгонять смутьянов сейчас будут.

Наш провожатый жил в ветхой избе с женой и тремя ребятишками. В дом заходить мы не стали. Капитан слезил на чердак и достал оттуда безразмерные кирзовые сапоги и побитый молью ковер. Все это я засунул в предусмотрительно захваченный из гостиницы пустой рюкзак. Отдавая за все это богатство три рубля золотом, я пришел к выводу, что деньги эти выбрасываю.

– Отчего ж долбонами-то не берешь? – спросил я хозяина.

Капитан поморщился.

– А ну их к долбаной матери, рупь, он надежнее!

* * *

– Да, – произнес я в задумчивости, когда мы возвращались обратно. – Не ладно что-то в Датском королевстве.

– Послушайте, ребята, – сказал Лева, – яблоки там, секретный прибор – еще куда ни шло, а вот это дело, с похищением Шема Ханской царевны, что-то уж больно...

– Боишься, отваливай хоть сейчас! – резко оборвал его Лешек.

– Да я не в этом смысле, я просто...

– Может вообще, – перебил Лешек, – доставим сюда эту царевну, и войны никакой не будет.

– Скорее наоборот, – возразил Вольф. – Похищение инфанты спровоцирует акт возмездия со стороны Шема Ханства.

– Послушайте, – вдруг вспомнил я. – Когда я ворвался в приемную, секретарь беседовал с кем-то по телефону...

– По дальнослову?

– По дальнослову, да. И я уловил что-то там про Шема Ханство и полный афронт. Я понял, с какой миссией ехал встреченный нами курьер: кольцо и браслет в шкатулке предназначались в подарок царевне. Похоже, старый балбес... Простите, Великий Маг и Чародей собирався свататься, а она ему отказала. Теперь он хочет применить насилие, используя меня... то есть, нас.

– Ладно, – махнул рукой Вольф. – В конце концов, чему быть, того не миновать. Доставим ему эту принцессу, пусть сам разбирается с ней, с ее папашей, с ее страной и международным скандалом...

– Ой, смотрите, – заметил Лева. – Сколько народу! Что-то там происходит. Опять митинг?

– Давайте позырим, – предложил Лешек.

Вдоль дороги тянулся обширный пустырь, на котором собралась немалая толпа зевак. Они обсуждали что-то, размахивали руками и, даже, заключали пари. До нас доносились обрывки фраз:

– Емеля... полетит...

– Аки птица?

– Не-а, не полетит!

– А откуда знаешь?

– Уж больно махокрыл не видный какой-то...

– Зато легкий!

– Ну и что, что легкий? Рассыплется...

– Не рассыплется, веревки крепкие...

Подойдя ближе, мы увидели конструкцию, напоминающую аэроплан братьев Райт или что-то в этом роде. Такие часто показывают в кадрах кинохроники про начало эры авиации. Пилот, он же, видимо, и конструктор, был одет в кожаный костюм, а на голове его блестел медный гладиаторский шлем. Он завершал последние предполетные приготовления – подтягивал веревочки, тяги, проверял крепежи и отгонял зевак подальше от аппарата. Когда приготовления были закончены, пилот уселся в сей механизм, перекрестился и дернул рычаг. Аппарат захлопал крыльями и оторвался от земли, что вызвало взрыв восторга одной половины толпы и унылое разочарование другой. Зато эта другая половина злорадно загудела, когда на высоте пяти-шести метров аппарат прекратил набор высоты и начал разваливаться. На землю посыпались обломки, заваливая собой уже достигшего земли незадачливого авиатора. Из толпы донеслись возгласы:

– Убился Емеля!

– Это судьба. Не может человек летать, аки птица.

– А метла? А ковер-самолет?

– Так то ж магия! Это совсем другое дело!

– Крепче строить надо, тогда не развалится!

– Дык тады и не взлетит из-за тяжести...

– Тут тебе не хухры-мухры, точный расчет нужен...

Почему-то развитие воздухоплавания заботило зевак больше, чем судьба самого воздухоплателя. Пробравшись сквозь толпу до груды обломков, я стал отбрасывать в сторону лонжероны, элероны и обрывки перкаля. Мои товарищи активно помогали мне в этом деле.

Хорошо, что при мне был мой рюкзак, который я прихватил для транспортировки наших приобретений, потому что под клапаном его покоилась наша походная аптечка, весьма удачно не оставленная мной в номере вместе с другими вещами. Я привел Емелю в чувство нашатырем, обработал кровоточащие раны перекисью водорода и йодом, крупные перевязал, мелкие залепил пластырем.

– Ты лекарь? – отойдя немного от шока, пилот попытался сфокусировать взгляд на моем лице:

– Вообще-то нет. Я только оказал вам первую помощь.

– Спасибо, – произнес он. И учтиво добавил: – Я очень признателен.

Толпа практически разошлась. Только два пацаненка бегали вокруг и выкрикивали дразнилки типа: «А наш дядя Емельян был сегодня слишком пьян!». Лешек цыкнул на них, и пацаны испарились. Емеля собрал в кучу обломки своего аппарата и попытался взвалить их на себя.

– Не парься, дай помогу, – предложил свои услуги Лешек.

По примеру Лешака мы все вызвались помочь незадачливому авиатору.

– Куда нести-то?

– Да вон, рядом. Туда, за поле.

Пройдя пустырь, мы оказались на подворье, обнесенном дощатым забором. Это был крайний двор небольшой пригородной деревушки. В сарае, куда мы внесли обломки, располагалась вполне прилично оборудованная мастерская. Тут был верстак, тиски большие и малые, точило, токарный и сверлильный станочек с ножным приводом как у швейной машинки. Емеля пожал нам руки и осыпал благодарностями с ног до головы. Мы уже собрались откланяться, но он остановил нас:

– Послушайте, господа, у меня есть прекрасное заморское вино. Не сочтите за дерзость предложить вам пропустить со мной по стаканчику.

Я хотел со столь же изысканной вежливостью отказаться, сославшись на занятость и отсутствие времени, но Вольф опередил меня, приняв предложение.

– Отчего бы ни выпить вина с хорошим человеком!

Емеля потянулся к шкафчику над верстаком. Я подумал, он достанет оттуда бутылку, мы выпьем прямо тут и разойдемся, но Емеля достал не бутылку, а одежную щетку. Приведя в порядок свой кожаный прикид и повесив на гвоздик гладиаторский шлем, он пригласил нас пройти в избу.

Глава 9. ИСТОРИЯ ЕМЕЛИ

С крыльца навстречу Емеле кинулась моложавая женщина неопределенного возраста с распущенными волосами.

– Убился! Покалечился! Горюшко ты мое! Говорила, и мне надо было идти с тобой, почему не позволил? – заголосила она, бросаясь Емеле на шею.

– Потому, Марьюшка, что я тиран, деспот и самодур, – ответил он, обнимая жену. – Чего расстроилась, ничего же не случилось! Ну, довольно реветь, стыдно же перед гостями. Собери-ка нам на стол лучше.

Похоже, только сейчас Марьюшка заметила нас.

– Ой, простите, люди добрые! – она смутилась и быстро скрылась в избе.

Емеля проводил нас в горницу, где мы уселись за широкий дубовый стол. С печки за нами с интересом наблюдали две пары любопытных глаз. Глаза принадлежали двум девчонкам,

очевидно близняшкам, октябрытского возраста. Лешек соорудил им рожу и глаза спрятались в дальнем углу.

– Чего испугались, дурахи? – пристыдил их Емеля. – Дядя пошутил, он добрый.

Мордашки снова показались из темноты, но пойти на контакт пока не решались. Вошла Марьюшка, уже в повойнике.

– Это наши младшие, – пояснила она, – Муська и Дуська. Покамест тушуются. Ничего, пообвыкнут, прибегут, еще не отвяжутся. А старшой наш, Степан, в университете еще, допоздна учится.

На столе в мгновение ока появились картошка с грибами, моченые яблоки, домашняя колбаса, сало и кувшин с вином.

– На мага учиться? – поинтересовался Лешек.

– Не, он у нас прагматик, – ответил Емеля. – По коммерческой части. Ни механиком не захотел стать, ни чародеем... А Марьюшка моя знаете кто?

– Ой, да прекрати, Емеля, – хозяйка опустила глаза и залилась румянцем.

– Да ладно, чего там, все свои. Царевна она у меня, так-то вот. Бывшая только. А вообще, царская дочь, правда-правда.

Вино и впрямь оказалось отменным. Мы выпили за знакомство, за хозяйку-царевну, за хозяина-изобретателя.

– Скажи, Емеля, – спросил я, – зачем тебе понадобилось строить махолёт? Это же тупиковый путь развития авиации.

– Вы, как я погляжу, люди приезжие, судя по одежке, по выговору, да еще потому, что помочь мне взялись. Многого, наверно, из тутошних дел не знаете.

– Не знаем, – подтвердил я. – Но очень хотели бы знать.

– То длинная история, долго рассказывать.

– А мы не торопимся. Если только вас стесняем, так можно и в сарай... То есть в мастерскую перебраться.

– Ничего-ничего, – поспешила заверить Марьюшка. – Мы гостям всегда рады, а уж Емеле-то выговориться ох как хочется.

Мы пропустили еще по стаканчику чудесного вина и устали на Емелю. Тот побряхтел немного, собрался с мыслями и начал свой рассказ.

– Поймал я раз в проруби щуку. Совершенно случайно. Черпанул ведром, а она – вот она, из ведра выпрыгнула, здоровая, однако, на льду трепыхается, а в прорубь назад попасть не может.

– Ну и что мне, – говорю, – с тобой прикажешь делать? На сковородку кинуть? Или в суп? А она молчит, как рыба об лед, хвостом только тук, да тук.

– Ладно, уж, – говорю, – ступай себе с Богом. Не стану из тебя уху варить, да и пост к тому же нонче. А у тебя, небось, шурята малые.

Взял ее на руки и отпустил в прорубь. Подхватил я ведра с водой, иду домой и словно слышу голос в голове:

– За то, что пожалел ты меня, Емеля, отплачу я тебе сторицей. Я ведь не простая щука, волшебная...

– Ага, – перебил я рассказчика. – Скажи только «по щучьему велению», и любое желание твое исполнится...

– Не мешай, – осадил меня Вольф. – Что дальше-то?

Лешек и Лева слушали, разинув рты, Марьюшка умиленно улыбалась две пары глаз на печке осмелели и светились лукавым блеском.

– Ну вот, – продолжал Емеля, – Я тебя, говорит, уму-разуму научить смогу. Когда, говорит, разум есть, да руки умелые, любые чудеса можно творить. Короче, я, мол, буду твой ум, а ты – мои руки.

– О'кей, – отвечаю, – в смысле, согласен

Иду, значит, я с ведрами к избе, тропинка скользкая, ведра тяжелые, вот и думаю, как бы так сделать, чтобы вода в дом сама шла. И слышу в голове голос: «А вода-то, она сверху вниз бежит. Ежели большущую бочку наверху выше всех домов поставить, а в нее такой машиной специальной, навроде водяной мельницы, воду из реки накачивать, так уж оттуда по желобам можно воду в каждый дом пустить». Собрались мы с мужиками, репу почесали, обсудили, деньгами скинулись, заказали у гномов такую бочку, да трубы железные. Так вот у нас в деревне водопровод и появился.

А потом смотрю я как самовар закипает, из него такая струя пара свищет, крышку поднимает! А щука мне и нашептывает: «Так ведь этот пар можно и работать заставить!». Вот и паровая машина сочинилась. Печеход мы ее прозвали, потому как на печь вельми смахивает. С полей зерно на ней возили, да в плуг запрягали, молотить ее заставили. А потом пилу еще к такой машине приделали, вручную дров-то не напилишься, а зимы у нас ух какие студеные!

А государство в ту пору было у нас ма-а-аленькое, феодальненькое. И правил тогда нами царь Колян Второй, отец Марьюшкин. Прознал, значит, царь про чудеса в нашей деревне и повелел мне к нему явиться. Ну, я сажусь на печеход, в ту пору мы без рельсов, так, по земле на них ездили, и подруливаю на царский двор. Тут-то мы с Марьюшкой впервые увиделись и сразу друг друга полюбили.

Марьюшка опять слегка зарумянилась.

– Да ну тебя, Емеля. Гостям такие подробности совсем не интересны.

С печки спрыгнула не то Муська, не то Дуська. Лешек показал ей козу.

– А я не боюсь, – заявила Муська и устроилась у Лешека на коленях.

Спрыгнувшая следом за сестрой с печи Дуська облюбовала колени Вольфа, предварительно поинтересовавшись:

– А ты правда можешь в волка превратиться?

– Угу, – честно признался Вольф. – А у тебя есть красная шапочка?

– Есть! Только сейчас не превращайся, ладно?

– Ладно. Я потом, когда с пирогами к бабушке пойдешь.

– У царя, понятно, свои тараканы в голове, – Емеля продолжал свой рассказ. – Война, говорит, скоро. А наши пушки стреляют медленно и не метко. И заряжать их тяжело. Коли придумаешь, как пушки скорострельными сделать, озолочу, министром сделаю. Тут мне щука в голове подсказывает: «Ежели, мол, порох и ядра не в дуло класть, а наделать снарядов заранее, да через казенную часть их заряжать, то скорость стрельбы не в пример выше станет. А ежели еще и прицел соорудить, то и меткость повысится». Короче, сделал я, как щука велела, и артиллерия наша сразу мощнее стала. И еще одну штуку придумали: печеход мы железом огородили от стрел вражеских, да от пуль и пушке на него поставили.

– Так это танк, что ли? – догадался я.

– Во-во. По-нашему короб. Короче, к войне мы были готовы во всеоружии, и когда заморский принц попер на нас, мы теснили его только так. А потом, когда принц уже был готов к капитуляции, уж не знаю, какая Коляну Второму блажь в голову стукнула, да только начал он вести сепаратные переговоры о перемирии. Да ладно бы так, он еще перемирия ради и Марьюшку заморскому принцу в жены пообещал отдать, словно контрибуцию какую.

– Не выражайся, пожалуйста, – опять залились краской Марьюшка.

– А что я такого сказал? Вот и пойми ж ты! Словно блоха его какая укусила. Ну, этого мы стерпеть не могли, и весь народ тоже заволновался. Короче, бунт начался. Боярская дума всю ночь в царских палатах просидела, якобы решали, как государство спасти. А сами взаперти

там квасили! Царя-батюшку в башню под арест посадили, а Марьюшке главный воевода помог бежать, мы с ней на лесной заимке схоронились. Наутро царь от престола отрекся и тайно бежал в Заморское королевство. А боярская дума самораспустилась, и началась в нашем уже не царстве, а непонятном государстве жуткая анархия. Дьяк Милюка тогда призывал ему временные полномочия на власть дать.

А мы с Марьюшкой зажили здесь, в этой избе. Нам царские хоромы, да слуги без надобности, водопровод есть, сортир, я извиняюсь, теплый. Щука подсказала, как механизм сделать, чтоб белье само стиралось. И вдруг, как снег на голову, появился этот Бэдбэар...

– Великий волшебник, маг и чародей... – начал перечислять Лева.

– Да брось ты, нет у нас жуков-тараканов.

– А как были бы? – любопытствовал я.

– О, видать ты не местный. Жуки-то, они не простые бывают, обученные. Они все слышат, все запоминают. У них в жо.. э... в зад есть, как бы это сказать...

– Флешка? – подсказал я.

– Вроде того. Запоминалка. Посидит он, жучок, тута, а потом летит прямо в канцелярию Бэдбэара и садится там на чудо-печь. И печь рассказывает все, что этот жучок видел-слышал, кто какую крамолу говорил.

– А чудо-печь тоже вы со щукой придумали?

– Не, это тролли. Они секрет знают, как делать чипы. Ни я, ни щука никак не допрем, в чем там фишка.

– Они выращивают биоорганическую культуру по планарно-нейрорефлекторной технологии, получается квазивитафибросгусток со свойствами логических элементов, запоминающих, либо арифметических устройств. Потом надо, чтобы на этот сгусток посмотрел василиск, сгусток каменеет и получается чип, в зависимости от функционального назначения может иметь размеры от кирпича до макового зернышка, – выпалил Лешек.

Мы, разинув рты, не перебивая, выслушали эту тираду обычно немногословного и косноязычного Лешака. Яга была права, в чипах он разбирается.

– Тролли – очень обособленный народ, – продолжил Емеля. – Одни из немногих, они еще остались непокоренными. Если бы не секрет чипов, их бы давно поработили или уничтожили. А так с ними приходится считаться, и Бэдбэар пока их не трогает, несмотря на то, что у них правит король, то есть монарх, и совсем нет свободы и народовластия.

Так вот, появился этот Бэдбэар. Говорят, он прилетел на огненном шаре и опустился прямо аккуратно во дворе царского терема. И хоть мы уже, почитай, без малого тысячу лет не верим в древних языческих богов, народ заговорил, что это Ярилов посланник снизошел с небес. Короче, Бэдбэар быстренько приложил палец к носу и подобрал то, что плохо лежало – власть в нашем государстве.

– И давно это случилось, – поинтересовался я.

– Двадцать пять лет, как минуло. Ну да, в этом году у нас с Марьюшкой серебряная свадьба, а все в тот год и случилось. А незадолго до того молва твердила, сойдет, значит, с неба получеловек, полубог и станет самым могущественным вершителем судеб людских, великим магом и чародеем станет.

– И стал?

– Почти. Он ввел свои порядки, развел канцелярщину и бюрократию, окружил себя серыми дьяками и этими, как их, секретарями. Он обюрократил всё! Придумал это, как его... Патентное бюро. Теперь все, что появляется в мире из научных открытий и изобретений – все должно вноситься в книгу патентов. Да вот беда: и славу, и деньги получает не тот, кто какую штуку выдумал, аль сделал, а тот, кто первый в книгу записался. Вот и получается, что печеход придумали не мы со щукой, а какой-то Стивич, а дальнослов якобы изобрел некий

Эдич, хотя я доподлинно знаю, что этот Эдич только в трубку алёкать изобрел, а дальнослов один леший выдумал.

– Я – леший, – сказал Лешек.

– Я знаю, что ты леший, – согласился Емеля.

Через минуту до него дошло.

– Ты?! Тот самый леший?!

– Ну да! Вот он, дальнослов-то, один из первых.

Лешек достал из кармана штанов корявый сучок.

– Могу тебе погудеть, могу еще куда.

Емеля долго тряс Лешеку руку и приговаривал:

– Рад, рад, очень рад! Не думал, что вот так вот, за этим вот столом... За это выпить надо! – и наполнил из кувшина наши кружки.

– Ну и вот, – продолжал он после небольшой паузы. – Стал он нами править, Бэдбэар-то. Первым делом, где огнем, где хитростью, подмял под себя все окрестные царства. Обозвал эти земли Алмазной Долиной, а себя – ее Повелителем. Потом принялся за покорение дальних государств. Говорил, что это святое дело, что мы приносим и людям, и нелюдям счастье, свободу и народовластие, что скоро все мы заживем богато и счастливо. Кое-кто, конечно, погрел на этом руки, но в целом мало что изменилось, только богатые стали еще богаче, а бедные – беднее. Непокоренными сейчас остались тролли, Шема Ханство, Кошеево царство и Заморское королевство. Троллей он не трогает, потому что они тогда уничтожат секрет своей умной техники. Кощей силен, он ему просто не по зубам. Заморское королевство далеко. А на Шема Ханство он зубы точит. Будет еще одна провинция Алмазной Долины.

– Кстати, а почему долина Алмазная? Я что-то тут ни одного алмаза и не видел.

– Все алмазы в подвалах у Бэдбэара. Вы с какой стороны прибыли?

– С восточной.

– Видели горы, там, вдалеке, на северо-востоке?

– Ну, видели.

– Там живут гномы. Они добывают руду, плавят железо и медь. Там же и заводы, где делают стальные слуги, отливают пушки, собирают печеходы и короба. А главное – добывают и гранят алмазы. Потом их с большими предосторожностями под охраной переправляют во дворец Бэдбэара. Этой зимой было одно дерзкое нападение на поезд, в котором везли алмазы, перебили охрану и украли целых два мешка! Там же, на месте преступления, нашли и трупы троих бандитов, кто-то из шайки застрелил товарищей и скрылся. Так его и не нашли. А то, что мы тут, в Долине, все в алмазах купаемся, это элементарное запудривание мозгов провинциалам и народам потенциальных противников, чтоб сдавались легче.

– Ясно. Но ты так и не рассказал, для чего махолет строил.

– Махолет-то? Я ж человек подневольный. На службе я государственной, механиком у Бэдбэара. Потребовались ему, значит, палубные летательные аппараты. Чтоб с корабля взлетать могли. Строит он сейчас корабль огромный для похода на Заморское королевство. Такой огромный, что целый город на нем поселить можно. И нужны ему на том корабле самолеты-разведчики.

– Так метла и антиграв, чего проще-то! – удивился Лешек.

– Нет, правителю надо, чтоб аппарат этот летал автономно и без всякой магии. И потом, ни в жисть Кощей ему секрет антиграва не продаст. А нам со шукой тот секрет разгадать не по силам, тут ведь магия. Вот и приходится изобретать велосипед... То есть махолет. Конечно, можно пойти другим путем, не аки птица аппарат делать, а типа ветряную мельницу положить на спину, лопасти раскрутить ей, она и полетит.

– В нашем мире, откуда я попал к вам сюда, такая штукавина есть, и она летает. Вертолет называется, – пояснил я.

– Seriously? Жаль, я думал, что первый додумался до этой идеи. Только у меня пока нет движителя, который бы эти лопасти крутил. Руками крутить замумукаешься. Паровая машина не подходит, тяжела больно. Ну, да что-нибудь придумаю. Идеи уже есть. Можно движитель сделать с пламенем внутри. Я уж и гномам заказал...

Дверь в избу отворилась, и вошел высокий молодой парень, лет восемнадцати, с огромным фингалом под левым глазом.

– А вот и Степа, наш старшенький, – представила его Марьюшка. – А что у тебя с глазом, сынок?

– Как чего, – ответил за Степу Емеля. – Опять митинговал, наверно.

Степан понурил голову и опустился на лавку, а Марьюшка досадливо всплеснула руками.

– Ну скажи, сынок, зачем будущему коммерсанту соваться в политику?

– По-видимому, гены, – предположил Емеля. – Ведь царский же внук, все-таки.

– В стране должно быть истинное народовластие, это будет способствовать развитию частной собственности и свободного рынка, – продекларировал Степан.

– Нет, не гены, – прокомментировал Лева. – Монархию отрицает.

– А у вас что, нет свободного рынка и частной собственности? – удивился я.

– Недостаточно, – ответил Степа. – И вообще, в этой стране должна быть изменена вся политическая система. Власть не может принадлежать одному узурпатору. Ее необходимо передать народному собранию.

– Сын, твоя задача – получить образование и начать трудовую жизнь, – назидательно произнес Емеля. – Тогда я смогу с чистой совестью отправиться к праотцам. Плетью обуха не сломишь. Доброе ли дело от стражников тумачи получать?

– Ничего, им тоже досталось.

– Да пойми, они не противники ваши, у них работа такая – порядок поддерживать. А вы, понимаешь ли, безобразия нарушаете!

– Наоборот, мы боремся за порядок...

– Ну ладно, хватит. Перед гостями стыдно.

– Да вы уж извините нас, засиделись мы чего-то, – я встал из-за стола и кивком предложил сделать то же самое своим друзьям. – Пойдем, пожалуй. До свидания. Даст Бог, еще встретимся.

– Счастливый путь, не забывайте нас. Если что, милости просим, чем сможем – поможем.

– Спасибо!

* * *

Мы шли к себе в гостиницу. На дворе совсем стемнело. Немного ослабла лямка рюкзака. Я остановился, чтобы подтянуть ее.

– Давай понесу! – предложил Вольф.

– Да ладно, управлюсь. Лямку подтяну только. Вы идите, я сейчас догоню.

Ребята пошли вперед. Я подтянул ремешок, застегнул пряжку и привычным движением закинул рюкзак на спину. Внезапно откуда-то из темноты вынырнул человек и занудно зашепелявил:

– Подари мне амулет! Ну, подари, чего тебе стоит! Он тебе без надобности, наоборот, принесет несчастье. Подари, подари, а? Я тебе что хошь сделаю, подари!

Незнакомец был закутан в черное, лица не разглядеть, но голос показался мне знакомым, шепелявил и гундосил он преднамеренно, стараясь быть не узнанным. Из-под плаща блеснуло лезвие кинжала.

– Подари по-хорошему, хуже будет!

– Напугал!

Я приготовился отразить атаку и нанести ответный удар, но тут послышался голос Вольфа:

– Иван, ты в порядке? А этому чего здесь надо?

Незнакомец, оценив изменившуюся обстановку, исчез в темноте.

– Что это за хмырь?

– А пес его знает. Охотник за предметами старины.

Я сунул руку в задний карман, проверяя, на месте ли амулет. Артефакт был на месте... То есть как на месте?! Я же сам лично положил его в сейф в кабинете Великого и так далее. У ближайшего фонаря я достал амулет из кармана, чтобы рассмотреть повнимательнее. Да, сомнений нет, он самый. Ну ни фиги себе, чудеса в Решетове, елки-метёлки!

Часть вторая. Выполнение спецзадания

Глава 1. ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Полуденное солнце уже не шутя припекало, когда наш поезд прибыл на конечную станцию. Это был тот самый вокзал Питстауна, с которого мы отправлялись позавчера поздним вечером. Я оглядел безоблачный небосвод на предмет, не летает ли где знакомая трехголовая птичка. В воздушном пространстве все было спокойно. Первым делом мы решили отправиться за яблоками в сады Хой Ёхэ.

– Ну что, Лешек, покажи направление. Ты ж, вроде как, знаешь, где эти чертовы сады, – обратился я к лешему, доставая карту.

– Они не чертовы, а как бы совсем даже наоборот, – поправил меня Лешек и ткнул пальцем в район карты, который, судя по топографическим знакам, представлял собой весьма заболоченный участок местности.

Я достал компас, чтобы привязать карту к сторонам света.

– Не парься, вон туда двигать надо, – Лешек указал пальцем, куда.

– В ту сторону ковры не летают? – с надеждой в голосе спросил я.

– Нет, – ответил Вольф. – Севернее и южнее – пожалуйста, Даже восточнее, у Синя моря.

А туда нет.

– Жаль! – я покосился на стоящий рядом в дорожной пыли увесистый рюкзак.

– Лошадей брать будем? – спросил Лева.

– А зачем, у нас же сапоги есть, – напомнил Лешек.

– Так одна пара всего.

– Ради экономии финансовых средств, – рассудил Вольф, – и придания мобильности нашему отряду, покупаем двух коней. Один, разведчик, бежит в сапогах, двое едут верхом, а лично я и волчьей шкуре достаточно быстро передвигаюсь. А за двумя лошадьми и ухаживать проще, и прокормить легче.

К маклеру договариваться насчет лошадей послали Лева. Ему удалось за умеренные деньги сторговать двух довольно резвых вороных кобылок. Мы с Лешekom навьючили их и разместились в седлах. Серая шкура Вольфа молнией метнулась вперед, а сапоги-сороходы первым примерил Лева. Едва он натянул второй сапог, как мы тотчас же потеряли его из виду. Пустив лошадей легким галопом, мы отправились следом за нашими товарищами через луг к лесу. Когда кроны деревьев сомкнулись над нами, мы перешли на рысь, выстроившись друг за другом, и узенькая тропинка повела нас сквозь чащу.

Вскоре мы встретили наших друзей – они устроили первый привал. Лева сидел на берегу лесного ручейка, опустив в воду босые ноги, и сломанной веткой отмахивался от комаров. Волк, вывалив язык, что называется на плечо, тяжело пыхтел рядом, лежа на травке.

– Сколько можно вас ждать? – ворчливо произнес Лева. – Кто следующим побежит?

– А ты чего? – спросил Лешек.

– Я? Да ничего. Просто подумал, может еще есть желающие...

Быть следующим желающим вызвался я: очень уж интересно было опробовать новое средство передвижения. Но я тут же убедился, что дело это не такое простое, как кажется с первого взгляда. Во-первых, необходимо удержать равновесие во время старта. Как только пятка второй ноги коснется супинатора, тут же ноги убегают из-под тебя, будто вступаешь на ленту эскалатора, пущенного с очень большой скоростью. Во-вторых, все маневры нужно начинать загодя, учитывая силы инерции. И я это испытал на собственном опыте через несколько секунд после старта, обняв толстый ствол дерева. Когда звезды перестали кружиться перед глазами, а

мозг восстановил способность воспринимать окружающий мир, я услышал смех сзади и увидел свои скороходы метрах в десяти впереди. В-третьих, при движении по лесу, много неприятностей доставляют ветки, неуклонно намеревающиеся выколоть глаз.

Есть у скороходов и достоинство, облегчающее жизнь – при включении кроссового режима они сами отслеживают рельеф местности и никогда не спотыкаются. К тому же, в этом режиме скорость передвижения ограничена значением порядка 40 км/час, что для новичка немаловажно. В чистом поле их можно разогнать и до ста, то есть любой всадник на лучшем скакуне отдыхает. Но через полчаса пробежки ступни ног загудели, просто вот-вот отвалятся, поэтому я стал подыскивать место для отдыха с непременно условием наличия ручейка с прохладной водой.

Друзья догнали меня нескоро. Сначала в лесу раздалось громкое пыхтение паровоза без глушителя. Это Вольф с волочащимся по земле языком протрусил мимо и упал в прохладную воду. Спустя минут десять появились всадники. Волк поднялся из ручья, отряхнулся, окатив нас фонтаном брызг, и стал человеком в мокрой форме французского кирасира.

Когда закончился наш короткий привал, сапоги надел Лешек. То ли у нечисти в генах умение пользоваться всякими магическими штучками, то ли опыт уже имелся, но сапоги его неукоснительно слушались. Лешек быстро удалился от нас по замысловатой траектории, мы же, не спеша, двинулись следом за ним.

Для ночевки мы выбрали уютное тихое место в устье ручья, впадающего в небольшое лесное озерцо. Судя по карте, к садам Хой Ёхэ мы приблизились весьма существенно – еще каких-нибудь тридцать верст и мы приблизимся к ним вплотную. Пока мы с Лешеким занимались обустройством лагеря, а Вольф все еще приходил в себя, валяясь на траве с высунутым языком, Лева наудил в озере карасей. Отужинав ухой и рыбой, приготовленной на рожне, мы уже собирались окунуться в объятия Морфея, как вдруг с озера донесся громкий плеск.

– Ух, ни фига, заява! – воскликнул Лешек. – Какая рыба плещется. А ты, Лева, мелочь какую-то надергал!

Плеск повторился.

– А как это озеро называется, – спросил я, – случайно не Лох-Несс?

– Да это вовсе и не рыбы, – Вольф, почти задремавший у костра, внезапно оживился. – Похоже, стая дельфинов плывет сюда.

– Дельфины в озере? – я рассмеялся. – Ты меня удивляешь!

Тем временем плеск усилился, и слышались девичьи голоса.

– Девочки! – воскликнул Лева.

– Русалки, блин! – Лешек замысловато выругался, припомнив в выражениях и неизвестную в природе нечисть. – Только этого не хватало. Бежим отсюда!

Он вскочил на стреноженную лошадь и попытался выслать ее с места в карьер. Вороная кобылка сначала оторопела от такой наглости и попыталась, даже, сделать шаг, но быстро пришла в себя, подкинула задом, и Лешек приземлился в заросли лопухов и крапивы.

– Ну вот, началось, – проворчал он, потирая ушибленный зад.

Плеск на озере сменился шлепками по илистому мелководью, и с берега донеслась какая-то возня. Было бы очень любопытно взглянуть, как эти однополые ластоногие будут забираться на крутой бережок, но тревога Лешека передалась нам и заставляла сидеть не шевелясь.

Тем временем, цепляющееся из последних сил за верхушки сосен на противоположном берегу, солнце осветило косыми лучами силуэты женских фигурок, выбирающихся на высокий берег. Тут же поляну заполнили их голоса:

– Ой, девочки, а наше место занято!

– Как занято?

– А вон тут сидят.

– Вы кто такие? А ну, убирайтесь с нашего места!

- А как вы докажете, что это место ваше? – вспомнил я кинофильм «Три плюс два».
- А никак! Живем мы тут и всё! Ясно?! – ответила одна бойкая девчонка.
- Какие же это русалки? – понизив голос, я толкнул в бок Лешека. – У них ноги есть!
- Сейчас ты все поймешь!

Последняя девушка поднялась с берега на нашу поляну. Их оказалось пятеро. Каждая держала в руке нечто, напоминающее огромную обезглавленную рыбу, по длине достающую им до пояса.

– Это у них типа гидрокостюмы с моноластой, – шептал мне на ухо Лешек. – Они их как бы только для плавания надевают. А так, девчонки как девчонки. Только сволочи. Когда у них период охоты, они мужиков завлекают, чтобы забеременеть, а потом топят. Эти твари под водой дышать умеют, блин. Походу бежать отсюда надо!

В растерянности, словно замороженные, мы смотрели на стройные фигурки на фоне тускнеющего заходящего солнца, а в душе отчего-то зрела тревога, было немного не по себе и на самом деле хотелось смыться. Девушки развесили свои хвосты на ветвях деревьев, отжали волосы. У каждой оказался в стволе дерева встроенный шкафчик, оттуда они достали какие-то балахоны и надели их, сокрыв от нашего взора все свои прелести.

– А вы уж, небось, и повеселиться решили, – сказала все та же бойкая русалочка. – Фиг вам! А ну, проваливайтесь!

– Да ладно тебе, Свет, – остановила ее подруга. – Костер горит, обсушимся, погреемся, может, пожрать чего дадут.

– Увы, сударыни, на ужин вы опоздали, – учтиво признался Вольф. – Зато выпить найдется.

- А мы не пьем, – призналась одна.
- Помалу! Ха-ха! – добавила другая.

По загоревшимся глазам Вольфа я понял, что он решил оттянуться и зажигает. Лично мне идея с вечеринкой не улыбалась – «русо туристо, облик морале!». Это во-первых, а во-вторых – не до девиц мне теперь, мне Катюку выручать надо. А вот Лева, кажется, склонен был поддержать оборотня в его начинаниях, бросив несколько кокетливых реплик.

– Идиоты, – проворчал себе под нос Лешек. – Завтра кто-то из этих развратников точно в озере плавать будет. Раздутый, как пузырь. А может, оба...

Но, как ни странно, ретироваться с поляны Лешек не торопился и даже, по просьбе Вольфа, извлек из своей поклажи нашу старую знакомую – неиссякаемую баклажку и кое-что из припасов на закуску. А лично я, пожелав всем спокойной ночи, отправился почивать в палатку. Упаковываясь в спальный мешок, я слышал, как снаружи начиналось веселье. Вольф произносил галантные тосты, Лева травил сальные анекдоты. Время от времени раздавались взрывы девичьего смеха и хмурые реплики Лешека.

- А среди вас, кажется, был еще один, – прозвучал голос той, которую называли Светой.
- Он уже спит давно, – ответил Лева.
- А мы сейчас разбудим!
- Блин, только этого не хватало!
- Эй, тут есть кто? – раздалось у входа в палатку. – Тук-тук!
- Вжикнул замок «молнии».
- Нет, никого нет, – сонно отозвался я.
- А я знаю, что есть. Как дела, почему не веселимся?
- Девушка уже застегивала «молнию» изнутри.
- Настроения нет.
- А я подниму. Я все могу, ты переживешь со мной незабываемую ночь!
- И она будет моей последней?

– Фу, глупый какой! Всё это сказки, выдумки, страшилки для маленьких. Мы совсем не опасные, мы очень милые и добрые существа. Ну, как настроение, поднимается?

– Нет.

– Ну почему? Я так стараюсь!

– Слушай, уйди, а!

– Фу, какой противный! А мне скучно. Эльвира с Лешекком хороводится, она у нас младшенькая, сто семьдесят лет всего, совсем девочка. Галина с тем, что анекдоты травит, только он тоже бука, женатый, говорит. Дашке с Машкой зато больше всех повезло, они с оборотнем вашим. Вот мужик, так мужик.

– Ну и ступай к нему, третьей будешь.

– Не хочу. Я с тобой хочу.

– Со мной облом. У меня невеста есть, я ей изменять не собираюсь.

– Ну и дурак. Невеста – не жена. И вообще, где невеста, а где ты. Может она тебе там и направо, и налево...

Бить женщин не в моих правилах. Я только намотал на руку ее косу, потянул и прошипел;

– Пошла вон!

Другая бы на ее месте завопила от боли, но эта только возмутилась:

– Как я пойду, когда ты меня за волосы держишь? Расслабься и получай удовольствие. Ты такого еще не испытывал, я уверяю. Сам потом в благодарностях рассыпаться станешь. Скажешь, не знаю, чем и благодарить. А я знаю, чем!

– И чем же?

– Не скажу!

– Ну и не надо. Всё, не мешай спать, уходи.

– Слушай, а может, ты импотент?

– Точно! Да, я импотент.

– Так я тебя вылечу. У меня тут одна штука есть. Погоди, я мигом!

Она выпорхнула из палатки.

– Свет, иди к нам! Свет, иди, выпьем! – раздались голоса снаружи.

Ну, слава Богу, отстала, наконец. Я застегнул «молнию» за незваной гостьей. «Комаров только напустила, зараза» – подумал я и поуютнее упаковался в спальник. Но радоваться пришлось недолго, «молния» снова открылась.

– Вот, смотри, что у меня есть! – русалка Света подползла ко мне. – Иноземное средство! С этой штуковиной вождь Туа-тао с двенадцатью женами справился!

Боже милостивый, знакомая вещичка! Это же мой пузырек паленого пантокрина! Тугая коса русалки снова оказалась намотанной на мою руку.

– Больно же, дурак!

Ага, завопила!

– Кто тебя подослал, говори!

– Никто! Отпусти, больно!

– Бородатый, в лохмотьях? – я еще сильнее потянул ее гриву. – Ты должна меня соблазнить, а я за это подарить тебе амулет Золотого Льва?

Русалка разрыдалась.

– Он мою мать взял в заложницы! Он ее убьет, если я утром не принесу!

– Тьфу ты, твою мать! – невольно вырвалось у меня. – Ладно, не реви. Что-нибудь придумаем. Утро вечера мудренее, как говорят. Иди спать. Где вы, русалки, обычно спите?

– На деревьях.

– Вот, лезь на дерево и спи. Освободим твою мать. В крайнем случае, убьем этого подонка.

* * *

Утро выдалось безрадостным и хмурым, что было очевидным даже через стенки палатки. В палатке я был не один. Не ушла, что ли? Впрочем, нет – это Лева тихонько похрапывает. А я так крепко спал, что даже не услышал, когда и как он забрался в палатку. Будить, не будить? Ладно, пусть еще немного поспит. Я выбрался наружу. Небо затянули плотные облака, было зябко, даже парило изо рта. Но от костра доносились вкусные запахи: это Вольф уже бодрствовал и готовил свой фирменный завтрак – жарил на вертелах двух зайцев.

– Слушай, – хитро подмигнул он мне. – Что ты там такое с ней вытворял, чего она так орала?

– Да ничего особенного, проводил воспитательные беседы на моральные темы, а заодно работал инквизитором. Знаешь, ради чего была устроена вся эта давешняя вакханалия?

– ???

– Чтоб я ей амулет вождя краснорожих подарил.

– Деваха красивая, она того стоит... – закатил к небу глаза Вольф. Но тут же опомнился. – Что ты сказал?!

– Вот именно. Даром на этой планете ничего не бывает. Но что самое поганое, Светкина мамаша в заложниках у этого мерзавца. Я имею в виду того толмача из племени дикарей, помнишь? Людоеда-то наверняка он подговорил. И когда от Емели шли, это он ко мне приставал. Ему позарез нужен этот амулет, он и пускается во все тяжкие. Слушай, надо что-то сделать, я ей пообещал.

– Разберемся. Мальчики, девочки! Подъем! Завтракать!

С деревьев, словно груши, ссыпались Машка, Дашка, Галина и Светка. Поодаль зашевелилась куча сухой листвы. Из-под этого вороха появились Лешек и, очевидно, Эльвира. Оба хмурые как нынешнее небо над головой. Да и вообще, в атмосфере чувствовалась некоторая тревога и напряженность. Кто с бодуна, кто от навалившегося груза проблем, но все были грустны и молчаливы. Завтрак прошел в гробовом молчании, а после трапезы русалки вопросительно посмотрели на меня.

– Короче, сделаем так, – на самом деле я еще не знал, как мы сделаем. – Где он ее держит?

– На том берегу озера. Почти у воды.

Я из укрытия просканировал противоположный берег через подзорную трубу. Ага, вот и он, наш знакомый толмач, сидит около воды, в руках ружье, вглядывается в наш берег. А вон и седа русалка привязана к дереву прямо в этой, как ее, моноласте.

– Гад! Он что, всю ночь держал ее привязанной к дереву?

– Нет, – ответила Светка. – Вчера он велел ей влезть на дерево, а сам сидел внизу с мушкетом и караулил.

– Все равно – гад!

– Тогда сделаем так. Вольф, ты у нас лучший кавалерист, тебе и быть спасателем. А я подстрахую с пистолетом. Если что, возьму грех на душу, застрелю эту сволочь.

– Может сразу так и сделать?

– Нет. Вдруг промахнусь, вдруг осечка...

– Я не промахнусь, – Лева кивнул на свой дробовик для охоты на безвздоховых одноруков.

Я вспомнил разлетевшуюся в прах голову людоеда. Мне стало дурно.

– Не надо, мокрое дело – последнее дело.

Я срезал с конского наперсника медную бляху, отполировал ее о мягкую замшу крыла седла и протянул Светке.

– Это будет обманка.

А потом было вот что. Светка подплыла к противоположному берегу и до пояса высунулась из воды.

– Эй! – она покрутила в воздухе начищенной бляшкой. – Я дарю тебе этот амулет безвозмездно, то есть даром! Лови!

И швырнула ее в воду около берега. Толмач метнулся к брошенному предмету. В этот момент Вольф верхом на лошади выскочил из засады, улюлюкая и размахивая топором. Он рубанул по веревке, которой была привязана пожилая русалка, и крикнул ей:

– В воду, живо!

Сделав вольт к берегу, он сапогом толкнул толмача в прибрежную тину, подхватил что-то с земли и скрылся в лесу. Обе русалки исчезли тем временем в темной воде. За всем этим я наблюдал из густых зарослей дикой ежевики, держа наготове заряженный пистолет. Всё прошло гладко, можно было выходить из засады и возвращаться к биваку. Когда я вернулся на нашу полянку, Вольф уже сидел в компании Машки и Дашки на крутом бережку, свесив ноги, глядел на озеро и попивал чаек.

– А я-то все думал, почему он постоянно за нами поспевает?

– И почему? – поинтересовался я, присаживаясь рядом.

– А вон! – оборотень кивнул в сторону палатки, где стояла вторая пара сапог-сороко-дов. – И мушкет его я прихватил.

– Эй, долго вас еще ждать?! – вынырнула из воды Светка.

– Сейчас, сейчас, – ответила не то Машка, не то Дашка.

– Ну, всё, мальчики, пока!

Обе, оставив в деревьях-шкафчиках свои балахоны, влезли в «гидрокостюмы» и пома-хали нам ручками. Галина, отвергнутая Лево́й, уже плескалась в озере вместе со Светкой и пожилой русалкой, а Эльви́ра, вцепившись в Леше́ка, все никак не могла с ним распрощаться. Чтобы не смущать молодых, мы втроем пошли сворачивать лагерь.

– Теперь у нас две пары сапог-сороко-дов! – все не мог нарадоваться Вольф. – И мне не придется на своих четырех носиться по лесу!

Первый переход в сапогах бежали Лева и Вольф, а мы с Лешек-ом трусили следом на лошадях. Лешек был какой-то угрюмый и озабоченный. Несколько минут мы ехали молча, потом я не выдержал, спросил:

– Ты чего, влюбился?

Лешек печально кивнул.

– А грустишь чего?

– Мы же с ней разной расы. Она русалка, я леший.

– Ну и что, какие проблемы? Пусть она станет лешахихой, или ты – водяным.

– Не знаю. Сложно все...

– Или поступайте оба в университет на болотный. Станете вдвоем кикиморами.

– Отвяжись. Без тебя тошно.

– Ну, как знаешь...

– Кстати, толмач наш знаешь кто?

– Сволочь.

– Это сабо самой. Он Светкин отец. Мамаша Светкина тогда влюбилась, нарушила закон, не стала топить его. И вот чего из этого вышло.

Я хотел пошутить на тему, что, мол, и его Эльви́ра пожалела, в этот раз не утопила, но передумал. Парень не в том расположении духа, чтобы воспринимать шутки адекватно.

Глава 2. ФРУКТОВЫЙ САД

За два перехода мы добрались до весьма престранного и очень недоброго места. Мы стояли у обрыва, а перед нами зияла совершенно бездонная пропасть. Внизу шевелилось густое сиреневое облако тумана, поэтому разглядеть дно пропасти не представлялось возможным. Какие-то розовые облака поднимались вверх и висели на уровне обрыва несколько мгновений, после чего внезапно таяли. Через минуту на их месте появлялись новые. До противоположной стороны обрыва было метров триста. Там и виднелись какие-то сады.

– Это и есть сады Хой Ёхэ?

– Они... – Лешек поскреб затылок, остальные скребли щетины, а я вглядывался в подозрную трубу.

– Что видно?

– Вижу ограду из железных прутьев. Ворота. Ворота открыты, но проход загораживает натянутая цепь. А дальше две яблони, вот и весь сад. А стволы обеих яблонь обвил питон... Даже нет, мутант – змеюка, длиной метров тридцать, если не больше. С зубов яд капает, от него трава вянет, там, где накапало, – я сложил трубу. – Почему вообще говорят «сады», во множественном числе? Два дерева, это что, уже сады?

– Так ведь, смотря кто за чем пришел, – пояснил Лешек. – Короче, когда-то бабушка мне рассказывала, тут целебные деревья растут как бы от разных болезней спасают. Вишни типа от поноса, сливы от золотухи, груши – от мужского бесплодия...

– А у нас в деревне, – припомнил Лева, – один мужик, он с бабой двадцать лет прожил, а детей все не было. Так тот груш объелся и помер...

– Не те груши ел. Не хойёховые. А тут кто за чем пришел, тому этот сад нужной стороной и открывается. Нам груши-сливы не нужны, нам яблони открылись, понятно?

– Не совсем, – ответил я, но чтобы остановить поток пояснений открывшего было рот Лешек, добавил: – Но подробности меня в данный момент не интересуют. Лучше посоветуйте, как на ту сторону перебраться. Очень некорректно себя ведет этот сад. Повернулся нужной стороной, а войти не дает, дразнит что ли?

Я поднял с земли камень и швырнул его в пропасть. Звука падения мы так и не услышали.

– Мост рубить надо, однако, – посоветовал Лева.

– Таких и деревьев-то высоких нет, чтобы перекинуть туда!

– Тогда в сапогах-сороходах разбежаться и прыгать.

– Ага! Может, покажешь как?

– Тихо-тихо, – успокоил нас Вольф. – Знаю я, как туда добраться. Для этого нам потребуются две вещи. Во-первых – златогривый конь, а во-вторых – меч-кладенец. Златогривый конь может скакать по облакам, которые поднимаются из ущелья, только так ты переберешься на ту сторону, по-другому – никак. Метлы и ковры-самолеты здесь не летают, от магии место заговоренное. А Емеля свой махокрыл еще не достроил. А как окажешься на той стороне, повторяешь то, что я намеренно проделал, спасая русалку. То есть, перепрыгиваешь через цепь и кавалерийским наскоком срубаешь змею голову, рвешь яблоки и быстро назад, потому как спустя несколько мгновений у змея отрастет новая голова. Если он успеет укусить коня, ты на той стороне так навек и останешься. А если тебя – сам понимаешь.

– Понимаю. Конь там навек и останется.

– Да нет, конь-то назад прискачет...

– Короче, дело за малым – найти меч-кладенец и коня.

– Дай-ка сюда карту, – потребовал Лева.

Я достал из-за пазухи карту.

– Вот, – он ткнул ногтем в топографический знак, изображение лесного массивчика. – Семь верст отсюда – поляна. Там дуб растет, на нем сундук, а в нем и меч.

– Охрана есть? – спросил Вольф.

– Двое из ларца. Оба – тупее того дуба.

– Тогда вперед. Добудем сначала меч, а потом за конем. Знаю я, где тот конь обитает. Помогу достать, но только напрокат.

Дуб оказался высоченный, да иначе и быть не могло. Сундук раскачивался на золотых цепях в густой кроне почти под небесами. Около дуба из высокой травы выглядывала крышка ларца. Едва мы приблизились к нему метров на десять, крышка откинулась, и из ларца появились два здоровенных детины, оба с одинаковыми физиономиями, на которых было запечатлено выражение сонно задумавшейся двухпудовой гири. Как они помещались в столь небольшом по размеру ларце, чем там питались и чем дышали, оставалось загадкой.

– Стой!

– Кто!

– Идет!

По очереди отчеканили оба.

– Добрые люди мы, – ответил за всех Вольф. – Меч нам нужен. На время...

– Скажи...

– Пароль!

– Пароль, – пожав плечами, произнес я.

Почесав в затылках, детины в один голос ответили:

– Проходи!

Они исчезли в ларце, и крышка за ними захлопнулась. Подойдя к дубу, я попытался сообразить, как мне добраться до сундука. Гигантское дерево дало бы фору Останкинской телебашне – в комле обхватов десять, не меньше, а ближайшая ветка на высоте третьего этажа. Хорошо, что со мной всегда мой рюкзак, в котором имеется куча всякого нужного барахла, в частности, там есть основная веревка. Пятидесяти метров должно хватить.

Увидев мои тщетные попытки закинуть на ветку конец веревки, Вольф иронически заметил:

– Что ты делаешь, Ваня? Зачем тебе вешаться? Ты же так молод, тебе нет еще и пятидесяти!

– Скажу тебе по секрету, мне еще нет и сорока.

– Не парься, – остановил мои метательные упражнения Лешек и постучал костяшками пальцев по стволу дерева.

– Кто там? – отозвался дуб.

– Да свои, свои.

– А в чем дело?

– Пошептаться надо.

– Ну, поднимайся.

Дуб опустил ветку, Лешек шагнул на нее и вознесся в густую крону. Минут через десять ветка опустилась вниз, возвращая Лешека на землю, а дуб стал уменьшаться в размерах. Уменьшался он до тех пор, пока не стал напоминать растение в стиле бансай, а сундук не оказался на уровне нашей досягаемости.

– Забирай, – жестом указал на сундук Лешек. – Но, как бы с возвратом. Короче, до заката вернуть надо, я слово дал.

Мы вернулись к обрыву, откуда открывался вид на загадочные сады Хой Ёхэ. Вольф спрыгнул с лошади и обратился к Лешек и Леве:

– Вы оставайтесь здесь, стерегите меч как зеницу ока и никого не пропускайте на тот берег. А мы с Иваном берем сапоги и отправляемся за златогривым.

Бежали мы быстро, но долго. По лугам, по чащам, пока не добрались до кособога, поднимающегося вверх и переходящего в широкий, раздольный луг, раскинувшийся до самого горизонта. На лугу пасся огромный табун лошадей, по словам Вольфа это был государствен-

ный штрафной табун. Чуть в стороне, ближе к нам, притулился маленький домик типа рабочей бытовки.

– Я отвлеку сторожа, – вполголоса сказал Вольф. – Это пожилой ветеринар, очень сострадательный ко всяческой божьей твари. Ты в это время берешь коня...

– Как я узнаю, что это тот самый конь?

– Дай-ка трубу.

Он осмотрел через подзорную трубу табун.

– Здесь его нет. Что за черт, где же он?

– А вон там, отдельно, ближе к рощице, стоит какая-то лошадь.

– Точно! Это он. Абсолютно вороной, ни одного светлого пятнышка, хвост и грива золотые. Он, точно он! Берешь его, сапоги не забудь оставить, во весь опор дуешь к садам Хой Ёхэ, добываешь яблоки и пулей – сюда. Долго я не смогу сторожа отвлекать.

– Другой охраны здесь нет?

– Нет, только старик-ветеринар.

– Не слишком ли все просто?

– Нет, кроме посвященных сюда никто не знает дорогу.

– А где взять седло, уздечку?

– Не надо. Уздечки в сторожке, трогать их нельзя. К тому же, как только наденешь на коня уздечку, сразу сработает охранная сигнализация. Скачи, как есть, в недоуздке, без седла. Конь очень умный, слушается босых пяток лучше, чем иная кляча хлыста и шпор. Ну, давай! Ни пуха!

– Да ну тебя к черту!

Вольф сделал кувырок вперед и обернулся волком. Так вот, как это происходит. Блин, опять нет с собой видеокамеры. Еще раз посмотрев на меня, он кивнул мордой и затрусил к домику-сторожке. А я, надев сапоги, в три прыжка очутился рядом с конем.

Я видел, как из сторожки вышел человек, волк что-то говорил ему, жестикулируя поочередно то правой, то левой лапой, иногда, даже, хватаясь за живот. Когда человек увел его за сторожку, я запрыгнул на златогривого и, надавив на бока икрами, во весь опор помчался к садам Хой Ёхэ.

Лева подал мне кладенец. Я перекрестился и направил коня к обрыву. Все-таки было страшно: как это, скакать по облакам! Но другого выхода нет. В этой затее рискуют все, в первую очередь, конечно, я. Волку тоже достанется, если мы не вернем коня, Лешку попадет за меч, да и Лева как-нибудь пострадает, так, за компанию. А мои старые друзья-туристы навек останутся не освобожденными. Ладно, хватит соплей. Я выполняю ответственную миссию. Вперед!

Я выслал коня и вцепился ему в гриву. Всего пять прыжков потребовалось златогривому, чтобы добраться до противоположной стороны каньона.

– Золотой ты мой! – я похлопал коня по шее. – Ну, давай! Вперед!

Конь перепрыгнул через цепь. Змей, грозно зашипев, сделал выпад в мою сторону. Бог мой, ну и глаза! Огромные как блюдца, с ярко-оранжевой радужкой и щелевой диафрагмой. А зубы! А пасть! Моя голова поместится в ней и еще место для шеи останется. Я чуть отпрянул назад и с плеча рубанул толстенное, в два обхвата, тело. Брызнула темно-коричневая кровь, голова чудовища покинула брненное тело и с шипением рухнула наземь, следом рухнуло и туловище.

Выслав вперед коня, я на скаку сорвал ярко-красный плод с одного дерева и желто-зеленый с другого, развернул златогривого и, погоняя его босыми ногами, направил к пропасти. Сзади снова раздалось шипение. Оглянувшись, я увидел ожившую рептилию. Голова снова была на месте, с зубов капал яд, но мой скакун уже перепрыгнул цепь, и мы находились вне зоны досягаемости. И вот я снова мчусь по клубам розового пара через пропасть, на скаку

пряча в «кенгуровый» карман анорака добытые фрукты. Теперь страха уже нет, есть только недоумение, каким образом сгустки тумана могут представлять собой твердую опору. А златогривому, видно, не впервой скакать по облакам, его спокойствию можно позавидовать. Пять прыжков, и сады Хой Ёхэ остались на той стороне каньона.

– Держи! – я бросил Леве меч-кладенец и направил златогривого к его постоянной стоянке, штрафному табуну.

– Давай, дружок, домой, скорее! Там ждет тебя вкусная травка!

В одном из многочисленных карманов у меня еще с былых времен нашего безмятежного водного путешествия завалялась «зачатка» – несколько сухариков и пара кусочков сахара.

– Спасибо, друг! – спешившись, я протянул коню угощение и похлопал его по шее. – Извини, больше отблагодарить нечем.

К сожалению, мы не условились с Вольфом, как дать ему сигнал о том, что я вернулся. Но я подумал, что поскольку преступных умыслов у меня уже не имелось, я могу спокойно продефилировать мимо сторожки. Волк увидит меня и все поймет.

Я заложил руки за спину и принялся посвистывать и напевать, изображая из себя празднующегося:

Пора в путь-дорогу,
Уж дело сделано,
Сделано,
Сделано пам-пам...

Пару раз пропев это, я обошел сторожку с тылу и обмер от изумления. Я увидел несчастного волка со страдальческим выражением ли... э... морды, а глаза его в свете заходящего солнца тускло отражали предсмертную муку. А рядом на корточках сидел пожилой человек в белом халате и чепчике с синим крестом. На лбу у него было закреплено офтальмологическое зеркальце, а в руках он держал необъятных размеров спринцовку.

– Здравсь-сьте! – поздоровался я с ветеринаром.

– Чего надо!? – строго отозвался тот.

– Лошадка у меня захромала, не посмотрите?

– Времени нету! – буркнул в ответ старик. – Завтра приходи!

– Ладно. Завтра, так завтра.

Я не стал спорить и повернул к тому месту, где лежали наши с Вольфом сапоги. Минут через пять появился и Вольф в человеческой ипостаси. Он еле волочил ноги и держался одной рукой за живот, а другой за то место, на котором сидят.

– Сейчас я умру, – устало произнес он, а в животе у него булькнуло. – У меня такое ощущение, что меня свела судьба с «голубым» тираннозавром. У тебя-то все в порядке?

– В полном, – я похлопал себя по «кенгуровому» карману.

– А златогривый? Чего ты там говорил про хромоту?

– Это я говорил так, про виртуальную лошадь. Надо же было чем-то объяснить свой приход. А зачем он делал тебе клизму?

– Я не знал, как его отвлечь и наплел первое, что взбрело в мою дурацкую голову. Сказал, что объелся крольчатинной, а кролики, небось, жрали капусту, напичканную нитратами, а на нитраты у меня аллергия. Я думал, старик даст какую-нибудь таблетку, а он решил устроить промывание кишечника. После второй клизмы спросил: «Ну, как?». Я смотрю, тебя еще нет...

– Я спешил!

– Верю. Не помогло, говорю, все еще болит. Короче, ты появился после пятой клизмы... Ой! – в животе у Вольфа снова булькнуло. – Кой черт понес меня на эту галеру!

Мы вернулись к каньону, и всей группой сначала отнесли законному хранителю меч-кладенец, а после двинулись на север в направлении предполагаемого места расположения загадочного НИИКоГО. Спустя какое-то время мы выбрались на наезженный тракт. Судя по карте, дорога называлась «Северо-восточная магистраль» (это вам не хухры-мухры!), и вела она к границам Кощеева царства. Очень странно, что дорога эта сильно наезжена, ведь дипломатические отношения обоих государств весьма натянуты, торговля не ведется и в гости друг к другу никто не ездит. Вроде бы как холодная война. Разве что армии проводят тут маневры для устрашения противоположной стороны.

Когда уже всерьез смеркалось, перед нами возникло селение. Называлось оно, судя по вывеске, «Долгохреново». Здесь мы решили заночевать. Деревушка оказалась не богаче Левиного родного Николаева. Впрочем, даже Николаево рядом с этой деревней могло бы показаться Парижем супротив Рязани. Завидев нас, на улицу высыпали толпы ребятишек, мал мала меньше. Одни кричали, другие дразнились, третьи кланчили какую-нибудь подачку. Девки и молодухи пилились на нас, отдернув занавески на окнах, а те, кто посмелее, выходили во дворы, разглядывая нас через изгороди, лузгали семечки и плевали шелухой на дорогу. Мужики косились не то что враждебно, но недружелюбно, не прерывая своих хозяйственных дел.

Постоялого двора здесь не было, но едва просочилась информация о цели нашего визита, она тотчас распространилась со скоростью звука, и на улицу высыпали бабы, наперебой предлагая в наем свой угол. Мы выбрали в качестве хозяйки одинокую старушонку, у которой имела пусть небольшая, но малонаселенная изба (точнее, старушка в ней проживала одна), а также сарайчик для двух лошадей.

– Господа сюда, в горницу, – говорила старушка, приглашая нас в избу. – А слуг-то поместить и негде, разве что на сеновал.

– Каких слуг? – опешили мы.

Ах, ну да! Дело в том, что Лев с Вольфом прибыли в село верхом на лошадях, а мы с Лешekom, сняв скороходы, были пешие и босые.

– О нет, синьора, – учтиво пояснил Вольф. – Среди нас нет слуг, мы все четверо – компаньоны. А то, что двое из нас без лошадей, это просто несчастный случай: их съели волки.

– Зачем же ты на своих сородичей напраслину возводишь? – тихо спросил я у него.

– А чего они?! Мясом питаются... Я-то почти вегетарианец. Впрочем, сейчас я так голоден, что не напрягаясь съел бы целую лошадь.

Глава 3. ЗА ВТОРЫМ АРТЕФАКТОМ

Поднявшись утром почти с рассветом, мы снова взяли курс на предполагаемое местонахождение НИИКоГО и козьими тропами, почти напрямик, двинулись вперед. Лишь во второй половине дня мы поняли, что заблудились. В глухой лесной чаще совершенно не к чему было привязать карту – ни речушки, ни просеки, ни триангуляционного знака. Мы рванули по азимуту, ни на доли градуса не отклоняясь от показаний компаса. Тем не менее, снова попали на место, которое показалось нам очень хорошо знакомым. Да, мы здесь уже были час-полтора назад. Отдыхали, менялись сапогами и лошадьми, вон, даже куча конского навоза лежит почти свежая.

– По ходу, лес заколдованный, – изрек Лешек. – Типа как у нас с бабкой.

– А ты, типа, расколдовать можешь? – спросил Лева, подражая интонации Лешака.

– Я не волшебник. И даже пока не учусь.

– Может, попробуем вернуться к деревне и начнем искать дорогу заново? – предложил я.

– А смысл?

– А какой смысл сидеть просто так? Что-то ведь надо делать!

– Тихо! – прервал наши пререкания Вольф. – Я слышу голоса.

Мы притихли. Оборотень пошевелил ноздрями, принюхиваясь, и добавил:
– И чую запах дыма.

Пришлось снова продираться напролом через чащу. Конные (мы слевой) вели лошадей в поводу, «сапожники» (Вольф с Лешком) несли свои транспортные средства подмышкой. Через какое-то время мы все стали различать запах дыма, оттуда же доносились и звуки песни под гитару. Я мысленно произнес «Йес!» и сделал характерный жест (тоже мысленно). Никаких параллельных миров, все это выдумки, Диснейленд для взрослых! Меня разыгрывали, сейчас закончится это многодневное реалити-шоу, сопровождаемое сложно наведенной галлюцинацией, и всё вернется на свои места, потому что впереди река и лагерь нашего брата туриста. Там ужинают, поют песни, может там и мои ребята поджидают меня. Я наконец-то увижу Катку, Командора, Леху и Ленку, и мы, пусть с опозданием, вернемся домой.

Тем временем, звуки становились все отчетливее. Различима стала и мелодия песни, напоминавшая больше цыганочку, чем бардовские композиции. Гитаре вторил бубен и довольно стройный хор голосов.

– Цыгане! – проворчал Лешек. – Только этого не хватало!

В его голосе прозвучали еще более тревожные нотки, чем перед встречей с русалками. Во мне же еще теплилась надежда, что это группа туристов из моего пространственно-временного измерения. Ведь и «турьё» поет цыганочку и берет в походы бубны. Сомнения развеялись когда из чащи выскочили две цыганки в ярких пестрых платках и цветастых длинных платьях.

– Эй, красивые! Куда идешь мимо? Позолоти ручку, погадаем! – затараторили они наперебой.

– Не стоит трудиться, милые, – улыбаясь ответил Вольф. Как всегда он был галантен с дамами и учтив. – Мы заблудились, нам бы только узнать дорогу, и мы пойдем по ней далеко-далеко. А что было, что будет – и так знаем.

– Зачем идти? – продолжали тараторить цыганки.

Их было уже не две, а толпа, разных возрастов и габаритов. Они взяли нас в кольцо и перманентно теснили в сторону табора.

– Зачем идти! Ночь скоро, а здесь весело, вино есть, мясо есть, песни есть! Всю ночь костры будут, пляски будут, веселиться будем!

Это был самый настоящий цыганский табор, точь-в-точь как показывают в кино. Шатры, костры, гитары, лошади, детский плач, крики женщин, ругань мужиков – все как полагается. Цыганки повели нас к большому костру, на котором жарился барашек и варилось что-то вроде пунша или глинтвейна. У оборотня загорелись глаза, и было ясно, что никуда он отсюда не двинется, пока не отведаст барашка, несмотря на то, что он почти вегетарианец. Лева, чувствовалось, тоже был любитель гулянок, его зажигала обстановка в таборе, а значит уйдем мы отсюда нескоро. Оно и правильно, куда сейчас идти? Солнце уже закатилось, всходила полная луна. Ладно, воспользуемся пока цыганским гостеприимством, а потом поставим в сторонке палатку и ляжем баиньки.

Поев мяса и выпив пунша, мы слегка захмелели, тела наши отяжелели, их охватила истома, а головы стал окутывать легкий дурман. Но зажигательные напевы вселили вдруг некий прилив бодрости. Увлекаемые хозяевами, мы, сами себя не помня, пустились в пляс, выкрикивая что-то типа «ромалэ» и «чавелла». Всё вокруг, казалось, вместе с нами плясало и пело. Плясали люди, плясали звезды в небе. В ритмичном танце над лесом прыгала луна, кружился и сам лес, от пляшущих костров салютом взлетали вверх искры, и вся эта фантазмагория все больше и больше захватывала своим экстазом. Ноги, не зная усталости, сами выписывали какие-то замысловатые кренделя, глотки сами подхватывали крики, голова не воспринимала ничего, кроме окружающего гама и хмельного веселья, сознание уносилось куда-то вверх, на глаза накатывала темно-сизая пелена тумана....

Очнулись мы от резкой и внезапной тишины. Высоко в небе светила полная луна, ярко освещая поляну, на которой не было ни шатров, ни костров, только нас четверо, да пара наших изрядно похудевших рюкзаков, да еще Левкина «бердана» и один сапог-сороход. Да-а... Что называется, картина Репина «Приплыли». И картина, прямо скажем, малорадостная.

– Прикольно, да? Спросили дорожку! – вздохнул Лешек. – Я говорил, добром это не кончится.

– Говорил, говорил! – проворчал Лева. – А толку-то, что говорил?

Вольф многозначительно посмотрел на луну.

– Выть или не выть? – произнес он риторически.

Итак, в результате визита в цыганский табор, мы лишились транспортных средств, моей (вернее девчачьей) палатки и всей нашей казны. На всякий случай я ощупал задний карман на предмет наличия амулета. Артефакт оказался на месте, впрочем, я уже знал его магическое свойство возвращаться к законному владельцу (знать бы еще, что он умеет кроме этого). Вот бы так вели себя и остальные вещи. В моем рюкзаке оказались нетронуты никчемный пока ковер-самолет, аптечка с возвращенным мне русалкой Светой пантокрином, моя видеокамера и электрический фонарь. Наверно, здешние цыгане не знали о назначении технических шуточек-дрючек, а баночки-таблетки не вызвали у них интереса, как и побитый молю линейный ковер. Один сапог они, видимо, в спешке потеряли. Левка поднял его и со злостью зашвырнул в кусты.

– Все равно один он ни к чему! – прокомментировал он этот поступок

* * *

Подремав пару часов в сидячем положении, прислонившись друг к другу спинами, мы дождались рассвета. А когда рассвело, размяли затекшие мышцы и открыли совещание на тему дальнейших планов. Натощак доброй беседы не получалось.

– Я говорил, нечего к цыганам идти, добром не кончится! – заводился Лешек.

– Подумаешь: говорил! Сам бы дорогу искал, коль ты леший!

– А ты – серый волк, всем тропинкам знаешь толк!

– А что я? У нас вон следопыт есть с ружьем и в шляпе!

– А я-то тут при чем? Я, между прочим, не вызывался!

Я подумал, что мне пришло время бегать вокруг, приговаривая: «А вот и не подеретесь!». Но, к счастью, этого не потребовалось.

– О чем спор, молодые люди, какие проблемы? – раздался откуда-то старческий голос.

Мы дружно закурили головами.

– Можете не стараться, покуда шапку не скину, не увидите.

Голос прозвучал совсем рядом с нами. Откуда ни возьмись, появился старичок, седовласый и седобородый, с сучковатой палкой в одной руке и шутовским колпаком (только без бубенцов) в другой.

– Здравствуйте, путники, – поздоровался он.

– Приветствуем вас, уважаемый старичок-лесовичок, – ответил за всех Лешек. – Мир вашему лесу.

– Спасибо тебе, милочка. И вам, люди добрые. Куда же вы держите путь, если не секрет?

– Вообще-то секрет, но от вас-то его утаишь разве, – ответил Вольф. – Ищем мы дорогу в НИИКУДА. То есть, тьфу, в НИИКоГО. А вот по какому вопросу, это уже большой секрет. И не пытайте даже.

– И не буду. До НИИКоГО мне нет ниикого, то есть никакого дела. Я заповедный лес стерегу и ниикого, в смысле никого сюда не пускаю. А уж коли кто в мой лес попал, ни за что назад не выйдет, так и пропадет тут. Вот так и стерегу, лучше всякой армии, правда?

– А цыган на нас вы наслали? – спросил я. – Раз уж все равно путникам хана, пускай, значит, хоть цыгане добычей поживятся?

– Какие цыгане? – удивился старичок. – А, цыгане! Нет, я никого не насылал. Это бесово отродье. С бесом соглашение у меня – я его цыган не трогаю, свободно пропускаю-выпускаю, а он не трогает меня. С ним тоже по-хорошему надо, с бесом-то. А то ведь он и мор на зверей напустит, и деревья погубить может, а силы у меня супротив него нету.

– Понятно. Так и что, нам готовиться остаток своих дней в этом лесу провести?

– Ну, зачем так. Вы уж не серчайте, что повеселился я, когда давеча вы четвертый круг наматывать стали. Ну да ладно, дело прошлое. Такой вот я веселый старичок. Я ж когда увидел, что леший с вами, решил, надо бы появиться, да помочь чем смогу, ежели это не супротив моих обязанностей. Да вчера недосуг мне стало, дело появилось срочное, – он многозначительно провел большим пальцем по воротнику. – А НИИКоГО, он не в заповедном лесу, с краю чуток. Но напрямки я вас туда не пушу, все равно в обход пойдете. Крюк-то небольшой, верст пятнадцать будет, не более. Я вам сучок-путевичок дам, он проводит.

Старик отломил от своего посоха рогатульку (силен, однако), надел на нее шляпку от гриба боровика и протянул Лешеку.

– Держи, милый, доведет куда надо. А ежели вы в сам этот НИИ желаете попасть, не буду спрашивать зачем, так через проходную лучше не ходите, вахтер вас все равно без пропуска не пустит. Сучок-путевичок вас к подземному ходу приведет, по нему и пройдете. Там в конце туннеля паук сидит, вы его не пугайтесь, три его загадки отгадаете – и идите смело. Только старый он стал, условия задач путает. А ответа требует правильного, так что не спешите отвечать, подумайте. Иначе – съест!

Рогатулька в шляпе, едва ее бросили на землю, шустро засемила на деревянных ножках по прошлогодней хвое, зарослям черники и заячьей капусты. Чтобы не потерять сучок-путевичок из виду, а это могло случиться элементарно, мы пустили за ним Лешека, он и поглазастее, и все эти лесные чудеса по его части. А сами гуськом двинулись следом. Нахмурившееся перед рассветом тяжелыми облаками небо развиднелось, и сквозь густые ветви деревьев светило солнце. Становилось жарко. Через пару часов мы взмокли от пота и молили каждый свой организм поскорее открыть второе дыхание. Вольф не стерпел и превратился в волка. Как известно, волки физически выносливее людей и ко всему прочему, как и их собратья собаки, не потеют. Часам к одиннадцати утра этот необыкновенный кросс по пересеченной местности завершился – сучок привел нас к какой-то землянке или входу в погреб и тотчас самоуничтожился: шляпка превратилась в прах, рогатулька обуглилась и стала пеплом.

– Привал!.. – выкрикнули мы хором.

Как вы, наверно, уже догадались, в результате ночного приключения обладателями наших дорожных запасов провианта стали цыгане. Вяленое мясо, соленая рыба, крупы, сухофрукты – все, что было закуплено на базаре еще в Даймондтауне, пошло в фонд помощи кочевым народам. Вольф, несмотря на то, что почти вегетарианец, в отдельных случаях снабжал наш небольшой отряд свежепойманным мясом, но сейчас ему было явно не до охоты. Тем не менее, после такой пробежки пускаться на пустой желудок в следующую авантюру было бы чертовски неразумно. По поляне сизым ковром стелилась голубика. За неимением ничего другого мы принялись воздавать ей должное. Жажда она утоляет хорошо, витаминов, опять же, в ней навалом, но с калориями, к сожалению, дела обстоят не очень.

Лешек набрал каких-то грибов, уверяя, что они съедобные, хотя на вид – не очень. Но с голодухи чего только не съешь. Мы развели костер и пожарили их на прутиках. Подкрепив таким образом силы, спустились в подземелье.

Светя фонарем, я шел впереди, ведя всю группу под сырыми кирпичными сводами, пока не наткнулся на толстую, как рояльная проволока, паутину. Где-то щелкнуло реле, немного померцав зажглась люминесцентная лампа, осветив дневным неярким светом почти круглое

в плане помещение с замшелыми и покрытыми плесенью стенами. Из какой-то темной дыры, кряхтя и отдуваясь, выполз создатель этой самой паутины. Косматое чудовище размером было этак с барашка. Оглядев нас всеми восемью глазами, страшилище откашлялось и произнесло:

– Ну и какого лешего вы сюда приперлись?

– Я это, попросил бы... – обиделся Лешек

– Фу ты, ну ты, какие мы надуты! Станный вы, лешие, народ. Вот черт, к примеру, не обижается, когда ему скажешь «черт с тобой».

– Ну и иди к черту!

– И пойду. К двум чертям, у нас там «пулька» не дописана, это вы меня оторвали, а у меня там, может, мизер чистый на лапах. Вот разберусь с вами и пойду. А черти за вами апосля придут. Не к спеху, куда они, души-то денутся, правильно? Или среди вас есть праведники? Может, туда хотите?

Он поднял вверх мохнатую лапу, вторую правую. В первой правой он держал какой-то блестящий цилиндр с кнопкой в торце, как у авторучки.

– Именно туда, – согласился Вольф, тоже показывая наверх. – Нам надо посетить здание, которое там, над нами. Но, думаю, выше пятого этажа мы подниматься не будем.

– А кто вас туда пустит? Приехали, ваш жизненный путь тута кончается. Оборотня я жрать не буду, волчатину я не ем, кровь только выпью. А остальных – уж не обессудьте, как говорится, френдз фор дина, – паук изобразил подобие ухмылки и пощелкал кнопкой на цилиндрике.

– Какие ж мы тебе друзья, мерзкое членистоногое! – возмутился Лева.

– Паукообразное, – поправил мутант.

– Тем более. Микроб из унитаза тебе френд.

И, обратившись ко мне, Лева сказал вполголоса:

– Чего-то я ляпнул сдуру. Ты, кстати, не знаешь, что такое унитаз? Какая-то чушь в голову лезет.

Я тоже поймал себя на том, что в голову лезет чушь. Как будто отходишь от наркоза или, проснувшись, хватаешься за обрывки ускользающего сновидения. И чушь какая-то заумная, мне вдруг представились три доказательства теоремы Ферма и два вполне работоспособных варианта вечного двигателя.

– Уважаемое паукообразное, – как всегда галантно обратился к мутанту Вольф. – Имя-то какое-нибудь есть у тебя?

– Есть, – немного растерянно произнес паук. – Федей с детства кличут.

– Вот что, Федя. Во-первых, вот у этого товарища, – он указал на Леву, – есть ружье, заряженное пулями для охоты на безвздохового однорука. Стреляет этот товарищ метко и, главное, быстро. Это я так, к слову. А во-вторых, выключи, пожалуйста, эту свою штуковину, не надо честным гражданам мозги пудрить

– Ладно, – согласился Федя и щелкнул кнопкой на цилиндрике. – Играем по честному. Итак, отгадываете три загадки – проходите. Не отгадываете – сожру. А вашей пукалки я не боюсь.

– Валяй, загадывай!

– Первая загадка...

Он сделал паузу, но, похоже, вовсе не театральную, просто усиленно напрягал память. Во внезапно образовавшейся тишине можно было услышать, как скрипят его мозги (или там, нервные центры).

– Значит так. Сидит девица в темнице... Э-мм... Сидит девица в темнице, кто ее раздевает, тот слезы проливает.

– А четыре варианта ответа?

– Обойдетесь.

- Попыток сколько?
- Одна.
- Гудок другу? – спросил Лешек, доставая корявый сучок,
- Фигушки!
- Фотопленка в кассете! – выпалил я.
- Ишь ты, верно. А почему слезы проливает?
- Засветить боится.

– Точно. Хорошо, слушайте вторую... Вторая загадка будет вот такая. Посложнее будет загадка. – Федя напрягал память с удвоенным усилием, при этом снова поигрывая цилиндром в первой правой передней лапке. – Вот такая вторая загадка: висит груша, а коса на улице

Первым делом я мысленно принялся прорабатывать тему повешенной на собственной косе тети Груни, как наиболее вероятную в плане Фединогo цинизма и традиций черного юмора, однако внутренний голос настойчиво нудел о чем-то связанном с хищением электро-энергии. Лешек меня опередил:

- Ета, дачник типа лампочку к столбу подключил.
- Ты хоть понял, чего сказал-то! – возмущенно выкрикнул Вольф. – Одна попытка всего, а ты...

Однако на паука было кисло смотреть. Похоже у него разболелись зубы (или хелицеры, черт знает, что там у него). Он тряс лапой с цилиндром и пытался обхватить голову педипальпами.

– Это не считается! Переиграть! Я случайно включил транслятор и транслировал вам отгадку!

- Карте место, – возразил Лева. – Уговор дороже денег, попытка есть попытка.
- Вы, жалкие ничтожества, обманываете несчастное животное! Ладно, черт с вами, последняя загадка будет посложнее.

Он зашвырнул транслятор в зияющую в стене черную дыру, из которой выполз.

– Эту точно ни в жисть не угадаете. Без окон, без дверей, полна... Пардон, это не надо. Два конца, два кольца... Нет, обратно не то. Висит в углу сито... Да ну вас в пень, идите так! Вон, дверь справа. Потом по коридору налево, затем направо, еще раз налево и до лифтов.

– Можем ли мы рассчитывать на вашу любезность приглядеть за нашим барахлишком, чтобы не таскаться с ним по серьезному учреждению? – спросил Вольф, указывая на рюкзак, который мы утром объединили из двух, поскольку вещей осталось совсем мало.

- Да оставляйте, никто его тут не тронет. Съестного нет ничего? А то, знаете ли, мыши...
- Знаем. Но ничего нет.

Самое ценное, что там было – моя аптечка и видеокамера. Ковер-самолет еще в деле испытан не был, поэтому относительно его ценности у меня оставались серьезные сомнения. Тем не менее, мы бросили рюкзак у стены и удалились в указанном пауком направлении.

Я словно бы попал в свой знакомый мир. Кафельный пол, панели под дерево до половины стены (вторая половина до потолка окрашена неопределяемого цвета масляной краской), электрический свет, подъемные механизмы с автоматическими дверьми (то бишь лифты) и выставленная в коридор отслужившая свой век разная аппаратура. Вольфа и Леву все это как бы и не удивляло, словно они каждый день пользовались лифтами и лампами дневного света. Лешек же озира́л все вокруг жадными глазами, и чувствовалось, он променял бы весь свой лес и будущую карьеру дипломированного лешего на комнату в общежитии и работу простым лаборантом в НИИ.

– Я предлагаю всей толпой не ходить, – Вольф как всегда был рассудителен, – чтобы не вызывать подозрений у местного контингента. Встретимся здесь, около лифтов, где-нибудь через час на совещание. А до этого каждый самостоятельно попытается выяснить, где нахо-

дится этот чертов прибор. А уж там вместе решим, выкрасть его, купить или получить по доверенности.

В лифте было шесть кнопок. На первом этаже, как выяснилось из висевшей тут же таблицы, размещались макетные мастерские, склады материалов и комплектующих изделий, бюро измерительной техники, библиотека и виварий. Весь шестой этаж занимала администрация, а под лаборатории и испытательные стенды отводились второй тире пятый этажи. Мы их распределили между собой при помощи детской игры в камень, ножницы, бумагу.

Мне достался четвертый этаж. Выйдя из лифта, я решил первым делом разыскать сортир. И не из каких-то там стратегических соображений, а по прямому назначению. Грибочки, все-таки, давали о себе знать – я испытывал некую слабость в животе. Включив на максимальную чувствительность обоняние, я шел по влажному, только что вымытому линолеуму коридора, и нюх мне подсказывал, что цель моя близка. Дверь в мужскую комнату была нараспашку, а проем перегороден шваброй – уборщица мыла в раковине тряпку. О, нравы! Почему-то во всех временах и пространствах в любых учреждениях уборщицы предпочитают мыть тряпки именно в мужских туалетах, хотя женская уборная рядом и совершенно свободна. Увидев меня, уборщица решила в корне пресечь мои намерения:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.